

ISSN 0207-3676

ОБЩЕСТВО и ЭКОНОМИКА

3
2023

Международный научный
и общественно-политический журнал

ОБЩЕСТВО И ЭКОНОМИКА SOCIETY AND ECONOMY

№3, 2023

Журнал учрежден академиями наук – участниками
Международной ассоциации академий наук

Выходит 12 раз в год.

Временно исполняющий обязанности
главного редактора журнала –
зам. главного редактора **П. Кохно**

Редакционная коллегия: д. э. н. **А. Алирзаев**, академик НАН Беларуси
Е. Бабосов, академик НАН Украины, иностранный член РАН **В. Геец**,
д.э.н. **Р. Джабиев**, академик АН Республики Таджикистан **М. Диноршоев**,
академик РАН **В. Журкин**, член-корр. РАН **И. Иванов**, д.э.н.
С. Калашников, академик АН Республики Таджикистан **Н. Каюмов**,
академик НАН Кыргызской Республики **Т. Койчуев**, д.э.н. **П.Кохно** –
зам. гл. редактора, д. филос. н., иностранный член РАН **Нгуен Зуй Куи**,
академик РАН **А. Некипелов**, академик НАН Беларуси **П. Никитенко**,
академик РАН **Б. Порфирьев**, д. э. н. **А. Расулев**, академик АН Молдовы
А. Рошка, академик НИА Республики Казахстан **О. Сабден**, **В. Соколин**,
д. филос. н. **О. Тогусаков**, академик НАН Украины **Ю. Шемшученко**,
д. э. н. **Е. Ясин**.

СОДЕРЖАНИЕ

Ирина Смотрицкая, Надежда Фролова. Особенности развития института корпоративного управления в российской экономике	5
Алексей Тегин, Владилен Тегин. Роль золота в процессе вытеснения доллара в международных расчётах России	17
Александр Бобков, Яна Гулина. Демпфирование угроз национальной экономике с применением цифровых инструментов Центрального Банка Российской Федерации	28
Юлия Большакова, Сергей Большаков. Проблемы и процессы современной экономической интеграции	47
Константин Павлов. Направления, формы и оценка уровня развития межрегиональных хозяйственных взаимосвязей	59
Екатерина Романчук. Содействие МВФ Узбекистану в преодолении проблем социально-экономической модели развития	69
Сергей Михневич, Элеонора Михневич. О некоторых аспектах цифровизации здравоохранения и развития глобального рынка е-медицины	86
Базынан Бизенгин, Эльдар Баккуев, Мадина Энеева, Мадина Газаева. Состояние, проблемы и перспективы зернового сектора сельского хозяйства Кыргызстана	97

CONTENTS

I. Smotritskaya, N. Frolova. Development estimates of corporate governance institute in Russian economy	5
A. Teguín, V. Teguín. The role of gold in eliminating the dollar in Russia's international settlements	17
A. Bobkov, Ya. Gulina. Damping threats to the national economy using digital instruments of the Central Bank of the Russian Federation	28
Yu. Bolshakova, S. Bolshakov. Problems and processes of modern economic integration	47
K. Pavlov. Directions, forms and assessment of the development of interregional economic relations	59
E. Romanchuk. IMF assistance to Uzbekistan in overcoming the problems of the socio-economic model of development	69
S. Mikhnevich, E. Mikhnevich. On some aspects of the digitalization of health and the development of the global e-health market	86
B. Bizengin, E. Bakkuev, M. Eneeva, M. Gazaeva. The present-day state, problems and prospects of the grain sector of agriculture in Kyrgyzstan	97

Журнал «Общество и экономика» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук по специальностям: 22.00.03 — экономическая социология и демография (социологические науки); 5.4.4 — социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки); 5.4.7 — социология управления (социологические науки).

Научно-организационная работа
по изданию журнала осуществляется при поддержке
Федерального государственного бюджетного учреждения науки
Института экономики Российской академии наук

© 2023

Ирина Смотрицкая

доктор экономических наук, главный научный сотрудник,
руководитель Центра исследований проблем государственного
управления Института экономики Российской академии наук
(г. Москва, Россия)
(e-mail: irinasmot@yandex.ru)

Надежда Фролова

научный сотрудник Института экономики Российской академии наук
(г. Москва, Россия)
(e-mail: nrasskazikhina@yandex.ru)

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА КОРПОРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКЕ

В статье рассматриваются теоретические и практические вопросы, связанные со становлением и развитием института корпоративного управления в российской экономике. Раскрывается содержательное наполнение понятия «корпоративное управление», выделяются основные этапы, а также внешние и внутренние предпосылки трансформации и развития института корпоративного управления. Особый акцент в работе сделан на исследовании институциональных особенностей корпоративного управления в акционерных обществах с государственным участием. Рассматриваются тенденции трансформации института корпоративного управления в условиях новой геополитической и экономической реальности.

Ключевые слова: корпоративное управление, институциональные реформы, этапы развития, государственная акционерная собственность, частный бизнес, государственное доминирование, санкции.

DOI: 10.31857/S020736760024665-0

В условиях современных глобальных геополитических вызовов перед нашей страной стоит задача обеспечения социально-экономической стабильности и устойчивости развития. В качестве основных драйверов развития рассматриваются крупные корпоративные структуры различных форм собственности. Однако глубина и скорость происходящих изменений требуют переосмысления сложившихся моделей и практик корпоративного управления, всестороннего анализа текущих трендов и учета существующих институциональных особенностей для быстрой и эффективной адаптации к новой реальности. Особую актуальность приобретают проблемы трансформации института корпоративного управления в компаниях с государственным участием¹, которые выступают ключевыми субъектами реализации комплекса мер антисанкционной политики.

¹ В настоящем исследовании под компанией с государственным участием понимается коммерческая организация, созданная в организационно-правовой форме акционерного общества, акционером которого выступает Российская Федерация и (или) субъект Федерации. Соответственно управление данными компаниями осуществляется на институциональных принципах корпоративного управления.

Следует отметить, что проблемы теории и практики развития института корпоративного управления в российской экономике выступают предметом многолетних научных дискуссий, в рамках которых сформировались теоретические концепты национальной модели корпоративного управления, институциональной среды, роли государства как собственника и акционера, трансплантации внутрифирменных корпоративных институтов. В данной статье авторы ставят задачу рассмотреть основные тренды и особенности развития российского института корпоративного управления в контексте современного экономического дискурса, специальный акцент в исследовании сделан на институциональных аспектах корпоративного управления в компаниях с государственным участием.

К вопросу содержания понятия «корпоративное управление». Для цели нашего исследования представляется важным сделать ряд предварительных замечаний. Во-первых, на сегодняшний день в документах нормативного характера отсутствует единое определение содержания понятия «корпоративное управление». Соответственно круг теоретических и практических проблем корпоративного управления, рассматриваемых в научных работах, меняется в зависимости от концептуальных подходов и «восприятия данного института различными заинтересованными субъектами» [1. С. 50].

Во-вторых, понятие «корпоративное управление» собственно не содержит указаний на объект и субъект управления. Действительно, если компанией с акционерным капиталом (корпорацией) управляло бы только руководство компании, вопроса о его содержательном наполнении не возникало, так как речь идет о «корпоративном менеджменте» — науке и практике управления акционерным обществом на микроуровне. В этом случае развитие института рассматривается в контексте возможности достижения эффективности внутрифирменных институциональных форм и практик корпоративного управления, а понятие «корпоративное управление» подменяется «тематикой корпоративного менеджмента, корпоративного права или реструктуризации компаний, в том числе, в отдельных отраслях экономики», оставляя за рамками исследований целый ряд весьма актуальных вопросов [1. С. 53].

Однако акционерной компанией (корпорацией) управляет и государство, создавая предпосылки для эффективной организации их деятельности в рыночных условиях посредством формирования соответствующих институциональных норм и правил как на микро-, так и на макроуровне. Определенное влияние на развитие института корпоративного управления оказывают и нормативные установки, регламенты других институций рынка (финансовых, фондовых бирж и т.д.). То есть в самом общем смысле систему корпоративного управления можно рассматривать и «как набор институциональных механизмов, способствующих перетоку сбережений от тех, кто готов их делать, к тем, кто знает, как лучше ими распорядиться» [2. С. 4].

Данная двойственность подхода к понятию «корпоративного управления» отмечалась в трудах российских ученых уже в период становления системы корпоративного управления. В качестве предмета исследования выделялся круг проблем, связанный по определению А.Д. Берлина с «корпоративным управлением» в корпорации» [3. С. 75] и управлением корпорацией, осуществляемым внешними по отношению к ней субъектами, в первую очередь, государством [4; 5].

При этом, по определению Д. Норта, именно формируемые внешними субъектами институциональные рамки оказывают «решающее влияние на то, какие именно организации возникают, и на то, как они развиваются. Но, в свою очередь, и организации оказывают влияние на процесс изменения институциональных рамок» [6. С. 20]. Отметим, что на протяжении всего периода развития современной российской экономики в роли наиболее активных агентов институциональных преобразований выступали крупные корпорации, что было связано с необходимостью обеспечения условий конкурентоспособности компаний на перспективу и требованием учета национальных интересов страны [7. С. 7].

В результате, как отмечает М. Аоки: «На родовом уровне корпорации отнюдь не являются «творениями» формальных законов, даже если в некоторых случаях они исторически и практически так выглядят. Условием жизнеспособности корпораций во времени как существенно важных элементов рыночной экономики является их способность порождать и сохранять правила своей собственной внутренней архитектуры и управления» [8. С. 121].

Таким образом, можно выделить два фундаментальных аспекта изучения процесса развития института корпоративного управления. Это исследование внешних предпосылок институциональных изменений — норм и правил, формируемых государством для реализации собственных экономических интересов и стратегических задач. И внутренних предпосылок трансформации, связанных с поиском наиболее оптимальной архитектуры корпоративного управления, соответствующих институциональных форм внутрифирменного управления в целях обеспечения устойчивости развития и эффективности деятельности компаний.

Институциональный контекст основных этапов эволюции корпоративного управления. В современной экономической литературе проблемам формирования и эволюции института корпоративного управления в российской экономике посвящен столь обширный пласт научных публикаций, что любые отсылки были бы неполны. Это, например, работы, посвященные эволюции институциональной среды и модели корпоративного управления [9, 10]; особенностям государственного регулирования [11]; подходам государства как собственника к управлению активами — пакетом акций компаний [12, 13] и т.д.

Как мы ранее уже отмечали на страницах данного журнала [14], трансформация «институциональных рамок» корпоративного управления, рассматриваемая в историческом контексте, может быть связана со следующими определяющими событиями в российской экономике.

Во-первых, это масштабная *приватизация государственной собственности* (в 1992–1997 гг.), когда были определены «на долгие годы особенности перераспределения собственности и корпоративного контроля на российских предприятиях, соответственно – и пути развития национальной модели корпоративного управления» [15. С. 5]

Модели и принципы приватизации, установленные Государственной программой приватизации государственных и муниципальных предприятий в Российской Федерации², предусматривали акционирование и распределение собственности между членами трудового коллектива, в соответствии с которыми управленческий персонал и работники предприятий получили более 75% акций приватизируемых компаний. Но ввиду сложной экономической ситуации, неразвитости фондового рынка, отсутствия необходимых норм регулирования акции работников компаний активно скупались инсайдерами – директорами и менеджментом компаний. В период 1995–1997 гг. были приватизированы государственные пакеты акций ряда компаний стратегических отраслей экономики, в результате финансовые учреждения стали доминирующими акционерами стратегически значимых предприятий. Именно на данном этапе сформировалась ключевая особенность российской модели корпоративного управления, которая остается существенной проблемой и в настоящее время – функции владения и управления в компаниях полностью не разделены, и в целом подконтрольны крупным доминирующим собственникам.

Во-вторых, это процесс законодательного *оформления* акционерной собственности, регламентации и регулирования прав акционеров компаний, а также рыночных принципов обращения ценных бумаг. Основные принципы организации и управления акционерными обществами были определены в Гражданском кодексе Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ. Но базовый Федеральный закон № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» был принят только в декабре 1995 года. Затем в Федеральном законе от 22 апреля 1996 г. № 39 – ФЗ «О рынке ценных бумаг» было регламентировано понятие акции как эмиссионной ценной бумаги, закрепляющей права ее держателя на получение части прибыли акционерного общества в виде дивидендов, а также права акционера на участие в управлении, на часть имущества, остающегося после его ликвидации.

В-третьих, это развитие *российского рынка ценных бумаг*. С 2002 года началось публичное размещение акций на российских фондовых биржах РТС и ММВБ,

² Указ Президента РФ от 24.12.1993 N 2284 "О Государственной программе приватизации государственных и муниципальных предприятий в Российской Федерации".

наблюдался резкий рост публичного размещения акций российскими компаниями и на зарубежных рынках, что потребовало приведение отчетности компаний в соответствие с требованиями МСФО. Именно в этот период начался процесс заимствования лучших практик и международных стандартов корпоративного управления, принятых Организацией экономического сотрудничества и развития в 1999 году (получивших новую редакцию в 2015 году)³. Как отмечает А.В. Верников: «Российский институт корпоративного управления разрабатывался при деятельном участии международных консультантов и вобрал в себя элементы, почерпнутые из правовых систем зарубежных стран» [16. С.3].

При этом, если вначале соблюдение принципов корпоративного управления, в том числе «Кодекса корпоративного поведения», принятого ФКЦБ в 2002 году, носило в большей мере формальный характер, то в условиях развития фондового рынка и усложнения системы управления акционерными компаниями появился спрос на имплементацию институтов корпоративного управления [16].

В качестве *события, оказавшего существенное влияние на трансформацию института корпоративного управления*, следует выделить создание крупных государственных корпораций на основе масштабной национализации и процесса объединения государственных активов (2004 — 2009 гг.). На данном этапе формируется устойчивый вектор экономической политики на возрастание роли государства, в том числе, за счет развития акционерных обществ с государственной долей в капитале. Так, число открытых акционерных обществ, контролируемых государством, увеличилось с 21 (в 2008 г.) до 36 (2012 г.) [11. С. 68].

Отметим, что эксперты расходятся в оценках доли государственного участия в российской экономике, по данным Счетной палаты РФ доля государства в экономике составляет около 48% [17], ФАС России придерживается более высоких оценок — 60–70% [18]. При этом увеличение участия государства в корпоративном секторе экономики рассматривается как основной тренд [19], который в условиях санкционного давления получает дальнейшее активное развитие. В связи важностью возрастания роли государства как собственника и акционера для российского института корпоративного управления остановимся на данном вопросе более подробно.

Институциональные аспекты корпоративного управления в акционерных обществах с государственным участием. В настоящее время государство является крупнейшим акционером российского рынка, по данным Росимущества, общее число акционерных обществ с государственным участием составляло порядка 2350 ед. в 2021 году.

Однако для цели нашей работы представляется важным не столько количественная оценка компаний с государственным участием, сколько изменение структуры

³ OECD, Принципы корпоративного управления G20/ОЭСР, OECD Publishing, Paris. 2016. URL: <http://dx.doi.org/10.1787/9789264252035-ru> (дата обращения: 27.02.2023).

собственности, так как особенности формирования и развития системы корпоративного управления, внутрифирменных институтов управления, в первую очередь, определяются уровнем концентрации и преобладающим типом собственника [2].

В этой связи авторами проведено аналитическое исследование изменения структуры акционерного капитала 68 крупнейших российских публичных компаний, из которых 80% входят в Перечень системообразующих предприятий российской экономики⁴. Период наблюдений включает 2011, 2014, 2017, 2020 и 2021 гг., данные о структуре акционерного капитала были собраны вручную из годовых отчетов исследуемых компаний, списков аффилированных лиц и иной официально публикуемой на сайтах компаний информации. Целью анализа являлась статистическая оценка участия государства как контролирующего собственника в капитале российских акционерных обществ, а также выделение доли компаний, где государство как мажоритарный акционер имеет возможность определять стратегию развития, формировать систему органов управления и контроля, утверждать внутренние нормативные акты и решать иные ключевые вопросы [20].

Проведенное исследование показало, что если в 2011 году прямое участие государства на уровне «блокирующего пакета» (более 25% акций) наблюдалось в 13% компаний исследовательской выборки, то к 2021 году их доля увеличилась до 18%. При этом число компаний, где государству как контролирующему собственнику напрямую принадлежит 50% и более акций практически не изменилось: в 2011 году эта группа компаний составляла 10% исследовательской выборки, а в 2021 г. — 9%. Однако выросло косвенное участие государства в акционерном капитале компаний, так в 2011 году компании с косвенным государственным участием составляли 28% исследовательской выборки, но затем в течении 10 лет их доля возросла до 37% (2021 г.).

Обобщая полученные результаты, можно сделать вывод, что *в целом (с учетом прямого и косвенного государственного участия) число компаний, где контролирующим собственником является государство, в наблюдаемый период (2011–2021 гг.) увеличилось почти на 45% (с 18% до 26% исследовательской выборки)*. Выявленные тенденции графически представлены на Рис. 1.

Ограниченность нашей исследовательской выборки не позволяет распространить полученные выводы на корпоративный сектор российской экономики в целом. Однако, следует подчеркнуть, что в выборку вошли крупнейшие публичные компании, совокупная капитализация которых в 2020 году составляла более 50% капитализации российского внутреннего рынка акций, что позволяет подтвердить наличие устойчивой тенденции к росту роли государства как контролирующего собственника в российских компаниях.

⁴ Перечень системообразующих организаций российской экономики // Министерство экономического развития Российской Федерации. URL: https://data.economy.gov.ru/system_org.xlsx (дата обращения: 26.10.2022).

Рис. 1. Доля компаний с участием государства в капитале от общей выборки исследуемых компаний (%)

Источник: составлено авторами по материалам официальной отчетности исследуемых компаний.

Целесообразность участия государства как крупнейшего акционера в экономической деятельности компаний и масштабы критического порога этого участия являются предметом острых дискуссий в современном научном и экспертном сообществе. Недостаточная эффективность корпоративного управления в российских компаниях с государственным участием отмечается как практиками [21, 22], так и представителями академического сообщества [13, 23 и др.].

В частности, отмечается, что в компаниях с государственным участием чрезвычайно остро стоит проблема разнонаправленности стимулов менеджмента и акционеров, так как «с точки зрения агентской теории государство не способно эффективно контролировать менеджмент из-за высокой асимметрии информации» [24. С. 45], а классическая агентская проблема «принципал-агент» в компаниях с государственным участием усугубляется сложностью «механизмов мониторинга результатов контроля» [23].

Действительно, в отличие от частного инвестора, ориентированного на получение прибыли, государство в лице действующих от его имени чиновников «одновременно действует и как акционер, и как выразитель интересов народа России», что создает проблемы для системы корпоративного управления [25]. То есть наблюдается дуализм интересов государства, заключающийся, с одной стороны, в необходимости достижения высоких финансовых результатов деятельности компании для получения (в качестве акционера) прибыли (дивидендов). А с другой — в необходимости выполнения определенных государственных задач, что приводит к отсутствию однозначных приоритетных целей у корпоративных менеджеров.

Очевидно, что указанные особенности деятельности компаний находят отражение в институциональных аспектах корпоративного управления. В настоящее время в системе управления АО с государственным участием ключевая роль принадлежит уполномоченному органу исполнительной власти — Федеральному агентству по управлению государственным имуществом (Росимущество) и его территориальным подразделениям, часть функций управления находится у Минфина России, которому подотчетно агентство. Определенный круг вопросов, например, при формировании органов управления и контроля, может согласовываться с отраслевыми ведомствами (министерствами).

Однако в целом сложилась централизованная модель управления компаниями с государственным участием, так как действует единый орган (Росимущество) по управлению большинством акционерных обществ, имеющих государственную долю в капитале, кроме случаев, установленных специальными законодательными актами.

Отметим важность института директив для компаний с государственным участием. Именно через директивы государство как собственник (в лице Росимущества) формирует корпоративную политику, к «директивным» относятся ключевые вопросы управления компанией, такие как увеличение уставного капитала; образование и прекращение полномочий исполнительного органа общества; рекомендации по выплате дивидендов и т.д.

Обобщая все вышеизложенное, можно резюмировать, что государство — сложный собственник и определенные институциональные аспекты корпоративного управления акционерными обществами, учредителем которых оно выступает, отличаются от принципов управления в частных компаниях. Исследователи выделяют ряд институциональных особенностей, оказывающих существенное влияние на качество корпоративного управления в компаниях с государственным участием.

Во-первых, полномочия государства как собственника разделены между органами власти, их структурными подразделениями и госслужащими. Это приводит к переносу центра принятия решений в вышестоящие организации, и, как следствие, к затягиванию и дополнительной бюрократизации процессов

управления. Во-вторых, существующие принципы формирования органов управления и контроля обуславливают недостаточную заинтересованность советов директоров (наблюдательных советов) в результатах деятельности компаний, преобладания «пассивной позиции». В свою очередь, волатильность действующей нормативно-правовой базы, логика и вектор изменений регулирующих документов не всегда направлены на повышение эффективности результатов экономической деятельности компаний с государственным участием [20].

В тоже время можно отметить и определенные преимущества, обеспечиваемые участием государства в акционерном капитале, например, снижение рисков, гарантия защиты прав всех акционеров [26], преимущественный доступ к заемному финансированию [23. С. 27], что особенно важно в условиях режима санкций, возникших ограничений в доступе к международным финансовым рынкам.

Однако, по мнению представителей бизнес-сообщества, растущее влияние государства как акционера является одной из существенных проблем развития института корпоративного управления. При этом, оценивая в целом нормативно-правовую базу корпоративного управления, эксперты подчеркивают существующий «институциональный провал», который проявляется в несоответствии разработанных норм и правил современной практике. Так, нормы и стандарты Кодекса корпоративного управления (далее — Кодекс)⁵ разрабатывались и принимались в период, когда проводилась политика на разгосударствление экономики и вывод чиновников из советов директоров компаний с государственным участием. А вступил в действие Кодекс (2014 г.) в других политических и экономических условиях — при возрастании экономической роли государства, усилении его воздействия как собственника и акционера на бизнес [25]. Очевидно, что данное противоречие обостряется и получает новое содержательное наполнение в современных экономических условиях.

Введение беспрецедентного режима санкций против нашей страны дало начало новому этапу трансформации института корпоративного управления. За прошедший год наметились тенденции в управлении акционерными обществами, которые не соответствуют базовым принципам и стандартам института корпоративного управления. В том числе снижение информационной открытости публичных акционерных обществ; отказ от дивидендной политики; несоответствие процедур и практики принятия решений существующим корпоративным стандартам; снижение горизонта стратегического планирования; изменение состава совета директоров.

⁵ Кодекс корпоративного управления. / Письмо Банка России от 10.04.2014 N 06-52/2463 "О Кодексе корпоративного управления" / Банк России. URL: <https://cbr.ru/publ/vestnik/ves140418040.pdf> (дата обращения: 30.01.2023).

Так, в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 12.03.2022 г. № 351⁶ акционерные общества могут не раскрывать информацию о своей деятельности, хотя обеспечение информационной прозрачности компании для акционеров, инвесторов и других заинтересованных лиц является одним из основополагающих принципов корпоративного управления (п. 6.1. Кодекса). Как показывает практика, многие компании воспользовались данной возможностью.

Еще одним примером, характеризующим происходящие изменения, является проблема с невыплатой дивидендов при положительных финансовых результатах (такое решение принято, например, ПАО Сбербанк, «ВТБ» (ПАО), X5 Retail Group и др.). Данная ситуация противоречит сущности и смыслу дивидендной политики как ключевому элементу института корпоративного управления в публичных акционерных обществах. Представляется, что происходящая трансформация институциональных аспектов корпоративного управления в условиях новой экономической реальности требует отдельного всестороннего исследования.

В настоящее время российская экономика оказалась на развилке — между расширением использования административных методов управления при значительном усилении роли государства, и сохранением рыночных принципов хозяйствования, поддержкой частного бизнеса. От выбора стратегии экономической политики будет зависеть внешний вектор институциональных изменений, формируемый государством для реализации приоритетных задач, и принципы адаптации институциональных форм управления для обеспечения баланса интересов всех заинтересованных субъектов (стейкхолдеров) крупных корпоративных структур.

Литература

1. *Энтов Р., Радыгин А., Межераунс И., Швецов П.* Корпоративное управление в системе институциональных изменений // М.: ИЭПП, 2006. — 461 с. (Научные труды / Ин-т экономики переход. периода. № 101).
2. *Капелюшников Р.И.* Концентрация собственности в системе корпоративного управления: эволюция представлений // Российский журнал менеджмента. Том 4. № 1. 2006. С. 3—28.
3. *Берлин А.Д.* Реструктуризация системы управления предприятиями в переходный экономике (вопросы методологии и практики). Диссертация на соискание ученой степени д.э.н. МГУ им М.В. Ломоносова. М.: 1999. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_000285754/.
4. Теоретические основы институциональной трансформации. Часть 1. / под редакцией Городецкого А.Е. // Москва. ИЭ РАН. 2000. — 67 с.

⁶ Постановление Правительства Российской Федерации от 12.03.2022 г. № 351 "Об особенностях раскрытия и предоставления в 2022 году информации, подлежащей раскрытию и предоставлению в соответствии с требованиями Федерального закона "Об акционерных обществах" и Федерального закона "О рынке ценных бумаг", и особенностях раскрытия инсайдерской информации в соответствии с требованиями Федерального закона "О противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации".

5. Абахов Ю.М., Лукашенко О.В., Смотрицкая И.И. Анализ корпорации и корпоративного управления в условиях трансформации организационно-управленческих систем // Москва. ИЭ РАН. 2001. — 42 с.
6. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики // Фонд «НАЧАЛА». М. 1997. — 180 с.
7. Крук М.Д. Современные формы и механизмы корпоративного управления (методология и практика) // М.: МО МАНПО. 2000. — 357 с.
8. Аоки М. Корпорации в условиях растущего многообразия: познание, руководство и институты / Пер. с англ. // М.: Изд-во Института Гайдара. 2015. — 368 с.
9. Орехова С.В., Кудин Л.Ш. Российская модель корпоративного управления: эволюция, специфика, проблемы эффективности // Вестник Челябинского государственного университета. 2019. № 3 (425). С. 140–152. DOI: 10.24411/1994-2796-2019-10316.
10. Устюжанина Е.В., Евсюков С.Г., Петров А.Г. Состояние и перспективы развития корпоративного сектора российской экономики / Препринт #WP/2010//276 // М.: ЦЭМИ РАН. 2010. — 141 с.
11. Дементьева А.Г., Загребельная Н.С. Российский корпоративный сектор: современное состояние и перспективы развития // Право и управление XXI век. 2015. № 4. С. 67–75.
12. Долгопятова Т.Г. Компании с государственным участием: подходы к развитию корпоративного управления // Менеджмент и бизнес- администрирование. 2012. № 2. С.104–120.
13. Радыгин А. Ю., Симачев Ю., Энтов Р. Государственная компания: сфера проявления «провалов государства» или «провалов рынка»? // Вопросы экономики. 2015. № 1. С. 45–79.
14. Смотрицкая И. Российский корпоративный сектор: от либеральной модели к государственному доминированию // Общество и экономика. 2022. № 5. С.5–15.
15. Долгопятова Т.Г. Становление корпоративного сектора и эволюция акционерной собственности / Препринт. 2003. WP1/2003/03 // М.: ГУ ВШЭ. — 44 с.
16. Верников А.В. Импорт в Россию институтов корпоративного управления и их мутация. URL: <https://mpra.ub.uni-muenchen.de/15379/> MPRA Paper No. 15379, posted 25 May 2009 10:50 UTC.
17. Кудрин допустил рост доли госсектора в экономике России из-за пандемии // ТАСС. 10.08.2020. URL: <https://tass.ru/ekonomika/9166587> (дата обращения: 21.01.2023).
18. ФАС в СМИ: доля государства в экономике РФ превысила 50% и препятствует развитию конкуренции //ФАС РФ. 06.05.2019. URL: <https://fas.gov.ru/publications/18306?ysclid=laqlsqwr44879407666> (дата обращения: 21.01.2023)/
19. Батаева Б.С., Гайнуллина Н.Р. Растет ли доля государственного участия в экономике России? // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2021. № 7(238). С. 7–14. DOI: 10.24412/2072-4098-2021-7-7-14.
20. Яковлев А.Ю. Российская практика регулирования корпоративного управления в различных типах акционерных обществ // Менеджмент и бизнес-администрирование. 2022. № 3. С.102–113.
21. Кошкина А. Государственные компании стали удельными княжествами. / Ведомости. 27.08.2020. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2020/08/26/837889-gosudars-tvennie-kompanii?ysclid=l8y9fsryj9106206516> (дата обращения: 07. 02.2023).
22. Фалахов Р. «Минимум прибыли для бюджета»: что творится в госкомпаниях. Счетная палата указала на неэффективное управление госимуществом / Газета.ру, 27.08.2020. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2020/08/26/13212649.shtml?ysclid=l8yasl3ogn859191583> (дата обращения: 07.02.2023).

23. *Абрамов А.Е., Радыгин А.Д., Чернова М.И., Энтов Р.М.* Государственная собственность и характеристики эффективности // Вопросы экономики. 2017. № 4. С. 5–37. URL: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2017-4-5-37>.
24. *Ружанская Л.С., Останин И.В., Тычинская Т.А., Шербинина А.А.* Может ли государственное участие в собственности и управлении повысить конкурентоспособность и эффективность компаний? // Современная конкуренция. 2009. № 2 (14). С. 44–63.
25. Корпоративное управление в России: кризис жанра и надежды на будущее / центр социального проектирования «Платформа» по заказу Ассоциации независимых директоров (АНД), Москва, 2018. URL: https://pltf.ru/wp-content/uploads/2018/12/korporativnoe_upravlenie_v_rossii_platforma.pdf (дата обращения: 21.02.2023).
26. *Смотрицкая И.И., Фролова Н.Д.* Управление в компаниях с государственным участием: эмпирический анализ с учетом отраслевых эффектов // Менеджмент и бизнес-администрирование. 2022. № 2. С. 100–112. DOI: 10.33983/2075-1826-2022-2-100-112.

Irina Smotritskaya (e-mail: irinasmot@yandex.ru)

Grand Ph.D. in Economics, Chief Scientific Associate,
Head of the Center for Public Administration's Studies,
Institute of Economics Russian Academy of Sciences (RAS),
(Moscow, Russia)

Nadezhda Frolova (e-mail: nrasskazikhina@yandex.ru)

Researcher, Institute of Economics Russian Academy of Sciences (RAS),
(Moscow, Russia)

DEVELOPMENT ESTIMATES OF CORPORATE GOVERNANCE INSTITUTE IN RUSSIAN ECONOMY

The article deals with theoretical and practical issues related to the formation and development of the institute of corporate governance in the Russian economy. The meaningful content of the concept of "corporate governance" is disclosed, the main phases, as well as external and internal prerequisites for the transformation and development of the institute of corporate governance are highlighted. Special focus is made on the study of institutional specificities of corporate governance development in joint-stock companies with state participation. The tendencies of transformation of the institute of corporate governance in the conditions of new geopolitical and economic reality are considered.

Keywords: corporate governance, institutional reforms, phases of development, state joint-stock ownership, private business, state domination, sanctions.

DOI: 10.31857/S020736760024665-0

© 2023

Алексей Тегин

кандидат технических наук, заместитель начальника отдела ООО «УК Полюс»

(г. Москва, Россия)

(e-mail: ategin@mail.ru)

Владилен Тегин

кандидат технических наук (г. Коломна, Россия)

(e-mail: vladilent@mail.ru)

РОЛЬ ЗОЛОТА В ПРОЦЕССЕ ВЫТЕСНЕНИЯ ДОЛЛАРА В МЕЖДУНАРОДНЫХ РАСЧЁТАХ РОССИИ

Рассматривается влияние золота и золотодобычи на политику монетарного регулятора России за последний год. Показана роль одного из важнейших экспортных сырьевых товаров в дедолларизации отечественной системы международных денежных расчетов.

Ключевые слова: золотодобыча, денежные агрегаты, денежная масса, фиксинг, платежный баланс, регулятор, потолок цен, замещение.

DOI: 10.31857/S020736760024666-1

Золотодобывающая промышленность в мире остается одной из относительно преуспевающих отраслей. Ситуация для неё складывается благоприятно и в России, которая занимает второе место в мире по объему производимого золота. Поскольку страна увеличивает экспорт драгоценных металлов, а ценообразование на них является международным и привязанным к биржевым данным, а эта отрасль остается у нас стабильным источником валютных поступлений.

Общее состояние золотодобывающей отрасли. Объёмы производства золота в России и в мире продолжают расти и достигают в настоящий момент исторических максимумов. При этом увеличение объёмов производства сопровождался ощутимым ростом цен как на драгоценные металлы в целом, так и, в частности, на золото.

Здесь имеются в виду биржевые цены на золото, номинированные в валюте. В таблице приводятся среднегодовые (среднеарифметические) цены ежедневного лондонского фиксинга (для определенности выбран утренний фиксинг), округлённые до целых значений. Лондонский фиксинг считается официальной рыночной ценой на золото.

Таблица

Среднегодовая цена на золото (по данным лондонского фиксинга)

Годы	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Цена золота (долл./унцию)	1 160	1 250	1 258	1 269	1 394	1 771	1 799

Источник: [1].

Таким образом, в последние 7 лет наблюдался непрерывный рост рыночных котировок цен на золото, быть может, с небольшими периодами стагнации.

У нас в стране положительным для отрасли оказался также эффект значительной девальвации рубля, начавший действовать со второй половины 2014 г. Обесценение рубля привело к существенному росту рублевой цены на золото и, как следствие, выручки от его продажи. Для иллюстрации приведём несколько цифр: в ноябре 2014 г. рублёвая цена на золото впервые в истории преодолела рубеж 2000 руб./г, а в феврале 2016 г. превысила уровень 3000 руб./г.

Несомненно, здесь имеет место смешанный эффект: двухфакторное влияние на рублевую цену как девальвации рубля, так и роста биржевых цен. В дальнейшем рост рублевой цены продолжился. Производители золота в России значительную часть расходов, как общепроизводственных, так и инвестиционных, несут в рублях, и эти расходы долгое время росли не столь значительно. В совокупности с более быстро растущей выручкой это приводило к росту маржинальности основного производства.

Изменение величины денежной массы в России в 2022 г. В последний год в России отмечается снижение долларизации международных денежных расчетов. Так, на сайте Росцентробанка в разделе, посвященном денежным агрегатам, показано изменение сравнительной структуры денежной массы.

Например, агрегат M2 вырос значительно [2]: на 01.12.22 г. он составил 76,873 трлн руб., что соответствует 23,4% годового прироста. Добавив к величине M2 депозиты и депозитные сертификаты в иностранной валюте, мы получим агрегат M2X, или широкую денежную массу. И эта добавленная к M2 сумма валютных депозитов не выросла, а упала на 39,3% в годовом выражении, составив 10,92 трлн руб. В целом агрегат M2X, или широкая денежная масса, составил 87,798 трлн руб., показав рост 9,3% в годовом пересчете. Следовательно, в целом валютный компонент широкой денежной массы снижается.

Выросло ли поступление валюты в Россию? В целом ответ положительный, ведь профицит платежного баланса нашей страны по-прежнему сохраняется. Банк России опубликовал оценку профицита платежного баланса в январе-ноябре 2022 г. — это 225,7 млрд долл., обозначив его роста году к году более чем вдвое из-за рекордного роста профицита торговли товарами и услугами при благоприятной конъюнктуре цен [3].

Таким образом, приток валюты существует, но аналитики отмечают, что она довольно быстро конвертируется в рубли — быстрее, чем прежде. Долларов при этом обращается в любом случае меньше, и они замещаются другими валютами.

События на международном рынке золота в 2022 г. В начале марта 2022 г., вскоре после начала специальной военной операции (СВО), Лондонская ассоциация рынка драгметаллов LBMA, которая ведет учёт значимых в мире поставщиков золота, приостановила действие статуса Good Delivery применительно к российским аффинажным заводам (исключила их из числа надежных

поставщиков), что автоматически поставило их продукцию в стоп-лист торговых товаров. Одновременно были лишены членства в ассоциации три российских банка: ВТБ, Открытие и Совкомбанк.

Как следствие, для банков (причем, что важно, для всех банков – трейдеров по золоту) этот канал торговли полностью закрылся. Тогда же ЦБ возобновил закупки драгоценных металлов для своего резервного фонда, но установил фиксированную цену приобретения (это будет более подробно рассмотрено ниже).

Затем власти Великобритании (напомним, что Лондон – основной мировой центр торговли золотом) ввели блокирующие ограничения против пяти российских банков, два из которых, Газпромбанк и Россельхозбанк, занимали ведущие позиции по операциям с физическим золотом. До этого под британскими санкциями оказались другие крупные продавцы золота из России: Сбербанк, ВТБ, Совкомбанк и ПСБ, которые таким образом лишились возможности проводить любые операции и расчеты в Лондоне.

В конце июня 2022 г. США ввели запрет на импорт золота из России, исключив, правда, из него металл, произведенный до принятия этого решения. Через месяц аналогичное решение принял и Евросоюз. При этом различные западные покупатели начали отказываться от приобретения российского золота сразу после того, как США и ЕС в конце февраля частично заблокировали золотовалютные резервы Банка России.

Итак, сейчас Европа и США для российского аффинированного золота закрыты. США, будучи сами крупным производителем этого металла, не покупали его у России и до введения антироссийских санкций (во всяком случае, напрямую). Самым активным покупателем была в 2021 г. Великобритания. По данным Минфина РФ, российские недропользователи произвели за год 346,42 т золота, из них на экспорт было отправлено 302,17 т, в том числе 266,04 т – в Великобританию. С учетом усредненных цен на металл выручка от экспорта составила 17,5 млрд долл., или 1,3 трлн руб.

Заметим, что общий объем экспорта из России по всем видам товаров и услуг в 2021 г., по данным Росстата, составил в денежном выражении 491,6 млрд долл. [4]. Таким образом, вывоз золота не превысил 4% от этой величины, что является относительно небольшой долей от суммарного значения. Цифры, показывающие вклад золота во всероссийский экспорт, мы привели индикативно; они просто показывают, как этот сегмент внешней торговли вписывается в её общую картину. Нас же интересует драгоценный металл в контексте динамики и структуры денежной массы в стране. А она в 2021 г. была следующей: агрегат М2 вырос за год с 58,65 до 66,25 трлн руб., или на 7,6 трлн руб. (рост 13% за год). В этом контексте выручка от экспорта золота в размере 1,3 трлн руб. за год составляет 17,1% от суммы прибавки денежной массы в России.

Но в 2021 г. внешняя торговля вообще и торговля золотом, в частности, осуществлялась в основном за доллары. Этим металлом на экспорт торговали преимущественно банки, покупая его у золотодобытчиков за рубли, но конечные поступления денег из-за рубежа были валютными и в основном долларовыми. Следовательно, торговля с иностранцами, которая велась в 2021 г., не только не способствовала дедолларизации расчетов в стране, она, напротив, её усиливала, и всё это продолжалось также и в первые два месяца 2022 г., пока не началась СВО.

В прессе есть сообщения, что и Евросоюз продолжает импорт золота из России, причём даже более активно, чем это было раньше [5]. Соблюдая санкции, он, правда, осуществляет ввоз необработанного или полупереработанного «жёлтого металла», на который не наложены рестрикции. Опубликованные данные имеются только по одной части года: за первые 8 месяцев экспорт такого российского золота составил 10 т, или 333,3% от объёма за аналогичный период 2021 г., когда Евросоюз импортировал из России 3 т золота. Покупателями выступили Германия (9 т) и Италия (1 т). В денежном выражении величина экспорта золота в ЕС в январе-августе 2022 г. составила 508,8 млн евро, или 240,1% от суммы января-августа 2021 г., когда Евросоюз заплатил РФ 211,9 млн евро.

Сравнение физического ввоза за эти периоды релевантно, так как ведётся по реальному содержанию золота, полученного после ввоза полуфабрикатов. Что же касается денежных эквивалентов, то на их формирование, безусловно, влияют содержание металла в концентрате, наличие и количество сопутствующих примесей и множество других факторов, характеризующих его состав. Все эти факторы влияют на технологическую сложность и трудоемкость переработки. Но, допуская слабое, пренебрежимо малое влияние этих факторов на ценообразование и пытаясь построить соответствие роста объёма и роста цены, путем простого деления получаем, что темп роста цены составил только 72% от темпа роста объёма. Данный факт указывает на наличие серьезного дисконта по сравнению с поставками 2021 г.: Евросоюз, вероятнее всего, воспользовался сложившейся ситуацией для совершения выгодных сделок. Но, повторим, точное нормирование при неполной информации невозможно.

Какие имеются опции здесь и сейчас, если посмотреть на остальной внешний мир? Возможностей не так уж и мало. Рынки Азии для нашего золота открыты (как теоретически, так и практически). Торговые операции начались и продолжают расширяться. Это преимущественно внебиржевая торговля, и контрагентов здесь относительно много. Производители золота начали налаживать договорные отношения с приобретателями металла и заключать сделки, некоторые начали открывать представительства в странах Азии.

Азиатские рынки золота насчитывают ряд крупных стран: Китай, включая Гонконг, Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ), Индию. Китай, как известно, сам является крупнейшим производителем золота в мире (данные по итогам

2021 г., но, думается, в 2022 г. приоритет останется тоже за ним). КНР производит не только добычное, попутное и вторичное золото, но и извлекает его из концентрированного золотосодержащего сырья (флотоконцентрата), в том числе (и преимущественно) российского. Не брезгает Китай и российским аффинированным золотом (это уже конечная готовая продукция), покупая его для пополнения своих резервов.

Судьба металла, проданного в Азии, чаще всего остается неизвестной, так как дальнейшая перепродажа его в Европу с клеймом российских заводов невозможна. Здесь можно строить разумные предположения о его переклеймении, переплавке, а далее всё так же, как было до начала СВО.

Действия Росцентробанка на рынке золота в 2022 г. Россия — золотодобывающая страна, одна из крупнейших, и товар под названием «золото» является почти абсолютно ликвидным. Во всяком случае, в контексте возможной оперативной монетарной продажи (с быстрым получением денег) золото — товар ликвидный. Значительную часть добываемого металла недропользователи продавали российским коммерческим банкам, остальное покупал Гохран России для пополнения своих запасов. Есть также возможность продавать золото внутри страны через биржу как для банков, так и для золотодобывающих компаний (ЗДК). В дальнейшем банки либо продавали драгметаллы Росцентробанку, либо вывозили их на экспорт, в том числе — торгуя через Лондонскую биржу металлов.

25 марта 2022 г. Банк России объявил, что с этого момента будет покупать золото у банков по фиксированной цене, а именно, по 5000 рублей за 1 грамм. И, как было заявлено в пресс-релизе, «установленный уровень цены позволяет обеспечить устойчивое предложение золота и бесперебойное функционирование золотодобывающей отрасли в текущем году» [6].

Ситуация с позицией Росцентробанка по цене на золото открыла на тот момент два важных обстоятельства:

- рубль на краткосрочный период стал «золотым»;
- открылся стимул для реализации золота за рубежом, т.е. для его экспорта, для тех производителей и банков, кто не желает торговать внутри страны, имея точную верхнюю границу цены продажи.

Понятие «золотой рубль» не несёт в себе никакого дополнительного подтекста, так как в реальности рубли обеспечены массой сырьевых и несырьевых товаров, выпускаемых в стране помимо золота. Всего лишь: рубль — это столько-то граммов золота, грамм золота — это столько-то рублей.

Цена 5000 руб./г не учитывала рыночные колебания цены, которые происходят каждый день, а они определяются ценой лондонского фиксинга и курсом доллара. Рынок счёл такой подход негибким или, попросту говоря, невыгодным, и принялся искать новые решения.

Сейчас мы можем использовать термин, который появился в том же 2022 г., но позже и не в России: «потолок цен». Стимулирование экспорта через «потолок цен», действительно, привело к росту прямых (не агентских) внешних продаж, но уже новыми продавцами. ЗДК стали учиться продавать металл за рубеж. Речь идет об аффинированном золоте, золотосодержащее сырье продавалось и раньше.

Важно указать, что ЗДК до недавних пор не могли вывозить драгоценные металлы за рубеж самостоятельно вследствие отсутствия соответствующих лицензий. Данный вид лицензирования в России появился только в 2020 г., и недропользователи «бросились» получать разрешения. Эти новые возможности, возникшие заблаговременно, явились ощутимым благом для представителей отрасли, когда в 2022 г. с началом СВО возникли те «рогатки» и препоны, которые продолжают действовать и сейчас. Коротко повторим:

- банки, продававшие золото на экспорт, лишились этой опции, оказавшись под санкциями;
- возможности реализации металла Центробанку РФ имеют ограничения по потенциальной выручке от продажи. Рыночную цену можно получить, только если она окажется ниже заявленного «потолка цен».

Заявления представителей ЦБ, сделанные в 2022 г., не оставляют надежд на продолжение скупки им драгоценных металлов. Первоначально в марте 2022 г., Банк России утверждал, что не хочет конкурировать с населением, активно начавшим весной покупать золото в слитках [7]. 15 марта было сделано заявление, что по этой причине регулятор приостанавливает покупку золота у кредитных организаций. Это произошло после отмены НДС на инвестиционные вложения в золото. Население, а именно та его часть, у которой есть деньги, действительно потянулось в банки за слитками «желтого металла» разных калибров. Напомним, что уже 25 марта это заявление было фактически дезавуировано самим регулятором, который к покупкам золота вернулся, но по «твердой» цене.

Покупки Банком России после 30 июня продолжились, но теперь он начал применять существенные дисконты по отношению к рыночной цене золота, что тоже «мотивировало» производителей к экспортным продажам.

Осенние заявления 2022 г. уже содержали совершенно новые указания на то, что регулятор не считает более вложения в золото надежным инструментом наполнения казны [8]. Указания содержатся в словах, что золото из России трудно продать — продать с издержками или продать в принципе, а значит, ликвидность данного актива носит ограниченный характер.

На это можно возразить следующее: золото не является уникальным товаром в физическом смысле. Фирменный знак какого-либо отечественного завода цветных металлов на слитках ставить не обязательно, особенно сейчас, если в этом есть временная необходимость. Но даже металл, вывезенный ранее за границу, может там же быть лишен уже нанесенного клейма, что фактически

уже наверняка и происходит для целей, которые могут быть у иностранных приобретателей. Вопрос об обратном ввозе металла в Россию при этом, безусловно, не стоит, так как его в нашей стране производится достаточно. Таким образом, постановка вопроса о трудности продажи российского золота не вполне состоятельна. Ведь российские золотодобывающие предприятия и холдинги на текущий момент самостоятельно его продают. За последние три квартала вполне сложилась успешная деловая практика в этой сфере. Даже если речь идет не о прямой продаже, а о перепродаже российского металла из «закрытых Родины», серьезной проблемы это не составляет, ведь всегда можно совершить сделку через посредников.

Есть ещё одно соображение, и оно, скорее всего, является наиболее важным: регулятор не считает, что следует печатать деньги под приобретение золота, проводя, как это понималось раньше, обеспеченную эмиссию. Отчасти это соображение вытекает из первого (страдает качество такого обеспечения, как золото, в теперешнем понимании ЦБ), но носит совершенно самостоятельный характер, ибо дело в следующем. Эмиссия рублей, как мы показали в начале статьи, идёт активно (рост агрегата М2). Росцентробанку не нужно обеспечение для этого, так как денежный голод в отечественной экономике позволяет печатать деньги, не разгоняя seriously инфляцию. Инфляция по итогам 2022 г. по сравнению с периодом начала СВО даже снизилась и составила 11,94% в годовом выражении [9]. Для сравнения в марте инфляция ускорилась до 16,69% [10]. При этом, напомним, увеличение рублевой денежной массы составило на начало декабря 23,4% в годовом пересчёте.

Таким образом, у регулятора рождается риторический вопрос: зачем заполнять собственные хранилища малоликвидным, по его мнению, товаром? Эмиссия, будучи по факту необеспеченной, не вызывает дополнительного роста инфляции, поскольку для этого нет фундаментальных причин. Стоит ли давать эмиссии так называемое обеспечение, которое, по сути, таковым не является? При этом, кроме Росцентробанка, есть ещё и Гохран России, являющийся отдельным казенным учреждением и имеющий планы по закупкам в государственные фонды. Гохран покупает золото, но в относительно небольших объёмах, порядка 2 т/год [11].

Третий аргумент регулятора — самый, по нашему мнению, весомый и, главное, имеющий отношение к теме статьи, звучит так: подталкивая ЗДК продавать золото на экспорт, мы (ЦБ) способствуем притоку иностранной валюты в страну. Набор валют, имеющих хождение в России, в текущий момент меняется по структуре и объёму обращения в стране, но это отдельный оценочный вопрос. Разные мировые валюты различны и по ликвидности, и по доле в международном товарообороте, но это в целом повышает ликвидность отечественной денежной системы, пострадавшей от санкций.

Несколько отвлекаясь от монетарного аспекта, заметим, что в стимулировании золотодобытчиков к торговле на экспорт имеется даже психологический момент: выйти на внешний рынок следует всем в отрасли, кто может это осуществить. В этом есть своего рода мобилизация. В результате появляются новые субъекты внешней торговли, в чем-то заменяющие прежние (подсанкционные банки), но, главное, перешедшие на более высокий уровень развития, когда они учатся зарабатывать деньги на мировых рынках, проведя долгие годы только на внутреннем.

Развитие субъектов отрасли, освоение ими новых сегментов рынка, безусловно, важны, но являются попутным положительным эффектом. Регулятор решает, конечно же, и другие монетарные задачи, кроме упомянутого выше повышения ликвидности:

- общее увеличение поступления в страну иностранной валюты;
- замена (пусть и частичная) и расширение прежней корзины валют, имеющих хождение в стране, на новую.

Прежняя корзина валют “ушла” по понятным причинам, и есть понимание, что нужна новая, эффективная на текущий момент корзина валют, с которой страна может активно работать, проводя международные расчеты и не опасаясь рисков, идентичных возникшим в начале 2022 г. Такое понимание и делает важными вышеперечисленные задачи.

В качестве одной из опций расширения корзины валют, применяемых при оплате российского экспорта, может быть также рассмотрена продажа продукции за рубли. Торговля отечественными товарами за рубли уже происходит довольно активно, например, это особенно касается природного газа. Правда, в сфере торговли золотом расчёты в рублях пока что не практикуются.

Новое монетарное наполнение и структура портфеля валют, актуальных для России, будет расширяться с выходом на международные рынки дополнительных экономических субъектов — таких, как производители золота, с которыми это произошло только в 2022 г. и пока в ограниченных объёмах.

Ближайшие перспективы спроса на золото. Общая перспектива для данного рынка может быть признана вполне благоприятной, так как спрос растет не только со стороны частных инвесторов и компаний, но со стороны и монетарных регуляторов разных стран.

Например, в третьем квартале 2022 г. центральные банки мира приобрели значительные объёмы золота, около 400 т, что более чем в 4 раза больше, чем за год до этого (91 т). В общей сложности за 9 месяцев 2022 г. центробанки мира скупили 673 т золота, что почти в 1,5 раза больше, чем за весь 2021 год: (454 т) [12].

По информации РБК, данные на конец третьего квартала 2022 г. показали (на конец 2022 г. пока сведений нет), что с начала 2022 г. спрос на золото в мире увеличился на 18% и составил 1181 т, вернувшись к уровню, существовавшему до начала пандемии.

Цены на золото претерпели в 2022 г. несколько разнонаправленных движений. Вскоре после начала СВО был достигнут годовой максимум: 9 марта 2022 г. цена утреннего лондонского фиксинга составила 2017,15 долл. за унцию. После этого цена много месяцев подряд снижалась вплоть до минимального значения года 1620,65 долл. за унцию на утро 03.11.2022 г. Сейчас она вернулась к средним уровням года: 1812,35 долл. за унцию на утро 30 декабря.

При длительно сохраняющейся нестабильности на рынке имеет смысл с целью защиты доходов от возможных потерь рассмотреть такой аспект управления финансами в золотодобыче, как хеджирование выручки от продажи золота [13]. Указанная нестабильность может быть отдельно рассмотрена, в том числе с учетом показателей настроений на рынке [14-15]. Сфера финансов при использовании соответствующего аналитического аппарата также предоставляет много возможностей для выявления потенциального роста стоимости капитала компаний золотодобывающей промышленности, которые можно обозначить как реальные опционы [16]. Работы [13-16] показывают пути сохранения приемлемых уровней выручки и повышения капитализации предприятий.

При ограниченном количестве стран, производящих золото в промышленных масштабах, конечный спрос сейчас существует во многих сегментах потребления:

- центральные банки стран мира;
- частные инвестиционные фирмы в разных странах;
- предприятия реального сектора экономики – например, радиопромышленности;
- физические лица в России и во множестве других стран;
- коммерческие банки;
- Государственный фонд драгоценных металлов и драгоценных камней России, управляемый Гохраном;
- Центральный банк России.

Для отечественных производителей золота в настоящее время доступны только прямые продажи российским коммерческим банкам, частным компаниям за рубеж и Гохрану России. Притоку валюты в страну, который генерируется самими недропользователями, способствует только продажа металла иностранным компаниям. Это тот поток поступлений валюты, который отрасль может привлекать в страну напрямую и уже начала этим активно заниматься.

Промежуточные итоги. Поскольку доверие к доллару и так подорвано произошедшими в 2022 г. событиями, можно резюмировать, что деолларизация в нашей стране и в мире объективно уже происходит. Она происходит и внутри России как таковой, в ее расчетах с контрагентами на международных рынках, и при совершении транзакций в мире помимо России.

Но дедолларизация есть, в сущности, комплекс сложных экономических проблем и их возможных решений. Если допустить только арифметическое падение долларовых оборотов из международной торговли вместе с общим снижением ее оборотов в нашей стране, то это явление следовало бы воспринимать негативно. В России в 2022 году этого не произошло.

Процесс замещения одних актуальных валют на другие между тем требует длительных усилий. Если коммерческие банки из России торговали золотом, в основном, за доллары и больше всего с Великобританией и Швейцарией, то простая замена банков как главных контрагентов торговли с иностранцами на самих производителей золота (в силу сегодняшних драматических обстоятельств) оказалась невозможной. Пришлось менять и рынки, и валюты, и контрагентов. Делать это пришлось оперативно, диверсифицированно по странам-приобретателям, преодолевая неизбежные регуляторные издержки.

Таким образом, окончательные итоги по этой теме подводить ещё рано, так как отечественная золотодобывающая промышленность только осваивает сегмент прямого получения выручки за свою продукцию на зарубежных рынках. Но в предстоящие годы развитие данного направления деятельности неизбежно продолжится. Роль золота в росте новых валютных поступлений в страну ожидаемо будет увеличиваться.

Литература

1. URL: <http://www.lbma.org.uk>
2. Денежные агрегаты | Банк России (cbr.ru)
3. Внешнеторговый профицит стремится к норме // Газета Коммерсантъ № 230 (7431) от 12.12.2022 (kommersant.ru)
4. О внешней торговле в 2021 году (rosstat.gov.ru)
5. Российский экспорт золота в ЕС, январь-август 2022 | 14.11.2022 (seanews.ru)
6. URL: https://cbr.ru/press/pr/?file=25032022_192430DKP25032022_182539.htm
7. «Идеальная альтернатива покупке долларов». ЦБ перестал покупать золото из-за высокого спроса населения // Газета.Ru (gazeta.ru)
8. Банк России отказывается от золота (19 октября 2022) | Expert.ru
9. Инфляция в России в 2022 году оказалась ниже 12 процентов // РИА Новости, 13.01.2023 (ria.ru)
10. URL: <https://www.interfax.ru/business/833991>
11. URL: <https://uvelir.info/news/do-3-noyabrya-gohran-rossii-nameren-zakupit-300-kg-zolota/>
12. Центробанки стран мира скупили рекордный за 55 лет объем золота | РБК Инвестиции (rbc.ru)
13. Тегин А.В. Хеджирование выручки от продажи золота с использованием цепочек азиатских товарных опционов // Управление финансовыми рисками. 2022. № 2 (70).
14. Тегин А.В., Богатырёв С.Ю. Новые измерители состояния золотодобывающей отрасли России // Финансы и кредит. 2022. Т.28. Вып. 4.
15. Тегин А.В., Богатырёв С.Ю. Новые факторы, влияющие на стоимость золотодобывающих компаний. — Стоимость собственности и ESG-стратегии: оценка и управление. Монография / Коллектив авторов под ред. М.А. Федотовой и др. // Москва: Кнорус. 2023. С. 154–162.

16. *Тегин А. В.* Оценка стоимости проектов в горнодобывающей отрасли методом управленческих опционов // Финансовый менеджмент. 2018. № 3.

Alexey Tegin (e-mail: ategin@mail.ru)

Ph.D. in Engineering, Deputy Head of Department,
MC «POLYUS» (Moscow, Russia)

Vladilen Tegin (e-mail: vladilent@mail.ru)

Ph.D. in Engineering (Kolomna, Russia)

THE ROLE OF GOLD IN ELIMINATING THE DOLLAR IN RUSSIA'S INTERNATIONAL SETTLEMENTS

The paper describes the influence of gold and gold mining industry on Russian monetary regulator policy during last year. The role of an important export commodity class, such as gold, in dedollarization of the system of international money settlements is highlighted.

Keywords: gold mining, money aggregators, broad money, fixing, balance of payments, regulator, price supremum, replacement.

DOI: 10.31857/S020736760024666-1

© 2023

Александр Бобков

кандидат экономических наук, доцент кафедры предпринимательства и экономической безопасности, Пермский государственный национальный исследовательский университет (г. Пермь, Россия)
(e-mail: bobkovav@yandex.ru)

Яна Гулина

студентка, Пермский государственный национальный исследовательский университет (г. Пермь, Россия)
(e-mail: gulinayana2001@gmail.com)

ДЕМПФИРОВАНИЕ УГРОЗ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКЕ С ПРИМЕНЕНИЕМ ЦИФРОВЫХ ИНСТРУМЕНТОВ ЦЕНТРАЛЬНОГО БАНКА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В 2022 году экономическая структура Российской Федерации претерпевает радикальные изменения, вызванные рестрикционной политикой недружественных государств. Ужесточение условий ведения финансовых операций и поддержания внешнеэкономических связей привело к ускоренному сценарию адаптации экономической системы к ряду актуальных угроз, в том числе — к отключению семи российских банков от системы SWIFT, повышению уровня инфляции (12% годовых) и ключевой ставки (9,4%), спаду ВВП (2,1% в годовом выражении). В статье проанализированы индикаторы денежно-кредитной политики — такие как динамика ключевой ставки, уровень инфляции, внутренний валовой продукт, волатильность национальной валюты, а также государственные меры по стабилизации экономики, в том числе адаптация денежно-кредитной политики к сложившейся макроэкономической ситуации. Проведен анализ трансформации экономики под влиянием цифровых технологий; сделан вывод, что финансовая система России готова к внедрению цифрового рубля как инструмента борьбы с экономическим кризисом и санкционным давлением для эффективного прохождения фазы структурной перестройки экономики и усиления позиций в глобальной конкуренции. Данная мера позволит ослабить зависимость от доллара, выйти на более высокий технологический уровень, а также обеспечит прогресс в экспортных и импортных связях.

Ключевые слова: цифровой рубль, криптовалюта, дедолларизация, геополитическая напряженность, рестрикционная политика, ключевая ставка, инфляция, ДКП, внутренний валовой продукт, количественное смягчение.

DOI: 10.31857/S020736760023955-9

Экономика Российской Федерации в 2022 году претерпевает фазу структурной перестройки, так как против России были применены беспрецедентные внешние торговые и финансовые санкционные ограничения. Вызовом для экономики стало прекращение ранее созданных технологических, производственных и логистических связей. В ответ на данную проблему становится актуально проведение структурной перестройки народного хозяйства, которая включает в себя: 1) со стороны государства — минимизацию кризисных последствий,

в качестве компенсации части финансовых рисков; 2) первичную подстройку участников рынка к существующим на сегодняшний день условиям, адаптацию в период действия геополитических санкций; 3) индустриализацию экономики за счет освоения альтернативных передовых технологий, что предполагает частичное импортозамещение технологий и производств; 4) достижение развития новой технологической базы.

Макроэкономическая ситуация, сложившаяся в результате резкого возрастания геополитических рисков с конца февраля 2022 года, повлияла на падение финансовых рынков России. Были введены санкционные ограничения против ЦБ и системообразующих банков. Резкий рост инфляции обусловил действия Центрального Банка. В ответ на внешнеэкономическое давление 28 февраля 2022 года регулятор принял решение о поднятии ключевой ставки с 9,5% до 20% годовых. Рост ключевой ставки на 10,5% отражает реакцию экономической системы на рестрикционную политику недружественных стран, которая представляет угрозу для ценовой и финансовой стабильности. Данная мера вводится, чтобы избежать неконтролируемого роста цен. Значение инфляции на 28 февраля 2022 года составило 8,85% годовых, против 8,1% в январе, в то время как прогнозное значение – 3,7%.

С мая по июль 2022 года уровень инфляции значительно замедлился. Денежно-кредитная политика РФ соответствует фазе структурной экономической перестройки, целью является достижение уровня инфляции 4% в 2024 году. Актуальность заданной цели основывается на таких факторах, как:

1) долговременное ослабевание ценового давления: в марте 2022 г. произошло резкое снижение позиций российского рубля, уровень потребительских цен вырос на 7,61%, уровень инфляционных ожиданий снизился до 10,8% (минимум с марта 2021 года);

2) спад показателя ВВП: прогнозируется снижение ввиду уменьшения доли экспорта – спад экономики в 2022 году составляет 4–6%, в 2023 г. показатель ВВП прогнозируемо сократится на 1–4%;

3) смягчение денежно-кредитных условий: процентные ставки и доходности краткосрочных и среднесрочных ОФЗ в 2022 году показали тенденцию снижения.

Регулятор выделяет следующие принципы денежно-кредитной политики (ДКП) на ближайшие три года (2022–2025 гг.): установление постоянно действующей публичной количественной цели по инфляции; реализация ДКП в условиях плавающего валютного курса; применение ключевой ставки и коммуникации как инструментов ДКП; принятие решений по ДКП на основе макроэкономического прогноза; информационная открытость.

Для успешного выхода экономики России из фазы экономического кризиса одной из сторон структурной перестройки является решение правительства по разработке антикризисного плана, который направлен на:

1. Предоставление налоговых льгот: 5 июля 2022 года Госдума приняла поправки в Налоговый кодекс, которые предполагают поддержку МСП, а также повышение деловой активности и развитие приоритетных отраслей промышленности.

Проект ФЗ № 136059-8: «изменен порядок выставления счетов-фактур посредниками — налоговыми агентами по НДС при оказании иностранными организациями услуг в электронной форме; установлены новые размеры акцизов на 2023—2025 гг. (на 2023 год ставка акциза равны 613 руб., на 2024 год — 638 руб., на 2025 год — 664 руб.); от обложения НДС освобождены доходы от реализации золота в слитках, полученные в 2022 и 2023 годах; установлен повышательный коэффициент (1,5) по расходам на покупку электронной продукции и ПО, относящихся к сфере искусственного интеллекта; для российских производителей радиоэлектронной продукции введены пониженные тарифы страховых взносов (7,6%) и льготные ставки по налогу на прибыль (3% — в ФБ, 0% — в региональный бюджет) для экономического сектора».

2. Антисанкционный план делает приоритетным субсидирование и прямую финансовую поддержку бизнеса. Проект направлен на развитие информатизации, а именно: на обеспечение дистанционного доступа к услугам, создание агрегатора маркетплейсов на основе цифровых технологий. Поддержка со стороны государства заключается в компенсации расходов на покупку ПО (50%), выплате единовременной финансовой помощи для открытия собственного дела (350000 руб.), а также предоставлении грантов.

3. Ослабление государственного контроля. В связи с санкциями правительство приняло решение о введении моратория на проверки МСП в 2022 г. (Постановление правительства РФ от 10.03.2022 г. № 336).

В апреле 2022 года началась структурная перестройка экономической системы РФ, когда ключевая ставка снизилась на 12% годовых (с 20% до 8%) за период с апреля по июль. Центральный Банк аргументирует свою позицию такими факторами, как 1) рост общего уровня цен; ужесточение ДКП мировыми ЦБ, что приводит к охлаждению спроса, а также к повышению волатильности на финансовых рынках и снижению инвестиционной активности ввиду сокращения государственных инвестиций (прирост мирового ВВП на 2022 г. снижен на 0,3 п.п.); 2) профицит счета текущих операций в 2022 г. (повышен с 145 до 243 млрд долл. США), чему способствовало повышение цен и объемов экспорта на энергетические товары (Рис. 1).

Глава Центрального Банка Эльвира Набиуллина 28 октября 2022 года на заседании совета директоров Банка России сделала заявление о снижении ключевой ставки до уровня 7,5% годовых (Рис. 2).

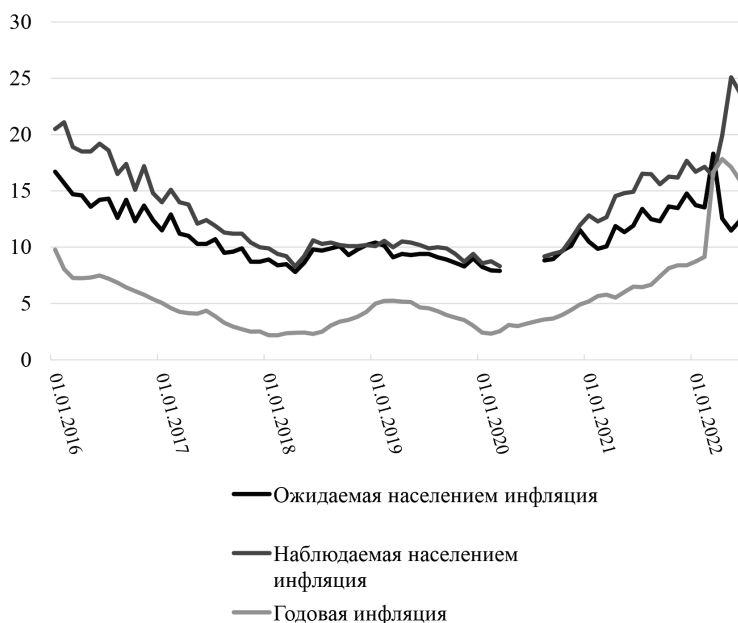

Рис. 1. Годовая инфляция; инфляция, наблюдаемая и ожидаемая населением (медианная оценка) (%)

Источник: Федеральная служба государственной статистики. Уровень инфляции Российской Федерации. URL: <https://www.rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 31.12.2022).

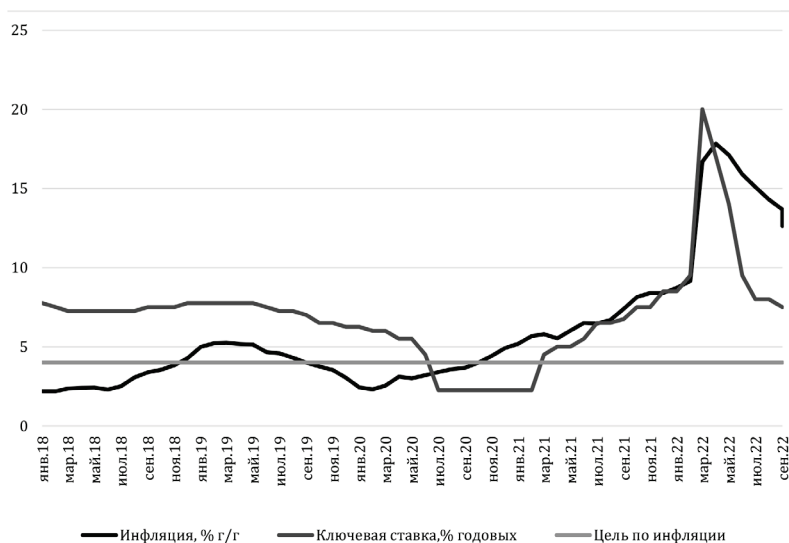

Рис. 2 Денежно-кредитная политика (2021–2022 гг.) (%)

Источник: Федеральная служба государственной статистики. Ключевая ставка в Российской Федерации. URL: <https://www.rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 31.12.2022).

Необходимость структурной перестройки подтверждает динамика реальных располагаемых доходов населения — спад во II квартале 2022 года (0,8%), и значительное снижение в III квартале (3,4%) (Рис. 3).

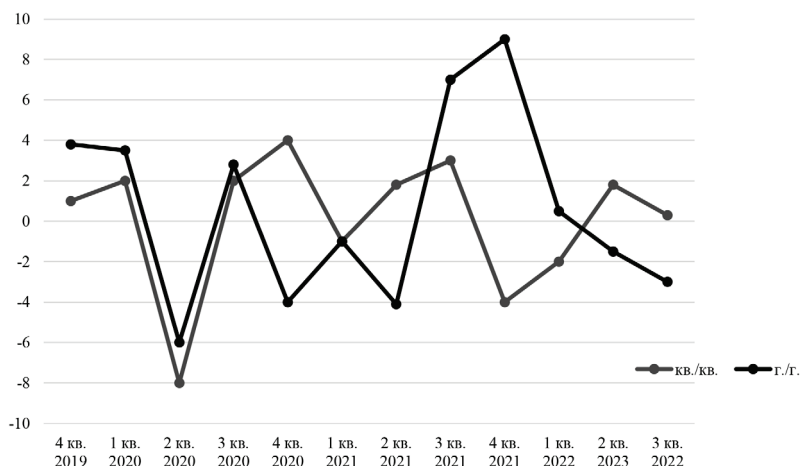

Рис. 3. Реальные располагаемые доходы населения в реальном выражении.

Источник: Аналитический портал. Экономика. URL: https://rusbonds.ru/rb-docs/analyt-ics/Daily_07112022.pdf (дата обращения: 31.12.2022).

Данный показатель в период пандемии “COVID-19” снижался сильнее, за II квартал 2020 г., в период объявления локдауна, спад составил 7,5%, а в целом за 2020 г. уменьшение произошло на 3,5%. Экономический спад проявляется сокращением в сфере инвестиций на 25–30%, товарооборота – 7–7,5%, услуг – 8,5–9%.

Задача регулятора – установление инфляции на уровне 4% в 2024 году, на ноябрь 2022 года показатель составляет 11,97% в годовом выражении, прогноз на 2023 год 5–7%. Планируемые значения означают возвращение инфляции к таргету 4% в 2024 году, уровень ключевой ставки составит 6–7% в 2024 году, а в 2025 году, соответственно, 5–6% (Рис. 4).

Помимо базового сценария, Центральный Банк предлагает вариант противодействия спаду экономики РФ до критического уровня, что подразумевает ускоренное выстраивание импортных и экспортных связей. ЦБ прогнозирует рост экономических показателей в 2023 году и рост ключевой ставки до 6% в 2024 году. Также регулятор не исключает вероятность воздействия глобального кризиса на российскую экономику, что приведет к ужесточению монетарной политики и спаду экономических показателей, усилению влияния политических и экономических санкций. Исходя из негативного прогноза, ВВП страны снизится в 2023–2024 гг., инфляция в годовом исчислении покажет рост до 14–16%. Это приведет к ослаблению позиций российского рубля и повышению ключевой ставки ЦБ.

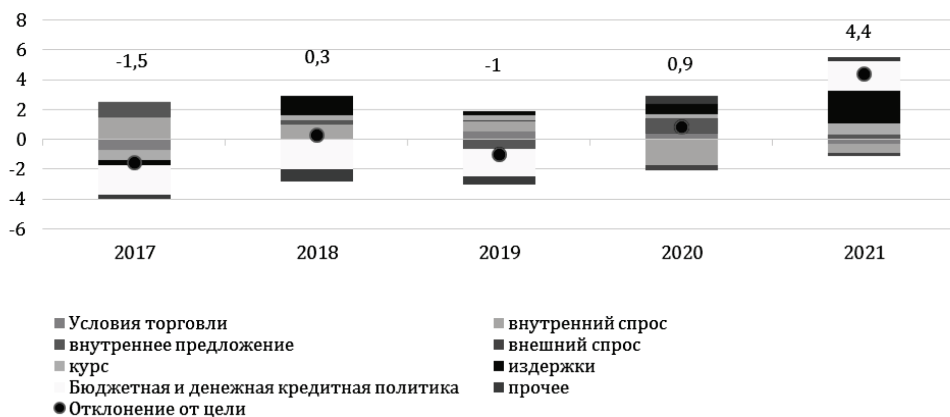

Рис. 4. Отклонение инфляции от целевого уровня 4%.

Источник: Федеральная служба государственной статистики. Уровень инфляции Российской Федерации. URL: <https://www.rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 31.12.2022).

Значение индекса деловой активности PMI в 2022 году не поднималось выше порогового значения 50 п.п., однако наблюдалась тенденция к постепенному росту: в марте 2022 г. — 39,2 п.п., в июне — 48,1 п.п. В июне 2022 года величина индекса деловой активности PMI составила 48,1 п.п. Уровень индекса деловой активности в сфере услуг за аналогичный период показал рост с 48,5 до 51,7 п.п. В октябре было зафиксировано снижение ниже порогового уровня 50 п.п., деловая активность сократилась на 9,1 п.п. по сравнению с предыдущим месяцем. PMI в ноябре вырос до 53,2 пункта, что свидетельствует о неблагоприятных краткосрочных и долгосрочных прогнозах величины индекса (Рис. 5).

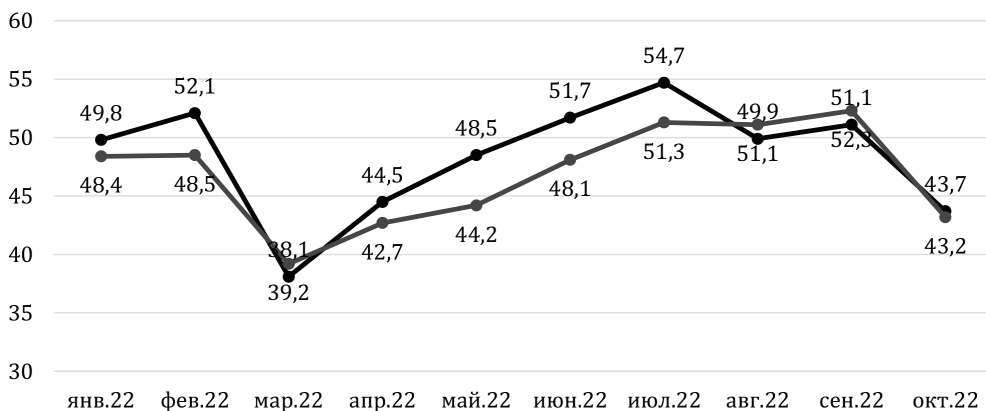

Рис. 5. Индекс деловой активности (S&P, GM).

Источник: Индексы деловой активности PMI. URL: <https://fin-plan.org/blog/investitsii/indeksy-delovoy-aktivnosti-pmi/> (дата обращения: 31.12.2022).

Государство ставит перед собой задачу ограничения спада экономической активности и минимизации рисков снижения ликвидности банковского сектора. По причине притока бюджетных средств и возврата физических рублей, образовался структурный дефицит ликвидности: в феврале – 1,9 трлн рублей, в марте – 1,1 трлн. После принятия регулятором мер по поддержке банковских организаций ситуация нормализовалась, в конце марта профицит ликвидности составил 0,3 трлн рублей. Структурный профицит ликвидности за июнь 2022 г. показал рост до 2,4 трлн руб. (за май – 2,0 трлн руб.), в июле структурный профицит ликвидности составил 2,4 трлн руб., что демонстрировало снижение рисков макроэкономической стабильности. 2 ноября 2022 года ЦБ сделал прогнозное заявление, что на конец декабря профицит ликвидности составит 3,3–3,9 трлн руб. Ожидалось, что в 2023 году экономика России снизится на 2,7%, соответственно, в 2024 году рост составит 3,7%.

Не менее важным индикатором денежно-кредитной политики является значение ВВП, которое в первом квартале 2022 года составило 34 629,2 млрд руб., во втором – 34 663,6 млрд руб., в третьем – снизилось на 4% относительно 2021 года. За полгода показатель ВВП составил 69 292,8 млрд руб., что на 19,5% больше первого полугодия 2021 года. ВВП России в сентябре 2022 года снизился на 5% по сравнению с аналогичным периодом 2021 года: рост на 3,5% за I квартал, во II квартале снижение 4,1%, по итогам III квартала спад показателя ВВП был равен 4,4% в годовом выражении. В месячном исчислении экономика России выросла в сентябре на 2,1% после роста на 1,8% в августе. Центральный Банк в ноябре 2022 года изменил прогнозные значения снижения показателя годового ВВП до 3–3,5%. (Прогноз в марте 2022 года – 7–8%, в июне – 4–6%. Снижение в III квартале составило 3,7%, в IV квартале 2022 года ожидался спад экономики на 6,4–7,8% в годовом выражении (Рис. 6)). Прогноз снижения ВВП РФ в 2023 году ЦБ оставил прежним – 1–4%. В 2024–2025 годах ВВП РФ, согласно прогнозу ЦБ, будет показывать рост на 1,5–2,5% ежегодно.

Благодаря принятию мер по структурной перестройке, направленных на снижение негативного влияния санкций и улучшение микро- и макроэкономических показателей экономики РФ, негативные прогнозы аналитиков ЦБ и МВФ не реализовались. В первой половине 2022 г. прогнозировалось значительное падение ВВП РФ на конец 2022 года (Минэкономразвития прогнозировало снижение на 7,8%, Центральный Банк – на 7,5%, МВФ – на 6%). На декабрь 2022 года Минэкономразвития прогнозирует спад на 2,9%, а ЦБ – от 4,2% до 6%, МВФ – на 3,4%).

Негативная тенденция сокращения ВВП также проявлялась и в США, по данным Министерства торговли, ВВП США в 2020 году упал на 3,5% – максимальное падение с 1946 года. В 2021 г. валовой внутренний продукт страны увеличился на 5,7%. В том числе, в I квартале рост составил 6,3%, во II – 6,7%, в III – 2,3%, в IV – 7,0% в годовом исчислении. В целом позитивное влияние на экономику оказали:

снятие ранее введенных ограничений, вакцинация, программы государственной поддержки бизнеса и населения. В I квартале 2022 г. зафиксировано сокращение ВВП США на 1,6%, во II – на 0,6%. Таким образом, экономика Соединённых Штатов в 2022 году вступила в стадию рецессии.

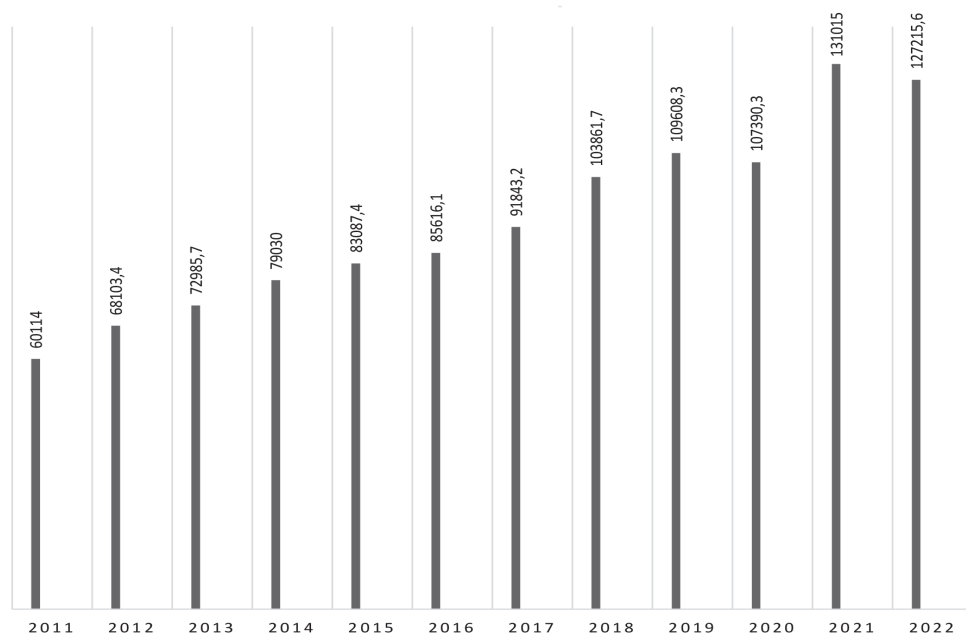

Рис. 6. Динамика показателей ВВП 2011–2022 гг. (млрд руб.).

Источник: Федеральная служба государственной статистики. ВВП. URL: <https://www.rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 31.12.2022).

Для оказания помощи американской экономике в период глобальных вызовов были предприняты беспрецедентные меры со стороны финансового регулятора по проведению сверхмягкой ДКП с поддержанием минимального уровня ключевой ставки и реализацией полномасштабной программы количественного смягчения. В результате проводимой политики с начала пандемии до июня 2022 года баланс ФРС был увеличен на 4,6 трлн долл. и составил в сумме 8,9 трлн долларов. В октябре 2019 года регулятор объявил о начале выкупа трежерис на сумму 60 млрд долларов ежемесячно, в конце II квартала 2020 года ежемесячный выкуп ипотечных и казначейских ценных бумаг достиг 120 млрд долларов (80 млрд – казначейские облигации США, 40 млрд – ипотечные ценные бумаги). 14 июля 2021 года представитель ФРС Джером Пауэлл сделал заявление, где признал промедление со свертыванием политики количественного смягчения и поднятием ключевой ставки ошибочным: «Инфляция заметно выросла и, вероятно, будет оставаться на высоком уровне в ближайшие

месяцы, прежде чем начнется замедление». В ноябре 2021 года ФРС США объявила о сокращении программы выкупа активов на 15 млрд долл. ежемесячно: 10 млрд долларов – трежерис, 5 млрд долларов – ипотечные ценные бумаги. В декабре 2022 года объем выкупа был снижен до 105 млрд в месяц (70 млрд долларов – казначейские облигации, 35 млрд долларов – ипотечные ценные бумаги), программа количественного смягчения завершилась в июле 2022 года (Рис. 7 и Рис. 8).

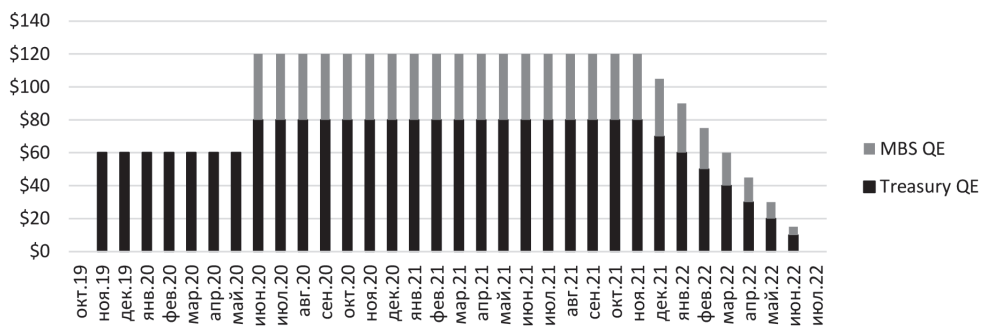

Рис. 7. Количественное смягчение ФРС США (QE) (млрд долл.).

Источник: The Federal Reserve, the central bank of the United States, provides the nation with a safe, flexible, and stable monetary and financial system. Совет Федеральной резервной системы. URL: <https://www.federalreserve.gov/> (дата обращения: 31.12.2022).

8 ноября 2022 года баланс ФРС США составил 8,677 трлн долл., что является минимальной отметкой в 2022 году, максимальное значение зафиксировано в апреле, баланс снизился на 289 млрд долларов. По сравнению с февралем 2022 года, сокращение составило 80 млрд долл. (–0,9%) (Рис. 9).

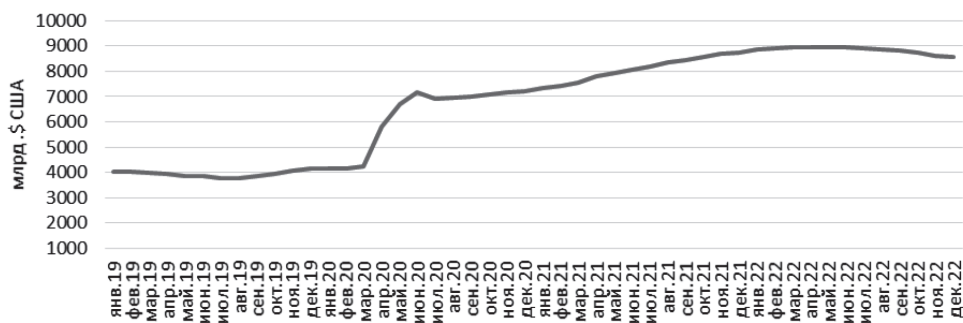

Рис. 8. Баланс ФРС США во время проведения политики количественного смягчения (2019–2022 гг.).

Источник: The Federal Reserve, the central bank of the United States, provides the nation with a safe, flexible, and stable monetary and financial system. Совет Федеральной резервной системы. URL: <https://www.federalreserve.gov/> (дата обращения: 31.12.2022).

Ожидалось, что увеличение баланса повысит цены на облигации и что данная мера приведет к снижению ставок и повышению экономического роста. Ключевая ставка показала рост с 0—0,25% в 2020 году до 4% в 2021 году, за счет низкой ключевой ставки и программы количественного смягчения уровень инфляции значительно вырос (в 2021 году уровень инфляции в США составил 7%, против 1,36% в 2020 году). ФРС представила план сокращения баланса более чем на 1 трлн долларов в год и повышения процентной ставки, чтобы снизить уровень инфляции (Рис. 10).

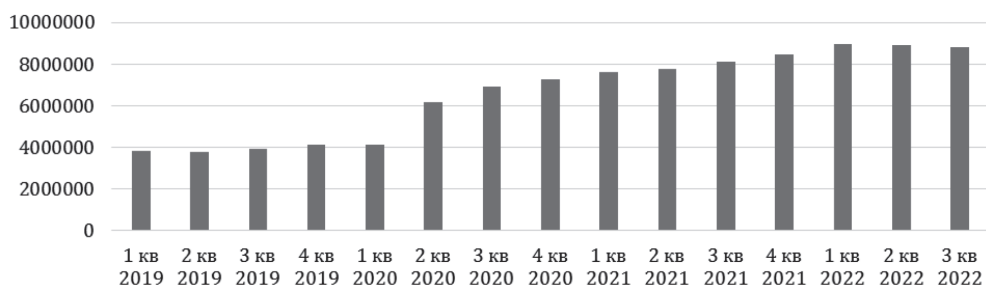

Рис. 9. Данные по балансу Центрального Банка США (USD млн).

Источник: The Federal Reserve, the central bank of the United States, provides the nation with a safe, flexible, and stable monetary and financial system. Совет Федеральной резервной системы. URL: <https://www.federalreserve.gov/> (дата обращения: 31.12.2022).

Рис. 10. Уровень инфляции и значение ключевой ставки США (%).

Источник: The Federal Reserve, the central bank of the United States, provides the nation with a safe, flexible, and stable monetary and financial system. Совет Федеральной резервной системы. URL: <https://www.federalreserve.gov/> (дата обращения: 31.12.2022).

Ожидалось, что увеличение баланса повысит цены на облигации и что данная мера приведет к снижению ставок и повышению экономического роста. Ключевая ставка показала рост с 0–0,25% в 2020 году до 4% в 2021 году, за счет низкой ключевой ставки и программы количественного смягчения уровень инфляции значительно вырос (в 2021 году уровень инфляции в США составил 7%, против 1,36% в 2020 году). ФРС представила план сокращения баланса более чем на 1 трлн долларов в год и повышения процентной ставки, чтобы снизить уровень инфляции (Рис. 10).

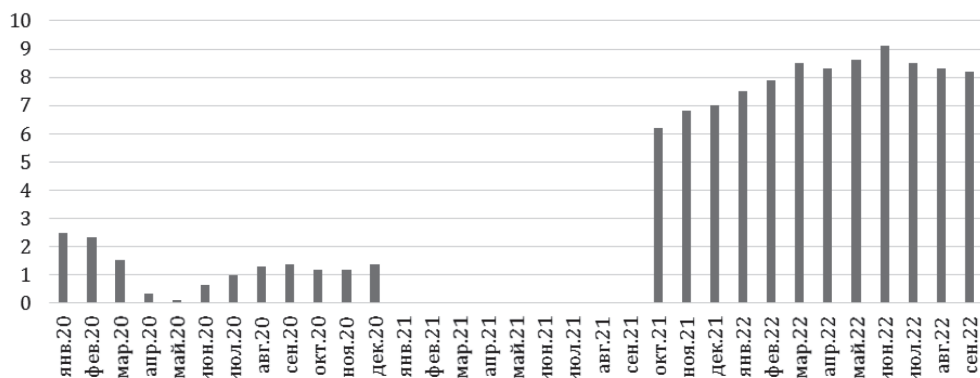

Рис. 11. Уровень инфляции США 2020–2022 гг. (%).

Источник: The Federal Reserve, the central bank of the United States, provides the nation with a safe, flexible, and stable monetary and financial system. Совет Федеральной резервной системы. URL: <https://www.federalreserve.gov/> (дата обращения: 31.12.2022).

В настоящее время особенно выражена тенденция глобальной экономики к дедолларизации, роль доллара в мировой финансовой системе ослабевает. В 2018 году 65% международных валютных резервов хранились в долларах США и 45% глобальных транснациональных платежей проводилось через систему SWIFT, на 1 января 2022 года показатель составил 61% и 40% соответственно. Констатируется, что роль доллара США в мировой финансовой системе идет на спад, снижается процент мировых резервов в американской валюте (12 трлн долларов на октябрь 2022 года), на 1 трлн долларов (7,8%), а также расширяется спектр внедрения цифровых национальных валют.

Тенденция снижения роли доллара в национальной экономике проявляется в финансовом обеспечении товарооборота с дружественными странами в альтернативных валютах, а именно – в рупиях и юанях. Импорт Индии из России в 2022 году значительно вырос; за период с февраля по июль 2022 года он был равен 15 млрд долларов (в 2021 году импорт составил лишь 3 млрд долларов). Экспорт снизился с 1,34 млрд долл. до 852,22 млн долл., так как появились проблемы в формировании механизма расчетов между Индией и Россией ввиду

санкций, примененных западной коалицией санкций против РФ. В июле 2022 года Центральный банк Индии (RBI) выдвинул предложение по применению механизма проведения международных торговых расчетов в рупиях. Данная мера позволит обойти западные санкции и ускорит процесс снижения влияния мировой резервной валюты номер один на экономику РФ.

Возможности замены расчетов в долларах на платежи в национальных валютах — юанях и рублях — ввиду значительного роста торгового оборота между дружественными странами, подтверждают данные Главного таможенного управления КНР. Внешнеторговый оборот Китая с Россией за первое полугодие 2022 года составил 3,08 трлн долларов — на 10,3% больше, чем в 2021 году. Экспорт из Китая в РФ по итогам 6 месяцев этого года вырос на 14,2% — до 1,73 трлн долларов, а импорт увеличился на 5,7% — до 1,35 трлн долларов. Объем экспорта из КНР в Россию на август 2022 года составил 6,7 млрд долл., что более чем на треть выше июньского значения и на 20% выше в годовом выражении. Товарооборот между Китаем и Россией в январе — июле вырос в годовом исчислении на 29%, до 97,7 млрд долл., при этом экспорт в Россию на 5,2% (36,27 млрд долл.), а импорт российских товаров и услуг вырос на 48,8% (61,45 млрд долл.).

Процесс дедолларизации позитивно отражается на финансовой системе, является одним из элементов структурной перестройки национальной экономики и борьбы с санкционными ограничениями. Активизация процесса снижения роли доллара — это один из путей интенсификации развития связей экономики РФ с внешним миром. Данная тенденция ярко проявляется в мартовском решении 2022 года Президента России Владимира Путина о переходе на рублевые расчеты за поставки природного газа покупателям из недружественных стран, что оказало положительный эффект на курс рубля. В августе 2022 года Владимир Путин и Президент Турции Реджеп Тайип Эрдоган в ходе переговоров в Сочи договорились начать оплату поставок газа в рублях, что является положительной тенденцией для стабилизации прохождения трансграничных финансовых потоков, тем самым снижается риск потери денежных средств из-за санкций против РФ.

Ввиду состоявшегося 12 марта 2022 г. отключения от мировой платежной системы SWIFT некоторых банков России, а именно: Сбербанк, ВТБ, Россельхозбанк, Московского кредитного банка, Банка «Открытие», Совкомбанк, Банка «Россия», Промсвязьбанк, Новикомбанк и ВЭБ.РФ, а также ввиду ухода с российского рынка мировых лидеров в части перевода денежных средств Visa, MasterCard 10 марта 2022 года и отключения платежных сервисов Apple Pay, Samsung Pay и Google Pay, актуализировалась и расширилась география применения платежной системы «МИР». Карта «МИР» является альтернативой зарубежным аналогам на территории России, и на октябрь 2022 года ее

принимали в Турции, Вьетнаме, Южной Корее, Армении, Узбекистане, Белоруссии, Казахстане, Киргизии, Таджикистане, Южной ссетии и Абхазии. В связи с расширением географии применения карты «МИР», Министерство Финансов США 15 сентября 2022 г. объявило предупреждение, что если финансовые организации продолжат заключать соглашения с НСПК, то данное решение будет расцениваться как поддержка РФ в проблеме обхода санкций. 15 сентября власти объявили о намерении США и ЕС усилить давление на Турцию из-за подключения многих банков к российской платежной системе. Если США применит заявленную угрозу, то последуют негативные финансовые и репутационные последствия для финансовых организаций, ущерб превысит доход от операций с картами «МИР». Ограничения коснутся корреспондентских счетов, ценных бумаг, недвижимости, проводимых транзакций, относящихся к США. Не исключается введение таких санкций, как запрет на работу с финансовыми активами для банков. На 17 сентября 2022 г. принимать SWIFT-переводы из России перестали в швейцарском PostFinance, эстонском LHV Pank, французском Banque Populaire и в финском S-BANK. На 18 октября платежи с использованием карты «Мир» осуществлялись в Армении, Беларуси, Вьетнаме, Казахстане, Киргизии, Таджикистане.

Прогрессу в развитии российских финансовых технологий способствует сделанное 9 декабря 2022 года заявление Минфина США о разрешении работы с картой «Мир» Казахстанским банкам (операции были под запретом с сентября этого же года). Правительство Соединенных Штатов в своем заявлении разъяснило, что более не имеет возражений против транзакций с использованием российской платежной системы для частных лиц. А 12 декабря 2022 года было подписано соглашение между Россией и Индией по поводу начала расчетов в рупиях до начала 2023 года. Глава Федерации индийских экспортных организаций Аджая Сахая заявил от лица правительства Индии, что несколько коммерческих банков РФ имеют право на открытие счетов в рупиях. Данная мера значительно облегчит международные транзакции для торговых расчетов российских компаний с зарубежными контрагентами.

На замену зарубежным платежным сервисам ЦБ РФ предложил клиентам «СБПэй» — приложение для мобильных устройств для оплаты товаров без использования физических карт. Система предоставляет физическим пользователям привилегии, выгода составляет 1% за каждую покупку через СБПэй, а для юридических лиц комиссия с переводов через СБП не превышает 0,7% от покупки. Монетарную политику регулятора способна усилить расширенная практика внедрения цифровых инструментов, что не только будет способствовать снижению транзакционных расходов, экономии времени, повышению надежности финансовых расчетов, но и будет являться способом противодействия иностранным финансовым ограничениям. Главная роль в этой тенденции отводится цифровому рублю.

На ноябрь 2022 года Турция и страны Евразийского экономического союза, а именно: Беларусь, Армения, Киргизия приняли решение сотрудничать с Россией на условиях оплаты поставок газа в российской национальной валюте. В связи с этим возникают проблемы при транзакциях, осуществляемых с рублем, и если избежать технических перебоев в работе, то можно расширить спектр внедрения данного направления. Цифровой рубль способен выступить достойной альтернативой привычной форме национальной валюты. Санкции со стороны Запада распространяются на кредитные организации, однако цифровой рубль способен обойти ограничения для внутренних и региональных расчетов. В качестве рычага для обхода санкций можно также предложить использовать криптовалюты, благодаря обеспечению ими анонимности платежей. Основным риском является высокая волатильность, однако рубль и доллар США также подвержены данной угрозе. Российский рубль менее волатилен чем биткоин: этот показатель для криптовалюты – 0,9, российского рубля – 0,3; для сравнения: волатильность турецкой лиры (0,25), мексиканского песо (0,15), колумбийского песо (0,14), фунта стерлингов (0,08) и евро (0,06) (Рис. 12, Рис. 13, Рис. 14).

Главной целью Центрального Банка РФ является обеспечение защищенности и поддержание стабильности курса российского рубля. Регулятор гарантирует ценовую стабильность, опираясь на стратегию таргетирования инфляции, прогнозируя впоследствии устойчивость экономического роста и низкий уровень инфляции. Анализируя тенденцию денежно-кредитной политики за 2018–2022 годы (в 2020 году уровень инфляции снизился до таргетированного значения и составил 4,3%), можно сделать вывод, что уровень инфляции находится в стадии роста, в особенности тенденции проявились в период с 2021–2022 гг. Причина роста инфляции – увеличение спроса по сравнению с возможностями расширения выпуска.

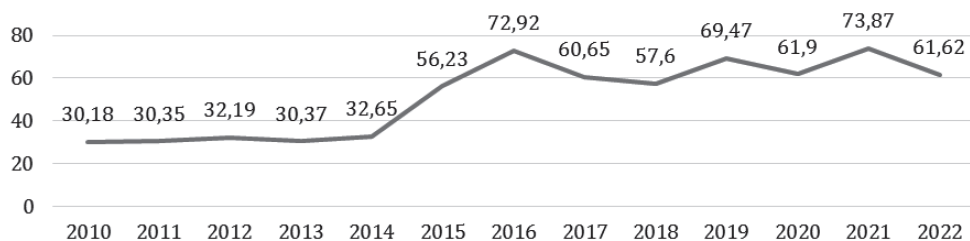

Рис. 12. Значение стоимости доллара в рублях.

Источник: Федеральная служба государственной статистики. Курс рубля. URL: <https://www.rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 31.12.2022).

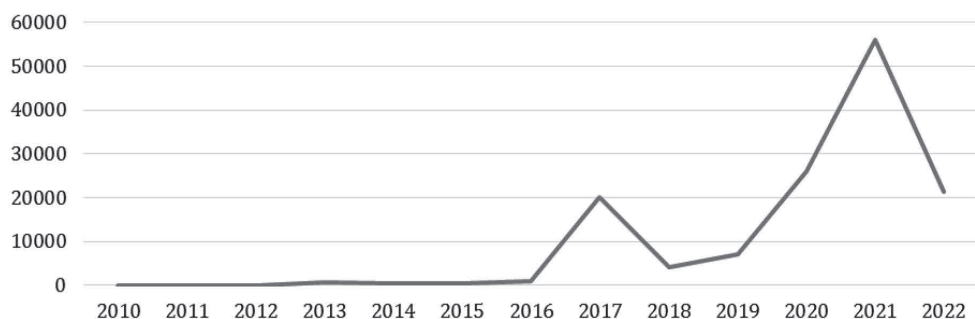

Рис. 13. Курс единицы биткоина к доллару США.

Источник: Федеральная служба государственной статистики. Курс криптовалют.
 URL: <https://www.rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 31.12.2022).

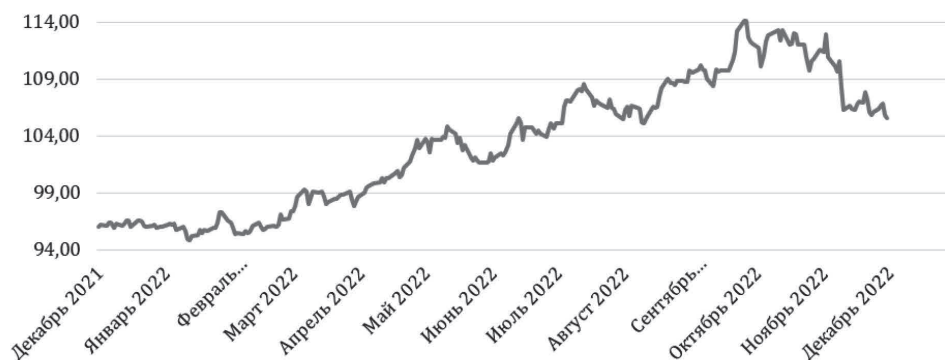

Рис. 14. Индекс доллара США (DXY).

Источник: The Federal Reserve, the central bank of the United States, provides the nation with a safe, flexible, and stable monetary and financial system. Совет Федеральной резервной системы. URL: <https://www.federalreserve.gov/> (дата обращения: 31.12.2022).

Постепенное внедрение цифрового рубля повышает эффективность использования денежных инструментов для достижения целей структурной перестройки. Цифровой рубль изменит структуру обязательств Центрального Банка, так как произойдет рост доли цифровых рублей, но при этом кредитные организации не изменят свои финансовые балансы. В связи с этим произойдет перемещение активов с банковских счетов клиентов в цифровые кошельки ЦБ. Данная ситуация провоцирует отток ликвидности из банковского сектора, однако ЦБ при проведении транзакций будет учитывать эту проблему, снижая объем абсорбирования ликвидности или наращивая ее предоставление, что сохранит контроль над процентными ставками финансового рынка.

Эльвира Набиуллина 18 апреля 2022 года на совместном заседании профильных комитетов Государственной Думы заявила, что в условиях санкций

особую роль будет играть цифровой рубль, который даст возможность для международных расчетов, а в перспективе и трансграничных платежей. «Санкции отрезали нас от расчетов в резервных валютах, всю нашу экономику, банки. И здесь нам нужно развивать платежи в нацвалютах. Мы развиваем такие двухсторонние проекты с рядом стран, но с каждой страной это, по сути, отдельный проект. Потому что у всех свои особенности регулирования и инфраструктуры», — пояснила глава ЦБ.

Новую форму денег регулятор планирует выпускать в виде цифрового кода, который будет храниться на электронных кошельках в Центральном Банке РФ, концепция основывается на двухуровневой розничной модели. Модель «А» представляет собой вариант оптовой одноуровневой модели; модель «В» — это розничная одноуровневая модель; в модели «С» финансовые организации выполняют роль транзитных агентов. Модель «D» была выбрана в качестве приоритетной модели для реализации цифрового рубля. В большей степени модель способна отвечать требованиям участников финансового рынка, принцип работы строится таким образом, что ЦБ выступает эмитентом, а также оператором цифровой платформы, следующим уровнем являются кредитные организации, которые в свою очередь предоставляют доступ физическим лицам к цифровым рублям (табл. 1).

Таблица 1

Критерии сравнения моделей цифрового рубля

Критерии сравнения	Модель «А»	Модель «В»	Модель «С»	Модель «D»
Доступность для граждан и бизнеса	X	V	V	V
Снижение издержек в экономике	X	V	V	V
Использование структуры финансовых организаций для взаимодействия с клиентами	X	X	V	V
Открытие кошельков и проведение операций финансовыми организациями на платформе цифрового рубля	X	X	X	V

Источник: Аналитический портал. Цифровой рубль. URL: <https://www.rbc.ru/> (дата обращения: 31.12.2022).

Планируется, что в 2023 году пройдет пилотный запуск проекта с реальным денежным обращением. 29 декабря 2022 на утверждение Госдумы был внесен законопроект о регулировании финансового обращения с использованием цифрового рубля. Председатель комитета Госдумы по финансовому рынку

Анатолий Аксаков заявил, что в начале 2023 года начнется тестирование цифрового рубля с клиентами кредитных организаций, в том числе с участием физических лиц. Центральный Банк планирует в 2024 году подключение кредитно-банковского сектора к платформе, а также расширение зоны работы цифровых платежей с применением технологии смарт-контактов. В 2025 году намечено подключение к работе небанковских финансовых посредников, финансовых платформ, биржевой инфраструктуры.

На конференции, организованной Принстонским университетом в Нью-Джерси в январе 2021 года член Совета управляющих Федеральной резервной системы США Джером Пауэлл заявил, что США не стремятся к запуску цифрового доллара. ФРС затрачивает серьезные денежные ресурсы США для исследования блокчейн технологий, которые обеспечивают существование виртуальной государственной валюты. Пауэлл также считает, что регулятор активно участвует в исследовании цифровых валют ЦБ, поскольку частный сектор имеет возможность выпуска криптовалюты. Проблема состоит в том, что граждане воспринимают криптоактивы, как деньги, однако из-за высокой волатильности спрос на них снижается. Пауэлл уверен, что ФРС должна отдать приоритет разработке регулирования международных стейблкоинов. США считают необходимым осуществлять контроль валюты по стандартным нормативам платежных систем. Ввиду необходимости гарантировать инвесторам отсутствие сбоев и защиту цифровых активов, приоритетной задачей ФРС в данный момент является разработка положений, регулирующих деятельность со стейблкоинами, а не выпуск собственной цифровой валюты. Ранее Пауэлл высказал точку зрения, что частные фирмы не должны участвовать в разработке цифрового доллара, так как созданием денежной массы занимается Центральный банк.

Министр финансов США Джанет Йеллен 15 сентября 2022 года объявила, что преимущественной рекомендацией казначейства США должна являться разработка и продвижение цифрового доллара — важно чтобы Америка была готова, если CBDC будет определен в национальных интересах. Бывший председатель ФРС США считает, что криптовалюты и цифровые активы могут положительно повлиять на функционирование финансовой системы, повысить эффективность работы. Если их потенциал будет подтвержден, она намерена совместно с финансовыми регуляторами разрабатывать законодательство для внедрения инноваций в сфере финансовых технологий. “Прямо сейчас некоторые аспекты нашей текущей платежной системы слишком медленные или слишком дорогие”, — заявила Йеллен.

Однако директор Национального экономического совета Брайан Диз отметил, что в 2022 году криптовалютные рынки были нестабильны, и цифровая валюта должна быть подкреплена надзором со стороны правительства, иначе существует риск нанесения значительного ущерба финансовой стабильности

граждан и национальной безопасности, что говорит о нескором внедрении цифровой валюты в экономику США.

На 46-м заседании Международного валютно-финансового комитета 21 октября 2022 года Президент Европейского ЦБ Кристина Лагард объявила, что цифровой евро должен быть функционально совместим с цифровыми валютами других центральных банков. Она также отметила, что текущая фаза исследований по способам внедрения актива должна продлиться до октября 2023 года — это плановая дата разработки выигрышной концепции цифрового евро. На сегодняшний день цифровой евро находится на этапе разработки дизайна и способов распространения, далее планируется переход к стадии создания интегрированных сервисов, тестирования и практического использования новой валюты при участии пользователей. Основная функция цифрового евро — проведение внутренних транзакций на территории Евросоюза.

Исходя из позиций мировых держав, а также проанализировав финансовую систему РФ и ее возможности в вопросе цифровых валют, можно сделать вывод, что на сегодняшний день у России есть потенциал и возможности занять лидирующую позицию в вопросе внедрения формы цифрового рубля в финансовую систему. Запуск цифровой формы рубля позволит вывести Российскую Федерацию на лидирующее место в сфере развития цифровизации, из чего вытекает цифровое превосходство и возможность извлекать выгоду для граждан, бизнес-структур, финансового сектора, а также государства. Данный финансовый актив помогает реализации фазы структурной перестройки экономики и усилению позиций в глобальной конкуренции. Цифровой рубль в наше время — это инструмент борьбы с санкционным давлением и повышением уровня инфляции, а также дополнительный резерв в повышении эффективности денежно-кредитной политики, проводимой Центральным Банком Российской Федерации.

Литература

1. Аналитический портал. РБК. URL: <https://www.rbc.ru/finances/25/05/2022/628e19d79a79473f0417e20e> (дата обращения: 31.12.2022).
2. Аналитический портал. Цифровой рубль. URL: <https://www.rbc.ru/> (дата обращения: 31.12.2022).
3. Федеральная служба государственной статистики. Уровень инфляции Российской Федерации. URL: <https://www.rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 31.12.2022).
4. №136059-8 Законопроект: Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/136059-8>
5. Федеральная служба государственной статистики. Курс рубля. URL: <https://www.rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 31.12.2022).
6. Соединенные Штаты - Уровень инфляции | 1914-2022 Данные | 2023-2025 прогноз. URL: <https://ru.tradingeconomics.com/united-states/inflation-cpi> (дата обращения: 31.12.2022).
7. Федеральная служба государственной статистики. ВВП. URL: <https://www.rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 31.12.2022).

8. Федеральная служба государственной статистики. Ключевая ставка в Российской Федерации. URL: <https://www.rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 31.12.2022).
9. Аналитический портал. Экономика. URL: https://rusbonds.ru/rb-docs/analytics/Daily_07112022.pdf
10. Индексы деловой активности PMI. URL: <https://fin-plan.org/blog/investitsii/indeksy-de-lovoy-aktivnosti-pmi/> (дата обращения: 31.12.2022)
11. The Federal Reserve, the central bank of the United States, provides the nation with a safe, flexible, and stable monetary and financial system. Совет Федеральной резервной системы. URL: <https://www.federalreserve.gov/> (дата обращения: 31.12.2022).
12. Федеральная служба государственной статистики. Курс криптовалют. URL: <https://www.rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 31.12.2022).

Aleksandr Bobkov (e-mail: bobkovav@yandex.ru)

Ph.D. in Economics, Associate Professor of the Department of Entrepreneurship and Economic Security, Perm State National Research University (Perm, Russia)

Yana Gulina (e-mail: gulinayana2001@gmail.com)

student, Perm State National Research University (Perm, Russia)

DAMPING THREATS TO THE NATIONAL ECONOMY USING DIGITAL INSTRUMENTS OF THE CENTRAL BANK OF THE RUSSIAN FEDERATION

In 2022, the Russian Federation is undergoing radical changes in the economic structure caused by the restrictive policy of unfriendly states. The tightening of the conditions for financial transactions and foreign trade relations led to a scenario of accelerated adaptation to a number of current threats, including the disconnection of 7 Russian banks from the SWIFT system, an increase in the inflation rate (12% per annum) and the key interest rate (9.4%), a decline in GDP (2.1% in annual terms).

The article analyzes the indicators of monetary policy, such as the dynamics of the key rate, the inflation rate, gross domestic product, the volatility of the national currency, as well as government measures to stabilize the economy, including the adaptation of monetary policy to the current macroeconomic situation. The analysis of the transformation of the economy under the influence of digital technologies is carried out, it is concluded that the financial system of Russia is ready for the introduction of the digital ruble as a tool to combat the economic crisis, sanctions pressure for the effective passage of the phase of structural adjustment of the economy and strengthening positions in global competition. This measure will make it possible to reduce dependence on the dollar, reach a higher technological level, and also ensure progress in export and import relations.

Keywords: digital ruble, cryptocurrency, de-dollarization, geopolitical tensions, restrictive policy, key interest rate, inflation, PREP, gross domestic product, quantitative easing.

© 2023

Юлия Большакова

кандидат политических наук, доктор философии (Phd), профессор РАЕН, эксперт лаборатории развития высшего образования РАО (Российской академии образования)

(г. Москва, Россия)

(e-mail: academy.prof.com@gmail.com)

Сергей Большаков

доктор политических наук, профессор, ГАОУ ВО «Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина»

(г. Санкт-Петербург, Россия)

(e-mail: snbolshakov@mail.ru)

ПРОБЛЕМЫ И ПРОЦЕССЫ СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

В статье раскрывается проблематика и анализируется взаимодействие и взаимовлияние процессов политического популизма и экономической интеграции в современных условиях; подчеркиваются нарастающий успех популизма и его влияние на СМИ. Отмечается, что в странах Европы в процессе избирательных кампаний политические партии правого спектра все чаще используют призывы к обособлению и дезинтеграции единого европейского социально-экономического пространства. Делается вывод о влиянии факторов цифровизации отраслей экономики на ее структурную перестройку и на рынок труда.

Ключевые слова: экономика, популизм, экономическая интеграция, глобализация, политическая мобилизация.

DOI: 10.31857/S020736760024667-2

Международная экономическая интеграция не только способствует обмену товарами и услугами, но и стимулирует трудовую миграцию, которая увеличивает культурное разнообразие внутри регионов и стран. Экономическая интеграция способствует распространению социальных и культурных норм и ценностей. Особенности экономической интеграции, разнородность развития регионов особенно актуальна для развития институтов Европейского Союза. Расширение единого рынка ЕС устранило торговые барьеры и облегчило свободу передвижения товаров и услуг. Экономическое развитие идет рука об руку с обязательствами государств-членов придерживаться социальных, экологических и демократических стандартов, включая защиту групп меньшинств и антидискриминационное законодательство. Как пишут Гуизо, Херерро, Морелли и др., это приводит к институциональным корректировкам национальной экономики, но может также способствовать возникновению у граждан стран ЕС опасений по поводу утраты своей национальной идентичности [23]. Хотя вопросы идентичности могут иметь второстепенное значение в период активного

экономического роста, они могут сделать людей более восприимчивыми к популистской риторике, когда они сталкиваются с экономическими трудностями [23]. В процессе политических выборных компаний популистские инструменты воздействия на общество связывают экономические события с социальными, что усложняет попытки выявить главные факторы в решении гражданина поддержать популистские партии и кандидатов. В любом случае, политика, направленная на устранение экономических причин популизма, может помочь смягчить, но не устранить «популистскую реакцию» общества на глобализацию.

Большинство исследований, в т.ч. известных экономистов Гуриева и Папаиоанну, посвящены экономическим причинам успешности популизма и сосредоточены на анализе факторов, стимулирующих потребительский спрос. В частности, интенсивно изучается влияние глобализации и технологических изменений на поддержку популистских партий и кандидатов [24]. В этих условиях голоса избирателей рассматриваются как проявление политических предпочтений в пользу протекционистской политики, выходящей за рамки мейнстрима.

Неравенство, вызванное экономическими причинами, увеличивает избирательный потенциал политической партии, убедительно обещающей защиту от негативных последствий структурных изменений экономики. Популистским партиям, особенно с правой периферии политического спектра, удастся задействовать электоральный потенциал общества, им может быть присущ «популистский способ» ведения политических кампаний и мобилизации политической поддержки [3]. Электоральный потенциал правых или экстремистских партий, по большому счету, является подмножеством электорального потенциала популистских партий, причем и тот и другой может быть снижен посредством эффективной экономической политики. При обсуждении стороны предложения, т.е. политики, направленной на борьбу с популистским способом проведения избирательных кампаний, важно организованное продвижение экономического медиадискурса.

Это приводит к исследовательской дискуссии: почему экономические исследования вообще должны заниматься политикой противодействия популизму [1]. Действительно, рост правого популизма лишь подтверждает эффективность демократических институтов. Если растущее число избирателей недовольны политическими программами существующих партий, можно ожидать выхода на политическую арену новых партий, которые удовлетворят требования недовольных избирателей. Соответственно, усиление электоральной поддержки популистских партий часто сопровождается ростом явки на выборах, то есть популистским партиям удастся мобилизовать избирателей на участие в выборах, чтобы выразить несогласие напрямую у избирательной урны [23]. Таким образом, уменьшение поддержки популистов может представлять стратегический интерес для других партий, но противодействие популизму само по себе

не обязательно является целью политики, направленной на максимизацию благосостояния общества. В этом отношении экономическая политика, смягчающая неблагоприятные последствия экономических потрясений и уменьшающая возникшее в результате неравенство, уменьшает поддержку популистов как побочный эффект. Чем более выгодной людям представляется глобализация, тем меньше вероятность того, что они будут ей противостоять.

Как пишут Краузе, Абоухади, Бусере и Ван Велден, популизм не является чисто маргинальным явлением [1, 9]. Популистский способ проведения политической агитации, игнорирующей очевидные факты, основан на новых коммуникативных технологиях и стал мейнстримом избирательных процессов. Ведущие политики ЕС и правительства распространяют дезинформацию только для того, чтобы повысить свою популярность, и это подрывает основу для публичных дебатов о социально значимых направлениях политики. В этом плане противодействие популизму необходимо для повышения уровня информированности «среднего» избирателя [6]. Политическая коммуникация должна приспособливаться к популистской агитации, чтобы избиратели могли принимать обоснованные решения на основе экономических фактов и данных. В противном случае, будет все труднее добиваться согласия избирателей даже на политику реального повышения благосостояния.

Недавние исследования Родрика [32], Фетцера [18] об экономических причинах популизма сосредоточены на растущей поддержке популистских партий и кандидатов в Европе и США. Естественно, что результаты исследования, в основном, фиксируют рост общественных настроений правого популизма, который доминирует в странах ЕС. Исследования показывают, что макроэкономические изменения, по большей части направленные на подъем совокупного благосостояния общества, приводят к структурным переменам в экономике, увеличивая неравенство как между регионами, так и между отдельными гражданами [25]. В то время как одни группы населения и регионы выигрывают от экономических изменений, другие проигрывают в относительном, а иногда и в абсолютном выражении. Те социальные группы общества, на кого глобальные экономические процессы оказывают негативное влияние, обращаются за поддержкой к популистским партиям, которые предлагают националистическую альтернативу господствующей политике, направленной на усиление международной интеграции. Мууд пишет, что популисты обещают сформировать политику на основе заботы о потребностях «обычных» людей в данной стране, а не об интересах элитарного, интернационалистского меньшинства [29].

На данный момент в литературе определены четыре основных экономических фактора политического популизма: финансовая глобализация (с упором на политические последствия финансовых кризисов, например, исследования Функе [20], Воте [33]; Гонгоси и Вернера [25], Алквиста [2]); международная торговля (с акцентом на последствия усиления конкуренции импорта из стран

с низкой заработной платой, особенно Китая, например, исследования Диппеля [14], Малгойреса [27], Бароне и Крейтера [6]); технологические изменения (с акцентом на влияние автоматизации и цифровизации, например Анели [5], Фрея [19] и др.), и международная миграция (с особым вниманием к последствиям «европейского кризиса беженцев» — об этом писали, например, Дустман [16], Динас [13] и др.

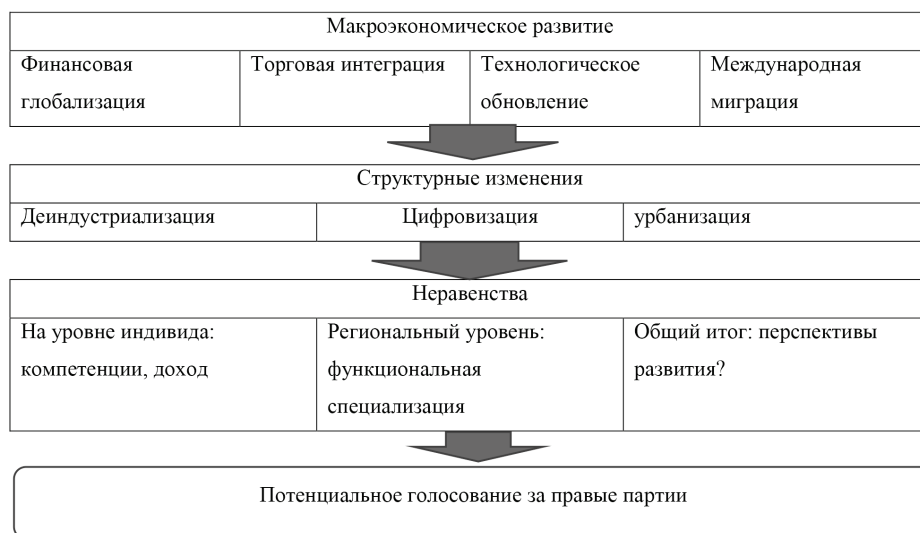

Рис. 1. Экономические причины популизма.

Источник: разработано авторами.

В большинстве научных работ делается попытка выделить последствия отдельных экономических потрясений для политической системы. Взаимосвязь между этими событиями необходимо учитывать: например, влияние фактора международной торговой интеграции подразумевает финансовую глобализацию для последующего финансирования международного обмена товарами и услугами. Технический прогресс способствует международной торговле; отрасли, теряющие рыночные преимущества по сравнению со странами с низкой заработной платой, могут инвестировать в автоматизацию, чтобы выдержать давление международной конкуренции. Все это способствуют международной миграции. Таким образом, данные факторы глобализации повышают благосостояние ведущих стран. А популистское обещание снизить интенсивность международного экономического обмена, снизить давление факторов цифровизации и технологического прогресса на рынок труда, сократить миграцию, по мнению ряда авторов, не может быть социально оптимальным решением [4, 8]. Процессы приспособления к экономическому развитию могут привести к неблагоприятным социально-экономическим и политическим последствиям, но

нивелирование неравенства, возникающего в результате структурных изменений, может уменьшить поддержку популистских партий и кандидатов [30]. В промышленно развитых странах глобализация привела к упадку производственного сектора, при высоких темпах роста сектора услуг. Технологии экономики труда помогли многим странам решить задачи конкуренции за низкую заработную плату со стороны стран с развивающейся экономикой, а также повысить качество производства и связанных с ним рабочих мест. Данные события ускорили тенденцию урбанизации, поскольку новые рабочие места активно создавались в городских агломерациях, а не в отдаленных районах, специализирующихся на производственной деятельности с низким уровнем переработки. Данное явление не является чем-то новым. Начиная с промышленной революции, структурные изменения экономики представляют собой непрерывный процесс, в ходе которого новые отрасли экономики растут за счет других. С одной стороны, это вызывает социальную нестабильность, с другой — в конечном итоге, может привести к созданию более безопасных и высокооплачиваемых рабочих мест, которые улучшат баланс домохозяйств между работой и личной жизнью.

Однако глобализация и цифровизация не только увеличили скорость структурных изменений экономики, но и создали препятствия для отраслевой мобильности. Исторически сложилось так, что рабочие, потерявшие работу, например, в сокращающейся отрасли вагоностроения, могли бы найти аналогичную работу в зарождающейся автомобильной промышленности довольно легко. Сегодня работникам сборочного конвейера в электронной промышленности гораздо труднее извлечь выгоду из расширения отдела исследований и разработок технологической компании, когда производство перемещается за границу.

Из экономической теории достаточно хорошо известно об издержках адаптации к структурным изменениям экономики, теория полагается на секторальную мобильность для разрешения основного конфликта в долгосрочной перспективе. Упадок неэффективных, непродуктивных отраслей становится меньшей проблемой, когда занятые находят новые рабочие места в растущих секторах. Аналогично региональная мобильность может выступать в качестве механизма для уравнивания экономических потрясений, если люди переезжают с местных рынков труда, находящихся в бедственном положении, в быстро развивающиеся агломерации. К сожалению, мобильность оказалась гораздо ниже ожидаемой. Многие люди сталкиваются с издержками переезда из родного региона, которые не учитываются экономическими моделями. Жизнь в знакомой людям социальной среде дает нематериальные выгоды, которые нелегко компенсировать более высокой заработной платой, получаемой в отдаленных регионах [7]. Это не означает, что усиление региональной

мобильности не могло помочь смягчить неблагоприятные последствия экономических потрясений и связанной с ними политической реакции. Однако следует признать, что мобильность ограничивается неэкономическими факторами.

Отраслевая мобильность сопряжена со значительно большими сложностями, чем это обычно предполагается в экономической теории. Профессиональные навыки, необходимые в развивающихся отраслях экономики, не всегда соответствуют навыкам, полученным в иных отраслях. Таким образом, даже если уволенные работники находят новую работу в другом секторе экономики, им часто приходится утрачивать значительную часть своей прежней надбавки за квалификацию. Межотраслевое несоответствие профессиональных навыков объясняет нехватку квалифицированных рабочих в некоторых секторах экономики, хотя на рынке труда по-прежнему имеется квалифицированная рабочая сила. Важно отметить, что это также означает, что мобильные работники получают больше выгоды от глобализации и технологических изменений. Они могут найти лучшую работу в более подходящих местах и существенно улучшить свой уровень жизни.

Следуя своим сравнительным преимуществам, страны с высокой заработной платой специализируются на производстве высококачественных товаров и услуг. Это отражается в функциональной специализации стран и регионов [15]. Городские районы привлекают как высокооплачиваемые рабочие места, так и высококвалифицированных специалистов за счет традиционных производственных центров. Соответственно, как экономическое развитие, так и перспективы социального развития демонстрируют ярко выраженную региональную неоднородность в западных экономиках. Наиболее очевидно, что это имеет последствия далеко за пределами экономической сферы. Социальная и культурная жизнь развивается в регионах, которые получают очевидные преимущества от структурных изменений экономики. И наоборот, уровень жизни снижается в регионах, которые, помимо потери рабочих мест, переживают структурные ухудшения. Таким образом, люди, проигравшие от структурных изменений экономики сталкиваются не только с временными потрясениями, которые ставят их на новые траектории развития. Периферийным регионам сложно компенсировать выбытие рабочих мест и отток высококвалифицированных специалистов, т.е. догнать или угнаться за урбанизированными районами с высокими темпами экономического роста. Точно так же людям с более низкой квалификацией трудно сделать профессиональную карьеру, которая позволила бы им существенно продвигаться вверх по служебной лестнице. Эта потеря перспектив развития является основной причиной того, что люди переходят в лагерь популистов в ответ на глобализацию и технологические изменения [31].

Социальное неравенство, возникающее в результате структурной перестройки, обусловленной макроэкономическими изменениями, увеличивает избирательный потенциал популистских партий. Важно отметить, что не

только избиратели, непосредственно пострадавшие от неблагоприятных экономических потрясений, отказываются от поддержки некогда авторитетных партий. В более общем плане граждане, проживающие в регионах, которые переживают экономический упадок, с большей вероятностью будут поддерживать популистские партии и кандидатов, даже если их собственная работа не поддается автоматизации или «офшорингу» [12, 14]. Многие сообщества, которые теряют перспективы развития из-за структурных изменений экономики, обвиняют в этом глобализацию, ведущие политические партии и политиков и ищут защиты в других местах. Это не объясняет, почему избиратели склонны поддерживать популистские партии. В принципе, любая партия, предложившая защиту от рецессии, неблагоприятных последствий глобализации и технологических изменений, могла бы стать электоральной альтернативой для избирателей в регионах, отстающих в экономическом развитии.

«Популистская реакция» граждан на международную экономическую интеграцию слабее в странах с сильным государством всеобщего благосостояния. В широко цитируемом исследовании Колантоне и Станиг [10] приводятся доказательства того, что растущая конкуренция с импортом из Китая увеличивает поддержку популистских партий в регионах Европы со структурным упадком экономики. Глитч [21] использует те же данные и методологию для декомпозиции исходного эффекта, что и Колантоне и Станига [10] в соответствии с показателями расходов государства всеобщего благосостояния. Корреляция между конкуренцией импорта и популистской поддержкой сосредоточена в странах со сравнительно слабыми институтами государства всеобщего благосостояния. Исключение — это сильные государства всеобщего благосостояния, которые сокращают социальные пособия. Эти результаты хорошо согласуются с выводом Фетцера о том, что сокращение социальных пособий в Великобритании значительно увеличило поддержку выхода из Европейского союза на референдуме в 2016 году [18]. Политика социального обеспечения помогает снизить склонность избирателей обращаться за поддержкой к популистским партиям и кандидатам в ответ на экономические вызовы и снижение уровня жизни. Мер одной политики социального обеспечения недостаточно для противодействия популизму. Популистские партии и кандидаты получили поддержку почти во всех европейских государствах, даже в странах с сильным государством всеобщего благосостояния. Однако институты государства всеобщего благосостояния смягчают политические последствия неравенства, вызванного макроэкономическими изменениями. Этот сдерживающий эффект является результатом не только прямой выплаты социальных трансфертов, но и страхового эффекта, который может уменьшить опасения граждан по поводу снижения уровня жизни. Политика социального обеспечения не может компенсировать утрату перспектив развития, с которой столкнулись отдельные граждане

и социум, затронутый структурными изменениями экономики [20]. Чтобы существенно снизить избирательный потенциал популистских партий, недостаточно просто компенсировать проигравшим от структурных изменений социальным группам потери их доходов или застраховать их от таких потерь в будущем. Потеря перспектив развития влечет за собой нематериальные потери, которые нелегко компенсировать трансфертными платежами из бюджетов. Чтобы искоренить популистскую поддержку, экономическая политика должна выйти далеко за рамки простого перераспределения, чтобы предоставить людям и регионам, оставшимся в стороне от структурных изменений экономики, новые перспективы развития.

В своей региональной политике ЕС придерживается цели «конвергенции», то есть идеала, согласно которому в долгосрочной перспективе разница в условиях жизни между богатыми и бедными регионами должна сокращаться. Учитывая растущие структурные различия между городскими агломерациями и периферийными регионами, ЕС, а также многие национальные правительства принимают во внимание идеи теории эндогенного роста, которые допускают различные траектории регионального развития в зависимости от сильных и слабых сторон экономической модели развития страны или региона. Политические подходы, направленные на «умную» специализацию регионов, кажутся многообещающими, когда речь идет о постановке выполнимых целей развития для отстающих позади регионов [11].

Вместо субсидирования создания рабочих мест, «умная» специализация учитывает сравнительные преимущества и недостатки регионов. Переход от региональной политики, ориентированной на конвергенцию, к «умной» специализации предполагает переход от простого «компенсирования» регионами потерь производства и населения к активно развивающимся траекториям, которые могут повысить конкурентоспособность региона и благосостояние его граждан, даже если динамика его экономического роста более медленная.

Разработка и реализация стратегий «умной» специализации экономики региона требует партнерских отношений бизнеса с местными администрациями. Однако администрациям на периферии может не хватать компетенций для качественного регионального планирования на долгосрочную перспективу. Для формирования системы регионального планирования правительства могут предоставить комплекс ресурсов, которые могут быть использованы местными администрациями. При необходимости, проектный офис регионального планирования мог бы помочь местным администрациям в разработке стратегий развития и планировании конкретных проектов. Это могло бы помочь экономическому развитию периферийных регионов и предоставить возможность улучшения социальной сферы. Создание перспектив развития для деградирующих регионов во многом помогло бы уменьшить недовольство экономическими изменениями

и политикой, которая им способствует, и снизить электоральную поддержку популистских партий.

Антииммиграционная позиция популистских партий ЕС успешна не только из-за «заметности» мигрантов, но и в основном по другим причинам. Более важную роль могут играть предпочтения культурной однородности, а также ксенофобия и даже расизм. Таким образом, иммиграционная и интеграционная политика, безусловно, важнее для преодоления «популистской реакции» на иммиграцию, чем только экономическая политика. Однако политику, уменьшающую восприятие дистрибутивного конфликта, было бы легко реализовать, и в первую очередь она могла бы предотвратить развитие у людей антииммиграционных настроений. В более общем плане экономическая политика, смягчающая конфликт экономического распределения, возникающий из-за неравенства, вызванного глобализацией и технологическими изменениями, за счет достаточной поддержки тех, кто оказался в неблагоприятном положении, независимо от их происхождения, снизил бы антииммиграционную риторику популистов. Если дефицит общественных благ уменьшается, то возникает чувство справедливости распределения выгод, которые получают люди.

Различия между Востоком и Западом ФРГ являются ярким примером взаимосвязи между экономическими и культурными факторами, между реальными событиями и их восприятием, когда дело доходит до объяснения популистской поддержки. Даже через 30 лет после воссоединения восточная часть страны по-прежнему отстает в экономическом отношении, хотя за последние десятилетия произошло значительное сближение экономик земель страны. Интересно, что популистская поддержка на Западе ФРГ более чувствительна к современным экономическим потрясениям, чем популистская поддержка на Востоке [14]. Это означает, что политический опыт, полученный после воссоединения на Востоке, то есть приватизация государственных предприятий, закрытие фирм и массовая безработица, оказал долгосрочное влияние на поведение избирателей в Восточной Германии [26].

Экономические последствия воссоединения и структурных изменений в Восточной Германии усугубляются избирательной эмиграцией молодых, амбициозных, хорошо образованных людей. Помимо прямых экономических последствий, это способствовало возникновению у многих людей, живущих в Восточной Германии, чувства отверженности. Это чувство может быть особенно сильным, поскольку 40 лет социалистического правления привели к высокому уровню патернализма и сильной зависимости от государства [3]. Более того, во многих восточных общинах наблюдался явный скептицизм по отношению к иммигрантам, который правая партия легко удовлетворяла.

В заключении хочется отметить важность не только политической риторики, которая существует в масс-медиа относительно процесса экономической интеграции в странах Европейского Союза, но и рост процессов социальной

и экономической дифференциации стран регионов ЕС. Рост социального и экономического неравенства в странах ЕС активно используется партиями всего политического спектра — как правыми, так и левыми. В дискурсе масс-медиа широко используются факторы иммиграционной риторики, угроз цифровизации для рынка труда и проч., активно распространяемые популистами в целях манипулирования общественным мнением.

Литература

1. *Abou-Chadi T., Krause W.* The Causal Effect of Radical Right Success on Mainstream Parties' Policy Positions // A Regression Discontinuity Approach, *British Journal of Political Science*. 2020. №50 (3). P. 829–847.
2. *Ahlquist J., Copelovitch M., Walter S.* The Political Consequences of External Economic Shocks: Evidence from Poland // *American Journal of Political Science*. 2020. № 64 (4). P. 904–920.
3. *Alesina A., Fuchs-Schundeln N.* Goodbye Lenin (or Not?). The Effect of Communism on People // *American Economic Review*, 2007. № 97(4). P.1507–1528.
4. *Amiti M., Redding S., Weinstein D.* The Impact of the 2018 Tariffs on Prices and Welfare // *Journal of Economic Perspectives*. 2019. № 33 (4). P. 187–210.
5. *Anelli M., Colantone I., Stanig P.* We Were the Robots: Automation and Voting Behavior in Western Europe, IZA DP 12485. 2019
6. *Barone G. and Kreuter H.* Low-Wage Import Competition and Populist Backlash. The Case of Italy. 2019. FiFo Discussion Paper 19-05.
7. *Bartik T.* Using Place-Based Jobs Policies to Help Distressed Communities // *Journal of Economic Perspectives*, 2020. № 34 (3). P. 99–127.
8. *Bloom N., Bunn P., Chen S., Mizen P., Smietanka P., Thwaites G.* The Impact of Brexit on UK Firms. 2019. NBER Working Paper 26218.
9. *Buisseret P., Van Weelden R.* Crashing the Party? Elites, Outsiders, and Elections // *American Journal of Political Science*. 2020. № 64 (2). P. 356–370.
10. *Colantone I., Stanig P.* The Trade Origins of Economic Nationalism: Import Competition and Voting Behavior in Western Europe // *American Journal of Political Science*. 2018. № 62 (4). P. 936–953.
11. *Di Cataldo M., Monastiriotis V., Rodriguez-Pose A.* How “Smart” are Smart Specialization Strategies // *Journal of Common Market Studies*, forthcoming. 2021.
12. *Dijkstra L., Poelman H., Rodriguez-Pose A.* The Geography of EU Discontent // *Regional Studies*. 2020. № 54 (6). P. 737–53.
13. *Dinas E., Matakos K., Xefteris D., Hangartner D.* Waking Up the Golden Dawn: Does Exposure to the Refugee Crisis Increase Support for Extreme-Right Parties? // *Political Analysis*. 2019. № 27 (2). P. 244–254.
14. *Dippel, C., Gold, R., S. Heblich* Globalization and Its (Dis-)Content: Trade Shocks and Voting Behavior, 2015. NBER WP 21812.
15. *Duranton G., Puga D.* From Sectoral to Functional Urban Specialization // *Journal of Urban Economics*, 2005. № 57 (2). P. 343–370.
16. *Dustmann C., Eichengreen B., Otten S., Sapir A., Tabellini, G., Zoega G.* Europe's Trust Deficit: Causes and Remedies. London: CEPR Press. 2017.
17. *Dustmann C., Schunberg U., Stuhler J.* The Impact of Immigration. Why do Studies Reach Such Different Results? // *Journal of Economic Perspectives*. 2016. №30 (4). P. 31–56.
18. *Fetzer T., Sen S.P.* Souza Housing Insecurity, Homelessness and Populism: Evidence from the UK. CEPR Discussion Paper №. DP14184. 2020.

19. Frey C.B., Berger T.C. Chen Political Machinery: Did Robots Swing the 2016 US Presidential Election? // *Oxford Review of Economic Policy*. 2018. № 34 (3). P. 418–442.
20. Funke M., Schularick M., Trebesch C. Populist Leaders and the Economy. Kiel Working Paper 2169. 2020.
21. Glitsch J. Globalization, Populism, and the Welfare State. Compensating the Left-Behind. Mimeo. 2021. P. 320.
22. Gold Robert. From a better understanding of the drivers of populism to a new political agenda // Working Papers. Forum for a new economy. Berlin, Germany. 2022. № 4. P. 31.
23. Guiso L., Herrera H., Morelli M. Sonno Economic Insecurity and the Demand of Populism in Europe, mimeo. 2020. P. 14
24. Guriev S., Papaioannou. The Political Economy of Populism // *Journal of Economic Literature*. 2021. P. 23
25. Gyöngyösi G., Verner E. Financial Crisis, Creditor-Debtor Conflict, and Populism // *Journal of Finance*. 2021. № 4. P. 171
26. Kellermann K.L. (2021). Trust We Lost: The Treuhand Experience and Political Behavior in the Former German Democratic Republic // *CIW Discussion Paper*. 2021. № 3. P. 110.
27. Malgouyres C. The Impact of Exposure to Low-Wage Country Competition on Votes for the Far-Right: Evidence from French Presidential Elections, RSCAS WP. 201. № 21.
28. Mudde C. The Populist Zeitgeist // *Government and Opposition*. 2002. № 39 (4). P. 541–563.
29. Mudde C. Populist radical right parties in Europe // Cambridge: Cambridge University Press. 2002. P. 450.
30. Pastor L., Veronesi P. Inequality Aversion, Populism, and the Backlash to Globalization // *Journal of Finance*. 2021. № 76 (6). P. 2857–2906.
31. Rodriguez-Pose A. The Revenge of the Places That Don't Matter (and What to Do About It) // *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*. 2018. № 11(1). P. 189–209.
32. Rodrik D. Why Does Globalization Fuel Populism? Economics, Culture, and the Rise of Right-Wing Populism, NBER Working Paper w27526. 2020.
33. Voth H. J., Doerr S., Gissler S., J. L. Luis Peydry. From Finance to Fascism: The Real Effect of Germany's 1931 Banking Crisis. CEPR DP12806. 2021.

Yulia Bolshakova (e-mail: academy.prof.com@gmail.com)

Ph.D. in Political Sciences,

Professor of the Russian Academy of Natural Sciences, expert of the Laboratory for the Development of Higher Education of the Russian Academy of Education (Russian Academy of Education) (Moscow, Russia)

Sergei Bolshakov (e-mail: snbolshakov@mail.ru)

Grand Ph.D. in Political Sciences, Professor,

Leningrad State University named after A.S. Pushkin (St. Petersburg, Russia)

PROBLEMS AND PROCESSES OF MODERN ECONOMIC INTEGRATION

The article reveals the problems and analyzes the interaction and mutual influence of political populism and economic integration nowadays; the growing success of popu-

lism and its influence on the media is emphasized. It is noted that in European countries, during the election campaigns, political parties of the right spectrum are increasingly using calls for the isolation and disintegration of a single European socio-economic space. The conclusion is made about the influence of factors of digitalization of economic sectors on the restructuring of the economy and on the labor market.

Keywords: economics, populism, economic integration, globalization, political mobilization.

DOI: 10.31857/S020736760024667-2

© 2023

Константин Павлов

доктор экономических наук, профессор,
профессор кафедры экономики Полоцкого государственного университета
имени Евфросинии Полоцкой (г. Новополоцк, Республика Беларусь)
(e-mail: kvp_ruk@mail.ru)

НАПРАВЛЕНИЯ, ФОРМЫ И ОЦЕНКА УРОВНЯ РАЗВИТИЯ МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫХ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ

В работе рассматриваются разнообразные проблемы социально-экономического и экологического развития межрегионального взаимодействия и взаимовлияния как важного и перспективного направления регионалистики. Особенно это актуально для оценки хозяйственного взаимодействия, существующего между приграничными регионами разных стран. Экономика приграничных регионов в настоящее время является одним из наименее изученных аспектов теории региональной экономики.

Развитие приграничной экономики и приграничной экологии особенно актуально для крупных стран — например, таких как Россия, Китай, Казахстан, имеющих к тому же весьма протяженную границу. Как известно, Россия граничит с большим числом стран, как дружественных в настоящее время (Беларусь, Китай и проч.), так и с государствами, у которых с Россией сейчас имеются серьезные проблемы и разногласия как политического, так и экономического характера (Украина, прибалтийские государства).

Ключевые слова: межрегиональные хозяйственные отношения, приграничная экономика, приграничная экология, регионалистика, Арктика, направления межрегиональной экономики.

DOI: 10.31857/S020736760024668-3

В настоящее время межрегиональное (особенно приграничное) сотрудничество стало важной составляющей международных связей российских и белорусских регионов. Действительно, на границе Российской Федерации и Республики Беларусь (то есть в приграничных районах) пересекается значительное количество жизненно важных проблем: внешнеполитических, экономических, научных, образовательных, культурных и др. Целесообразно отметить важность таких исторически сложившихся взаимодействий и в дальнейшем укреплять и расширять уже сложившиеся контакты, используя современные механизмы и принципы взаимодействия.

В Европейском союзе развитие межрегионального и приграничного сотрудничества помогает достижению гармоничного территориального развития, которое оказывает влияние также на различные темпы экономического развития стран и территорий, различия в доходах и демографические особенности [1]. Изучение процесса управления социально-экономическими проектами и программами межрегионального сотрудничества в условиях приграничного региона затруднено специфическими ситуациями, которые нередко носят комплексный характер и поэтому требуют разработки специальных методик изучения [7].

При анализе приграничных связей важным вопросом является разработка методики оценки состояния реализуемых проектов и программ межрегионального развития. Здесь в первую очередь речь идет об оценке эффективности социально-экономических проектов и программ межрегионального сотрудничества. Это крайне важно для эффективного развития многих регионов России — таких как Мурманская область, Республика Карелия, Приморский край; Курская, Белгородская, Смоленская области и др.; в Беларуси — Витебская, Гродненская, Гомельская и Брестская области.

Ш. Радвилавичюс и Н. Межевич отмечают, что при оценке приграничного сотрудничества важно помнить, что могут учитываться различные направления сотрудничества: общая оценка влияния приграничного сотрудничества на социально-экономическое развитие приграничной территории; оценка программ двустороннего сотрудничества (например, программ ЕИСП); оценка конкретных проектов [3].

Стоит отметить, что в данном случае оценка — это систематизированное исследование реализации межрегиональных программ социально-экономического сотрудничества или их результатов. Существует несколько видов оценки: базовая оценка, оценка процесса и оценка влияния. На наш взгляд, государственная система оценки должна включать все упомянутые виды. Все это крайне важно в настоящее время в условиях цифровизации, понимаемой в широком смысле как всеобъемлющая тенденция развития общества и экономики и охватывающая все основные элементы системы общественного воспроизводства (а не просто перевод информации в цифровую форму, как это имеет место в случае узкого понимания данного термина) [9]. Важно добавить, что в последние годы, а также в обозримой перспективе, в России разрабатывается довольно много разнообразных программ развития Арктических регионов страны, значение которых будет неуклонно возрастать [6]. Обобщение и систематизация взглядов на требования к построению эффективной методики оценки реализации межрегиональных программ социально-экономического сотрудничества должны учитывать следующие принципы.

Принцип научной обоснованности. Этот принцип предусматривает разработку и совершенствование системы оценки реализации межрегиональных программ социально-экономического сотрудничества с учетом достижений современной теории, апробации новых инструментов оценки полученных данных, использования возможностей современных информационных технологий.

Принцип объективности. Его суть заключается в необходимости отражения в формируемой информационной базе государственной системы оценки реализации межрегиональных программ социально-экономического сотрудничества реальных условий функционирования хозяйственной системы региона и факторов, определяющих ее состояние и перспективы развития.

Принцип реалистичности. Он требует, чтобы система показателей, используемых для оценки состояния, динамики и результатов функционирования социально-экономической системы приграничных регионов, основывалась на достоверной информации.

Принцип репрезентативности и адекватности информационного обеспечения. Следование этому принципу призвано обеспечить «настройку» системы оценки реализации межрегиональных программ социально-экономического сотрудничества на сбор статистически значимых данных, позволяющих адекватно оценить изучаемые условия реализации программ, анализируемые процессы и результаты.

Принцип целенаправленности. Предусматривает ориентацию системы оценки реализации межрегиональных программ социально-экономического сотрудничества на развитие информационно-аналитической поддержки процесса принятия управленческих решений, связанных с улучшением условий и развитием социально-экономической системы межрегионального приграничного сотрудничества.

Принцип синергичности. Предусматривает отлаженность взаимодействия элементов внутри методики оценки реализации межрегиональных программ социально-экономического сотрудничества с внешней средой.

Принцип развития. Его суть — в необходимости совершенствования системы оценки реализации межрегиональных программ социально-экономического сотрудничества (используемого методического инструментария, технического оснащения, состава индикаторов с целью обеспечения синхронизации с переменами в объекте исследования и условиях его функционирования и др.). Важно отметить, что изменения не должны усложнять систему оценки реализации межрегиональных программ социально-экономического сотрудничества и ключевые показатели, а результаты и направления должны быть доступны и понятны пользователям на различных уровнях. Важна инновационная составляющая этого принципа, проявляющаяся в обеспечении систематического поиска альтернативных информационных источников, организационных схем движения информации и др.

Совокупность указанных принципов образует сложную систему логически связанных и взаимодополняющих элементов, в которых представлены различные аспекты разработки методики оценки состояния проектов межрегионального приграничного сотрудничества, чем в определенной мере объясняется весьма большое количество рассмотренных принципов. Применительно к хозяйственным системам приграничных регионов методика оценки реализации межрегиональных программ и проектов социально-экономического сотрудничества имеет активный характер, поскольку ориентирована на создание информационной основы управления их развитием.

Активная роль разрабатываемой методики оценки реализации межрегиональных программ социально-экономического сотрудничества связана с тем, что на каждом этапе развития разных систем (экологических, социальных, экономических) существуют не только положительные, но и отрицательные тенденции, факторы внешнего воздействия, которые, как правило, бывает недостаточно только выявить и классифицировать. В процессе оценки появляется возможность на основе обобщения информации выработать адекватное представление о состоянии, векторах и динамике развития объекта, его детерминантах и уже на этой основе разработать управленческие решения, реализация которых позволит ограничить или полностью предотвратить отрицательное воздействие, а также помогут усилить действие благоприятных факторов и условий.

Методику оценки реализации межрегиональных программ и проектов социально-экономического сотрудничества необходимо рассматривать как систему, функционирование которой включает ряд этапов. К ним следует отнести: процесс непрерывного наблюдения, исследование явлений и событий, формирование информационной базы управления, контроль за ходом и характером изменений объекта, оценку отклонений на основе системы критериев (эталонов).

Естественно, оценка состояния реализуемых проектов и программ межрегионального развития в условиях приграничного региона будет обусловлена дифференциацией социально-экономического состояния приграничных регионов, что предполагает введение как относительных, так и абсолютных показателей. Таким образом, вводимая методика оценки состояния реализуемых проектов и программ межрегионального развития в условиях приграничья должна учитывать следующие условия:

- доступность получения необходимой статистической информации;
- простоту расчетов;
- возможность построения рейтинга;
- возможность сравнительных оценок.

Одним из сравнительно новых аспектов изучения территориальной тематики является проблематика, связанная с исследованием социально-экономических и экологических проблем взаимодействия приграничных регионов, принадлежащих разным государствам. Анализу многочисленных вопросов развития и управления воспроизводственной системой приграничных регионов на постсоветском пространстве посвятили свои исследования следующие специалисты и ученые: А.А. Епифанов [2], В.М. Московкин [4], П.А. Черномаз [10] и ряд других. Автор этих строк также занимался изучением данной проблематики [5].

Однако разновидностью приграничного социально-экономического взаимодействия является связь и зависимость приграничных водных регионов, граница между которыми имеет океанический, морской, озерный, речной характер. Особенности взаимодействия приграничных водных и прибрежных районов мало

представлены в исследованиях экономистов, в связи с чем целью данного исследования является решение актуальной проблемы — определение факторов и особенностей функционирования воспроизводственной системы приграничных водных и прибрежных районов на основе использования методов системного анализа, экономико-статистических методов, методов выбора приоритетов и иных передовых методов научного исследования.

Развитие вопросов социально-экономического приграничного взаимодействия и сотрудничества осуществляется в разных государствах не только с учетом специфики воспроизводственных условий, но и с учетом политических особенностей и факторов, влияющих на функционирование этих стран в данный текущий момент. Так, очевидно, что в России в последние годы все более популярны и актуальны вопросы развития арктической части страны в связи с открытием крупных месторождений полезных ископаемых, в том числе углеводородов (например, известное Штокмановское месторождение природного газа и газоконденсата в Баренцевом море), поэтому для Российской Федерации и ее союзников очень важно развитие прибрежных районов Арктики. По мнению многих специалистов [8], данное утверждение будет особенно справедливо в обозримой перспективе, по мере того как все отчетливей будет проявляться ограниченность мировых природных ресурсов. Данное утверждение справедливо также и потому, что на богатства Арктики кроме Российской Федерации претендуют такие государства, как США, Канада, Норвегия, Дания, Финляндия, Швеция, Исландия.

Более того, в последнее время к Мировой Арктике все больший интерес проявляют такие удаленные в географическом плане страны, как Китай, Япония, Южная Корея, Индия, Сингапур, Великобритания, Германия, Франция, Италия, Испания, Швейцария и Польша. Очевидно, что в этих условиях острота экономических взаимоотношений приграничных арктических регионов России с аналогичными арктическими территориями других государств, в основном недружественных по отношению к Российской Федерации, будет только возрастать.

Таким образом, для России востребованность исследования вопросов хозяйственного функционирования приграничных регионов, в том числе расположенных в крайне важной и перспективной арктической зоне, будет только расти, хотя, учитывая размеры РФ как самой большой страны мира и значительную протяженность ее границ, эта тема и прежде была весьма актуальна.

Сказанное справедливо и для других крупных стран — таких как Китай, США, Канада и др. Однако и для сравнительно небольших государств исследование системы воспроизводства в приграничных регионах может иметь существенное значение. Нередки случаи, когда определенная часть страны граничит сразу с несколькими регионами другого государства (к примеру, Белгородская область России граничила до проведения специальной военной операции сразу с тремя

областями Украины). В связи с этим среди наименее исследованных вопросов теории региональной, в т.ч. межрегиональной экономики как в теоретическом, так и в практическом аспекте, являются проблемы анализа социально-экономических и экологических взаимосвязей между приграничными районами разных стран. Учитывая актуальность создания предпосылок и условий для эффективного взаимодействия между приграничными территориальными структурами различных государств, нами в данной работе анализируются разнообразные аспекты функционирования приграничной экономики и эффективного развития приграничных территорий в условиях формирования развитых рыночных отношений.

В связи с этим весьма актуально рассмотрение проблемы о системе показателей, характеризующих различные направления и формы межтерриториальных приграничных хозяйственных взаимосвязей.

В начальном разделе системы показателей, отражающих современное состояние и динамику системы приграничного экономического сотрудничества соседних государств, необходимо указывать общее число приграничных регионов в данной стране, определить их удельный вес в общем числе регионов в стране, указать общее число соседних, граничащих со страной государств, количество регионов, являющихся приграничными по отношению к каждой из соседних стран, а также среднее число приграничных регионов на одно соседнее государство и в среднем на 1000 км границы анализируемой страны. Важно также определить количество внешних приграничных регионов окружающих стран.

Кроме этого следует отметить общую площадь, занимаемую приграничными регионами в целом, а также ее удельный вес в общей площади, занимаемой рассматриваемым государством. Важно также оценить суммарный ВРП приграничных регионов и его долю в ВВП страны, удельный вес этой группы регионов в экспорте и импорте страны. Следует учесть также эмиграцию и иммиграцию населения (в том числе трудоспособного возраста) из приграничных регионов и их долю в общем числе эмигрантов и иммигрантов. По аналогии, на наш взгляд, следует отслеживать экспорт и импорт капитала из приграничных регионов исследуемого государства, а также определить их долю в общем экспорте и импорте капитала этого государства.

В этой системе в особую группу следует выделить показатели, характеризующие межрегиональную торговлю между приграничными территориями. Целесообразно использовать показатели экспорта и импорта, измеряемые как в стоимостной, так и в натуральной форме между приграничными территориями двух сопредельных государств, а также показатели удельного веса, долей объемов их экспорта и импорта из одного приграничного региона в другой в общем суммарном объеме экспорта и импорта каждого из анализируемых приграничных регионов.

Поскольку в этой связи может возникнуть путаница из-за того, что многие регионы, особенно относящиеся к пограничным, непосредственно торгуют с другими государствами, то в этих случаях более правильным было бы, если под региональным импортом и экспортом понимать, соответственно, ввоз в регион и вывоз товаров и услуг из данного региона за границу, а для обозначения результатов собственно межрегиональной торговли использовать показатели межрегионального ввоза и межрегионального вывоза. Такое разграничение понятий позволило бы осуществлять более точный учет торговых отношений определенного региона как с иными регионами страны, так и с другими государствами. Если же мы хотим получить общее представление о торговых отношениях определенного региона (т.е. вне зависимости от того, с каким субъектом хозяйствования осуществляются торговые операции — со страной или с другим регионом), то целесообразно, на наш взгляд, использовать показатели совокупного ввоза в данный регион и совокупного вывоза из региона.

Предложенный подход позволяет учитывать в статистике особенности торговых отношений региона в зависимости от специфики его торгового партнера (т.е. иного региона той же самой страны или другого государства). Таким образом, в соответствии с нашим подходом применительно к конкретному региону, под региональным экспортом понимаются товары или услуги, произведенные в данном регионе и проданные покупателям в других странах. Под региональным импортом понимаются приобретенные в других государствах и ввезенные в данный регион товары и услуги. Под межрегиональным вывозом понимаются товары и услуги, произведенные в данном регионе и проданные покупателям в других регионах того же самого государства. Под межрегиональным ввозом понимаются приобретенные в других регионах страны и ввезенные в данный регион товары и услуги. Под совокупным вывозом из региона понимаются товары и услуги, произведенные в данном регионе и проданные покупателям как в других странах, так и в других регионах того же самого государства. Поэтому совокупный вывоз из региона равен сумме регионального экспорта и межрегионального вывоза. Под совокупным ввозом в регион понимаются приобретенные как в других регионах страны, так и в других государствах и ввезенные в данный регион товары и услуги. Поэтому совокупный ввоз в регион равен сумме регионального импорта и межрегионального ввоза. В связи с необходимостью учета экологической составляющей в каждом из этих показателей следует выделить ту часть, которая приходится на экологически чистую продукцию (т.е. в статистическом учете следует использовать и такие показатели, как региональный экспорт и импорт экологически чистой продукции, межрегиональный ввоз и вывоз экологически чистой продукции, показатели объемов экологически грязных ингредиентов, движущихся из одного региона в другой, в том числе и объемы выбросов веществ, загрязняющих окружающую среду

и т.д. — этими вопросами должна заниматься межрегиональная экология, в том числе приграничная экология).

Учитывая все вышесказанное, для каждого приграничного региона обоих соседних государств важно также определить удельный вес (в процентах) объемов его экспорта и импорта в приграничный регион другой страны в общих показателях не только его суммарного регионального экспорта и импорта, соответственно, но и удельный вес, долю в объемах его межрегионального вывоза и межрегионального ввоза, а также долю в его совокупном вывозе и в совокупном ввозе соответственно. Это расширение используемых показателей позволит получить более полную и точную картину хозяйственных взаимодействий между двумя приграничными регионами различных государств.

В том случае, если какой-то приграничный регион одной страны граничит сразу с несколькими регионами другого государства, целесообразно использовать, кроме всей вышеперечисленной группы показателей, еще и суммарный показатель экспорта и импорта из приграничного региона во все территории соседней страны, с которыми он граничит.

Целесообразно также, на наш взгляд, определить удельный вес суммарных показателей объемов экспорта и импорта из приграничного региона одной страны в несколько приграничных регионов соседнего государства в общих объемах не только его суммарного регионального экспорта и импорта, соответственно, но и в объемах его межрегионального вывоза и межрегионального ввоза, а также долю в его совокупном вывозе и совокупном ввозе соответственно.

Таким образом, система показателей, характеризующих межрегиональные социально-экономические и экологические отношения и хозяйственные связи между приграничными территориями должна включать различные блоки и группы показателей: показатели межрегиональной торговли, миграции населения, межтерриториального перемещения капиталов и инвестиций, финансово-кредитных средств, информации. В особую группу следует выделить сводные показатели, дающие комплексную оценку динамики межрегиональных экономических отношений — сюда следует отнести показатели платежного баланса приграничных регионов, торгового баланса и пр. В каждой из этих групп показателей следует выделить те показатели, которые характеризуют природоохранную деятельность.

Проблема разработки системы показателей, характеризующих межтерриториальные социально-экономические и экологические отношения между приграничными регионами соседних государств, по существу, нами лишь поставлена. Только дальнейшие исследования позволят создать комплексную систему показателей, характеризующих все многообразие форм и направлений межтерриториальных хозяйственных связей. Тем не менее уже сейчас ясно, что разработка такого рода системы показателей является одной из актуальных задач экономической и экологической статистики.

Литература

1. European Neighbourhood & Partnership Instrument URL: http://ec.europa.eu/world/enp/pdf/country/enpi_cross-border_cooperation_strategy_paper_en.pdf (дата обращения: 07.11.2020).
2. Епифанов А.А. О проблемах приграничного экономического сотрудничества северо-восточных областей Украины // Экономическая теория и методология управления. 2004. №2 (11). С. 21–27.
3. Межевич Н.М. Роль приграничного сотрудничества между Европейским Союзом и Российской Федерацией в двусторонних и региональных программах экономического развития / Н.М. Межевич, Ш. Радвилавичюс // URL: <http://www.norden.org> (дата обращения: 05.09.2019).
4. Московкин В.М. Сравнительный анализ экономической динамики Харьковской и Белгородской областей / В.М. Московкин, И.И. Савченко // Бизнес Информ. 2009. № 1. С. 11–17.
5. Павлов К.В. Приграничная экономика: теория и практика: монография // Ижевск: Изд-во «Шелест». 2017. – 162 с.
6. Российская и Мировая Арктика: население, экономика, расселение / Отв. ред. профессор В.В. Фаузер. Коллективная монография // М.: Политическая энциклопедия. 2022. – 215с.
7. Сапрыка В.А. Принципы методики изучения управления социально-экономическими проектами и программами межрегионального сотрудничества в условиях приграничного региона / Материалы международной конференции «Украина в системе мировых экономических процессов» // Харьков: МСУ. 2009. С. 160–162.
8. Северный экономический район: Проблемы, тенденции, перспективы развития / под ред. Г.П. Лузина. // СПб: Наука. 1992. – 256 с.
9. Сологубова Г.С. Составляющее цифровой трансформации: монография // М.: Из-во «Юрайт». 2019. – 147с.
10. Черномаз П.А. Еврорегион «Слобожанщина»: этапы формирования и перспективы развития / Международное сотрудничество приграничных регионов: история, экономика, политика, культура. Материалы международной научно-практической конференции. Курск, 19–20 сентября 2011г. // Курск: Изд-во VIP, 2011. С. 160–165.

Konstantin Pavlov (e-mail: kvp_ruk@mail.ru)

Grand Ph.D. in Economics, Professor, Department of Economics,
Polotsk State University named after Euphrosyne of Polotsk,
(Novopolotsk, Republic of Belarus)

DIRECTIONS, FORMS AND ASSESSMENT OF THE DEVELOPMENT OF INTERREGIONAL ECONOMIC RELATIONS

The paper deals with various problems of socio-economic and environmental development of inter-regional interaction and mutual influence as an important and promising area of regional studies. This is especially true for assessing the economic interaction that exists between the border regions of different countries. The economy of border regions is currently one of the least studied aspects of the theory of regional economy.

The development of the border economy and border ecology is especially important for large countries – for example, such as Russia, China, Kazakhstan, which also have a very long border. As you know, Russia borders on a large number of countries, both friendly at present (Belarus, China, etc.), and with states that currently have serious problems and disagreements with Russia, both political and economic (Ukraine, Baltic States).

Keywords: interregional economic relations, border economy, borderecology, regional studies, the Arctic, directions of interregional economy.

DOI: 10.31857/S020736760024668-3

© 2023

Екатерина Романчук

аспирант, младший научный сотрудник Института экономики Российской академии наук (г. Москва, Россия)

(e-mail: kate.romanchuk@ya.ru)

СОДЕЙСТВИЕ МВФ УЗБЕКИСТАНУ В ПРЕОДОЛЕНИИ ПРОБЛЕМ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ

Длительное время руководство Узбекистана придерживалось социально-экономической модели с ориентацией на импортозамещающую индустриализацию и постепенной либерализацией финансовой сферы. Вследствие этого подхода взаимодействие страны с Международным валютным фондом (МВФ) и другими международными финансовыми организациями было ограничено рядом вопросов, по которым видение узбекского руководства совпадало с представлениями экспертов этих институтов о путях развития национальной экономики республики. Однако, как только Правительство Республики Узбекистан согласилось провести рекомендуемые ему Бреттон-Вудскими институтами реформы, для страны стали открываться возможности углубления интеграции в мировую экономику.

Ключевые слова: МВФ, Узбекистан, платежный баланс, международная инвестиционная позиция, реформы, либерализация финансовой сферы, открытие торговли.

DOI: 10.31857/S020736760024669-4

В последние годы отечественные и зарубежные ученые обращают внимание на произошедшие с момента избрания на пост Президента Республики Узбекистан Ш. Мирзиёева преобразования во внутренней и внешней экономической политике государства в части либерализации финансового сектора и увеличения торговой открытости, а также — на скорость их осуществления [1]. Успешность реформ в Узбекистане, как правило, ставится в заслугу нынешнему руководству республики без учета поддержки, которую оказали Правительству Республики Узбекистан международные финансовые организации, включая Международный валютный фонд (далее — МВФ, Фонд). Однако именно консультативная помощь МВФ и финансовое обеспечение, предоставленное многосторонними банками развития, способствовали нивелированию ряда негативных социально-политических последствий либерализации финансовой сферы Узбекистана.

Вовлеченность МВФ в процессы экономических преобразований в Узбекистане проявилась только в последние годы. До середины 2010-х годов наблюдалась тенденция ограниченного сотрудничества страны с этой международной финансовой организацией. Дело в том, что, начиная с 1990-х годов, Бреттон-Вудские институты настаивали на проведении в республике реформ по либерализации финансовой сферы и открытости торговли. Руководство Узбекистана хоть соглашалось с рекомендациями МВФ и Всемирного банка относительно

целесообразности обеспечения экономического развития посредством установления «здорового частного сектора, [...] значительно уменьшенной роли правительства, открытости для остального мира (и, следовательно, необходимости достижения экономической конкурентоспособности) и макроэкономической стабильности» [2. Р. 85], но выполняло их постепенно.

В этой связи с целью проанализировать, насколько оправданным был данный подход, к каким результатам привела экономическая политика руководства центральноазиатской республики и почему в итоге правительство уступило МВФ, согласившись на кардинальные преобразования экономики, проведен обзор истории работы международной организации в Узбекистане.

Взаимодействие Узбекистана с МВФ в период реализации национальной социально-экономической модели развития. Подобно большинству других стран бывшего СССР, Узбекистан в первые годы после обретения независимости следовал рекомендациям Всемирного банка и МВФ, проводя либеральные реформы в ценообразовании, приватизации жилой недвижимости и малых торговых предприятий [3. Р. 31]. Данный подход нашел поддержку со стороны МВФ, и в 1995 году Фонд одобрил предоставление стране двух кредитов общим объемом 224,5 млн СПЗ¹ (эквивалентно 333 млн долл.) [4, 5]².

Однако проводимые реформы по переходу от плановой экономики к рынку негативно повлияли на социально-политическую обстановку в стране. Поэтому с конца 1996 года руководство Узбекистана резко изменило свою политику: большинство из осуществленных ранее реформ были отменены, а приоритетным направлением была выбрана импортозамещающая индустриализация.

С этого времени руководство Узбекистана использовало административное вмешательство в действия рыночных механизмов, а во внешней торговле установило заградительные торговые барьеры и ограничительный валютный режим с множественными обменными курсами узбекского сума (далее – МОК)³.

Стоит отметить, что МОК был самым противоречивым решением руководства Узбекистана. К моменту его установления зарубежные специалисты уже доказали, что в долгосрочной перспективе этот режим валютного регулирования приведет к потере гибкости узбекской экономики, а также к неспособности системы цен сигнализировать об относительном дефиците товаров на рынке и передавать его участникам стимулы для организации эффективного производства в будущем [7].

¹ СПЗ (специальные права заимствования) являются международным резервным активом, созданным МВФ для пополнения официальных резервов его стран-членов. Не будучи валютой, СПЗ выступают в качестве потенциальной претензии на свободно используемые валюты членов МВФ. Корзина валют определяет СПЗ: доллар США, евро, китайский юань, японская иена и британский фунт.

² Согласно данным МВФ, Узбекистан использовал только 165,2 млн СПЗ [6].

³ Режим МОК предусматривал установление обменного курса узбекского сума к другим валютам на трех валютных рынках: аукциона, коммерческого банка и бюро обмена валюты.

На деле МОК привел к тому, что для отдельных крупных предприятий доступ к иностранной валюте превратился в скрытую субсидию правительства на осуществление инвестиционных проектов, связанных с закупкой импортного сырья и оборудования [3. Р. 59]. Для большинства узбекских предприятий, по оценкам К. Розенберг и М. де Зеув, применение режима МОК означало существенные экономические потери, достигавшие в совокупности 2–8% ВВП на импортных рынках и 15% на экспортных рынках [8]. В экономике Узбекистана нарастали дисбалансы. Иностранные инвестиции в республику сократились, и «экономика выживала за счет валютных поступлений от сырьевых товаров, в первую очередь, хлопка и золота» [9. Р. 1]. Массовый отток твердой валюты на рынки соседних стран в первые годы применения МОК серьезно подорвал розничную торговлю внутри Узбекистана, а попытки решить данную проблему административными мерами чаще всего приводили к ухудшению ситуации⁴ [Ibid. Р. 19]. Население сталкивалось с нехваткой наличных денежных средств и иными проблемами при попытках конвертации узбекского сума в иностранную валюту [10].

В конце 1996 года взаимодействие Узбекистана с МВФ в части финансовой поддержки было приостановлено из-за нежелания руководства страны следовать рекомендациям экспертов Фонда.

Несмотря на это, в период с 1996 по 2000 гг. макроэкономические показатели Узбекистана оставались достаточно высокими, в том числе в сравнении с другими постсоветскими странами, выполнившими требования Бреттон-Вудских институтов в части либерализации финансовой сферы и открытости торговли. Но, пока зарубежные эксперты объясняли «узбекскую загадку» преимущественно первоначальными условиями [11, 12], в социальной сфере страны нарастали негативные тенденции: в условиях высокой инфляции, превышавшей в 1999–2001 гг. 20%⁵, уровень жизни населения республики постоянно снижался⁶ [9. Р. 20], появлялись проблемы в сфере образования, здравоохранения и социальной защиты⁷.

Всемирный банк, отмечая ухудшение экономического положения в стране, в 2001 году предоставил республике право на кредитование из средств Международной ассоциации развития⁸ [14. Р. 2]. К тому же после терактов, совершенных в США в 2001 году, американская администрация пересмотрела свою политику

⁴ В декабре 2002 года правительство Республики Узбекистан закрыло границы, обосновав это защитой страны от эпидемий. Однако в обществе сложилось понимание того, что данные мероприятия проводились с целью помешать людям покупать товары за пределами государства. Это оказало разрушительное воздействие на внешнюю торговлю, а также привело к недовольству населения, так как у многих граждан Узбекистана были родственники, проживающие в соседних странах.

⁵ Согласно данным МВФ (World Economic Outlook Database).

⁶ В первые годы XXI века за чертой бедности проживала четверть населения страны.

⁷ Подробнее см. Промежуточный документ о Стратегии сокращения масштабов нищеты в Узбекистане [13. РР. 10–20].

⁸ В начале XXI века для того, чтобы страна могла претендовать на средства Международной ассоциации развития, ее доход на душу населения не должен был превышать 500 долл.

в Центральной Азии, настояв на возобновлении сотрудничества МВФ и других международных организации (в том числе, Всемирного банка и Европейского банка реконструкции и развития [15. Р. 72]) с Узбекистаном, тем самым предоставив республике «второй шанс».

Однако после череды неудачных попыток, предпринятых экспертами МВФ с целью убедить руководство Узбекистана отказаться от прежней социально-экономической модели развития и начать реформирование экономики, взаимодействие международной организации с руководством страны было сведено к минимуму [ibid. Р. 72–73]. В частности, несмотря на заявления руководства республики о принятии в ноябре 2003 года обязательств, предусмотренных разделами 2(а), 3 и 4 статьи VIII Статей Соглашения МВФ касательно снятия ограничений на осуществление платежей и переводов по текущим международным операциям [16], в реальности «произошло лишь ограниченное улучшение доступа [экономических агентов] к иностранной валюте» [17. Р. 15]. По этой причине, несмотря на заверения официальных лиц Узбекистана о выполнении требований МВФ, при обращении в Фонд за получением нового кредита [18] Правительству Республики Узбекистан было отказано. С этого времени переговоры о финансовой поддержке центральноазиатской республики МВФ были приостановлены.

После беспорядков в узбекском городе Андижан, случившихся из-за роста социального недовольства вследствие стагнирующей экономики, всеобъемлющей коррупции и большого количества бюрократических проволочек – факторы, связанные с отсутствием реформ [19. РР. 1–17], – и последующего осуждения западными институтами нарушений прав граждан в Узбекистане (включая широкое использование в сельском хозяйстве принудительного, в том числе детского, труда), сотрудничество руководства республики с Бреттон-Вудскими институтами включало только вопросы первостепенной важности – такие как борьба с бедностью и ежегодная оценка состояния экономики страны.

Несмотря на проблемы в социальной сфере, проводимая руководством Узбекистана внешнеэкономическая политика была во многом оправданной, так как позволила не допустить появления в республике периодов «длительной нестабильности, вооруженных конфликтов или государственного краха, как в некоторых других постсоветских странах» [20]. Вопреки негативным прогнозам относительно дальнейшего развития Узбекистана в условиях приверженности правительства республики административному регулированию экономической деятельности, прирост годового валового внутреннего продукта страны в последующие 5 лет превышал 6,44%⁹, тогда как темпы роста мирового выпуска

⁹ Первоначально в документах Фонда утверждалось, что в 2010 и 2011 годах прирост ВВП Узбекистана составил 8,5 и 8,2% соответственно [21], но данные, которые доступны сегодня на официальном сайте организации, почти в два раза ниже: 4,6% в 2010 и 2011 годах.

составляли в среднем 2,82% (Рис. 1). Более того, низкая степень интеграции Узбекистан в мировые финансы в период Глобального финансового кризиса 2008–2010 гг. оградила узбекскую экономику от внешних шоков, возникших на рынках капитала вследствие кредитных ограничений и резкого сокращения потоков капитала [22, 23].

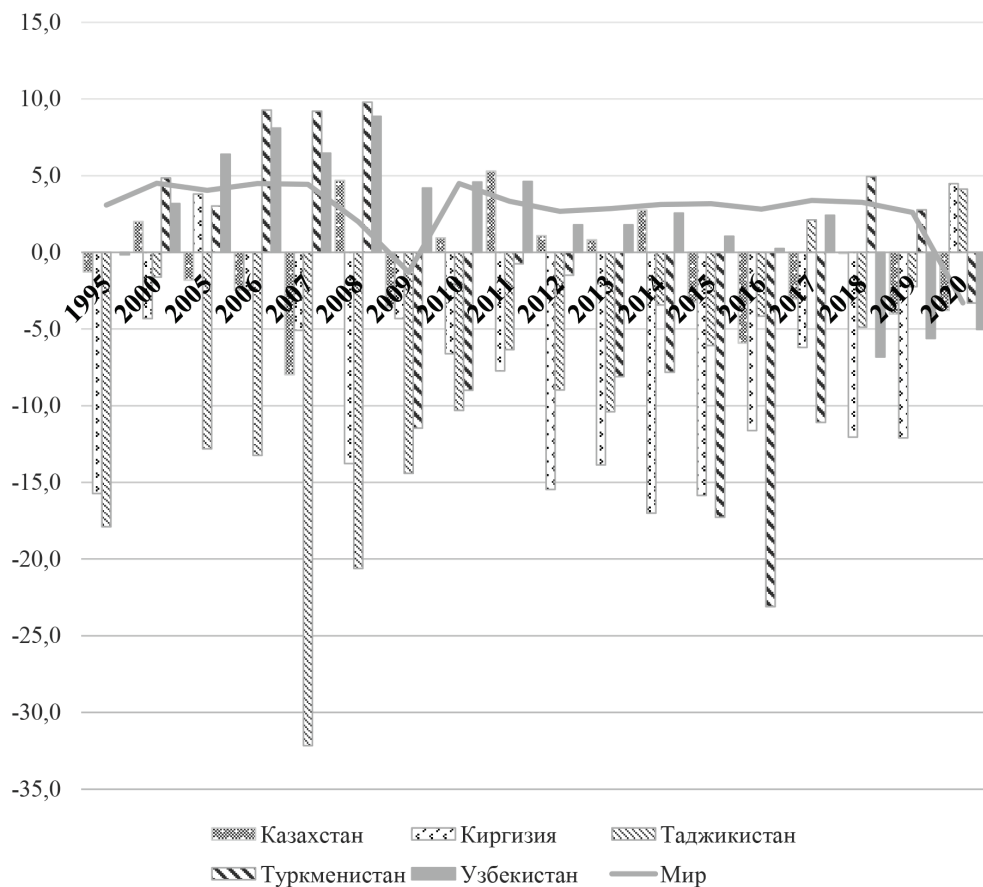

Рис. 1. Ежегодный прирост валового внутреннего продукта в странах Центральной Азии и в среднем по миру (%).

Источник: составлено автором на основе данных МВФ [24].

Фр. Гальдини связывает высокие показатели роста узбекской экономики конца 2000-х – начала 2010-х годов с разворачиванием сырьевого суперцикла и доказывает, что интеграция Узбекистана в международное разделение труда осуществлялась примерно тем же путем, что и в бывших Союзных республиках, богатых энергоресурсами, с одной лишь разницей: основным экспортируемым из республики товаром на начальном этапе был хлопок, а затем и другие сырьевые товары – золото, природный газ и медь. Поэтому ученый считает, что

развитие внешнеторговых связей Узбекистана «привело к тем же качественным формам ориентации на экспорт сырья и "отстающей" индустриализации, которые характеризовали другие государства бывшего СССР» [25. Р. 226]. Вывод Гальдини в целом согласуются с мнением экспертов Всемирного банка относительно причин экономического роста Узбекистана в начале XXI века. Проведенный ими анализ компонентов роста валового внутреннего продукта республики за период с 2010 по 2019 годы показал, что около $\frac{2}{3}$ роста произошло за счет почти 50% увеличения производительности труда, связанного с ростом основного капитала и стоимости экспорта природных ресурсов (таких как золото и природный газ) [26. РР. 17–18].

В документах Всемирного банка об Узбекистане в конце 2000-х годов говорилось, как о «стране с низким уровнем дохода, находящейся в состоянии стресса», а международное экспертное сообщество оценивало государство как субъекта мировой экономики, которому «серьезно угрожает банкротство» [22. Р. 1], «имеющее все шансы распространиться на Третий мир» [27. С. 141]. Граждане Узбекистана, проживающие в стране, начали сталкиваться с проблемами, связанными с изношенностью объектов инфраструктуры, обеспечивающих электроснабжение, водоснабжение и канализацию, управление твердыми отходами и дорожное сообщение между населенными пунктами [28. Р. 4]. Руководство республики не справлялось с демографическими проблемами, вызванными стремительным ростом доли трудоспособного населения и увеличением потребности в создании рабочих мест [29. Р. 21]. Если за период с 2000 года по 2010 год валовый внутренний доход на душу населения в странах Центральной Азии в среднем вырос на 4,3%, то у Узбекистана рост составил чуть более 2,5%. В итоге показатель Узбекистана более чем в 2 раза превышал показатели Киргизии и Таджикистана, но был в 4 и 5 раз меньше показателей Туркменистана и Казахстана соответственно (Рис. 2).

С окончанием в середине 2010-х годов сырьевого суперцикла произошло сворачивание «экономического чуда» Узбекистана. Внешние потрясения, начавшиеся в 2014 году, привели к уменьшению экспорта республики за счет падения цен на сырьевые товары и уменьшения денежных переводов и способствовали снижению темпов экономического роста страны до 1,05% и 0,25% в 2015 и 2016 годах соответственно (Рис. 1).

Таким образом, период с 1996 по 2015 гг. охарактеризовался отказом МВФ от финансовой помощи руководству Узбекистана, что привело к увеличению проблем в социально-экономической сфере страны. Благоприятная конъюнктура на мировых товарно-сырьевых рынках в краткосрочной перспективе нивелировала негативные эффекты в узбекской экономике.

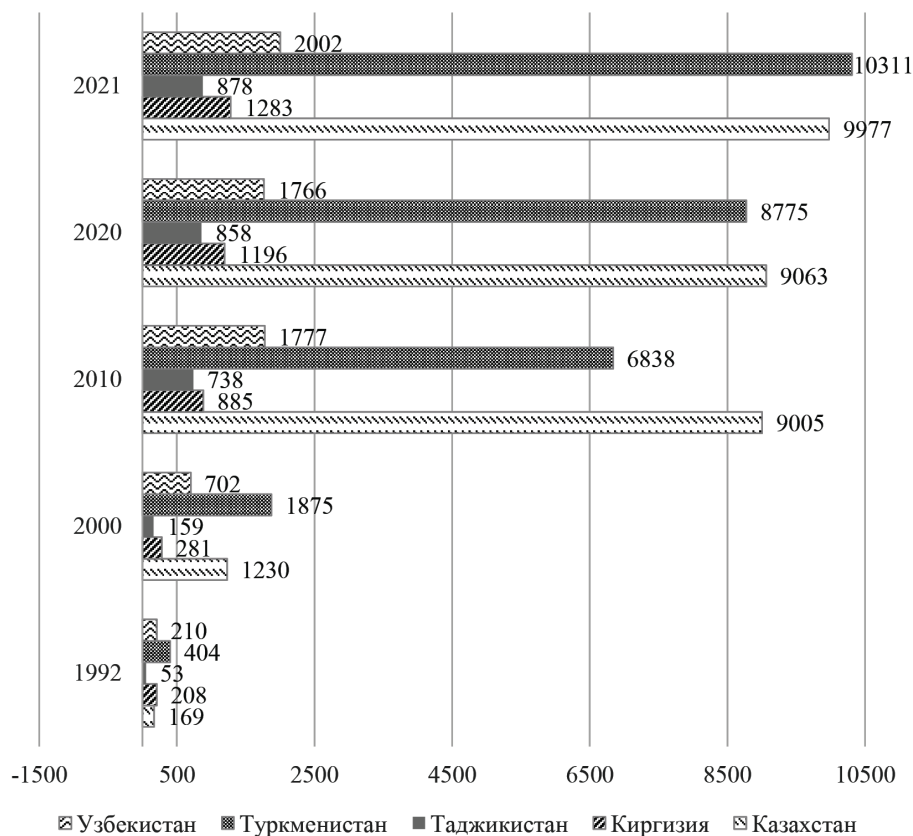

Рис. 2. Валовой внутренний продукт на душу населения в странах Центральной Азии (долл.).
 Источник: составлено автором на основе данных Всемирного банка [30].

Новый этап сотрудничества Узбекистана с МВФ. Исчерпав к середине 2010-х годов внутренние ресурсы для поддержания социальной стабильности и экономического развития в условиях чрезмерно зарегулированной системы, власти Узбекистана начали обсуждать с МВФ вопросы либерализации финансового сектора [31]. После избрания на пост Президента Республики Узбекистан Ш. Мирзиёева намерения следовать рекомендациям Фонда были зафиксированы в тексте утвержденной Президентом Республики Узбекистан в феврале 2017 года Стратегии действий по пяти приоритетным направлениям развития Республики Узбекистан на следующие пять лет [32], после принятия которого руководство страны приступило к реализации намеченных преобразований.

Опыт проведения реформ в постсоветских государствах позволил сотрудникам МВФ учесть допущенные ими в последние два десятилетия ошибки и просчеты. В частности, эксперты Фонда понимали, что страны с переходной

экономикой часто показывают эффективность в совершенствовании законодательства, правил и институтов лишь «на бумаге», тогда как реализация прописанных в документах мер была бессистемной [33. Р. 30]. В связи с этим они потребовали от руководства Узбекистана отладить механизм для отслеживания результатов реформ с целью своевременного реагирования на возникающие проблемы и поиска их решения. Поэтому одним из первоочередных шагов в вопросах реформирования узбекской экономики стали мероприятия, связанные с совершенствованием сбора и обработки статистических данных: из 78 программ, осуществленных в рамках технического содействия МВФ государственным органам Узбекистана, 23 были связаны со статистикой (подробнее см. табл. 1). Это позволило Узбекистану уже в 2018 году присоединиться к Усовершенствованной общей системе распространения данных (англ. *Enhanced General Data Dissemination System - e-GDDS*) [34].

Таблица 1

Основные сферы оказания МВФ технического содействия Узбекистану

Статистика	Монетарная политика и развитие рынка капитала	Фискальная политика
Статистика платежного баланса (2017). e-GDDS (2018). Статистика государственных финансов (2018–2020). Статистика национальных счетов (2018–2021). Статистика денежно-кредитного и финансового секторов (2018–2019). Статистика внешнего сектора (2018–2020). Статистика государственного долга (2020). Индекс цен производителей (2020). Индексы цен потребителей (2020). Индексы внешнеторговых цен (2021). Диагностика статистики по нескольким темам (2021).	Денежные и валютные операции (2017, 2019). Основы денежно-кредитной политики (2018). Банковское стресс-тестирование (2018). Среднесрочная стратегия управления государственным долгом (2020). Обзор стабильности финансового сектора (2020). Регулирование рынков капитала – IOSCO (2020). Либерализация счета капитала (2021).	Оценка фискальной прозрачности (2018). Модернизация налогового администрирования и налоговая политика (2018–2019). Улучшение фискальной отчетности (2018). Улучшение работы Отдела налоговой политики (2019). Подготовка бюджета, анализ финансовых рисков и управление государственными инвестициями (2019–2020). Закон о годовом бюджете (2019). Бюджетная стратегия (2020). Макро-фискальный семинар (2020). Управление комплаенс-рисками (2020–2021). Налоги на недвижимость и природные ресурсы (2019–2021).

Источник: составлено автором по материалам страновых отчетов МВФ за 2018, 2019 и 2021 годы [29, Informational Annex, PP. 4–6; 35. Informational Annex, P. 4; 33, Informational Annex, P. 4].

В вопросах корректировки монетарной и фискальной политик руководство Узбекистана по настоянию МВФ пошло на меры «шоковой терапии». Еще в 1990-х годах считалось, что быстро проведенные реформы позволяют избежать отправки «запутанных сигналов экономическим агентам от гибридной системы — ни старой командной системы, ни жизнеспособной альтернативы» [3. Р. 11]. Опыт реформирования национальных экономик постсоветских государств свидетельствовал, что при таком подходе в краткосрочной перспективе наблюдается существенное снижение макроэкономических показателей, но *в перспективе в 10–15 лет курсы национальных валют и счета текущих операций выравниваются до уровней, близких к долгосрочному равновесию* [31. Р. 41].

На первоначальном этапе либерализация финансового сектора Узбекистана привела к изменениям в платежном балансе страны как за счет стремительного роста импортных операций, так и за счет увеличения поступлений в республику финансовых ресурсов (Рис. 3).

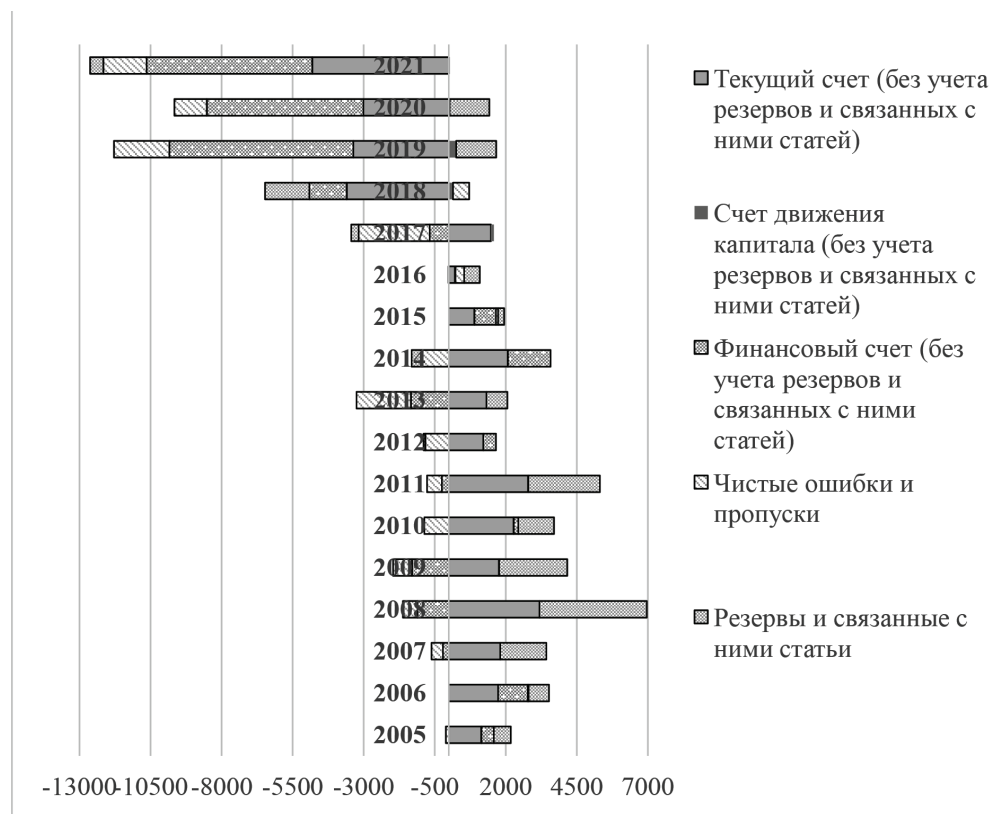

Рис. 3. Аналитическое представление платежного баланса Республики Узбекистан за период с 2005 по 2021 год (млн долл.).

Источник: составлено автором на основе данных МВФ [35].

После либерализации курса узбекского сума в стране перестал ощущаться дефицит иностранной валюты и, как следствие, спрос на импорт больше не сжимался. Профицит счета текущих операций сменился дефицитом: если в 2017 году счет текущих операций был составлял 2,4% от ВВП, то в 2021 году его значение превысило $-6,0\%$ от ВВП (Рис.4).

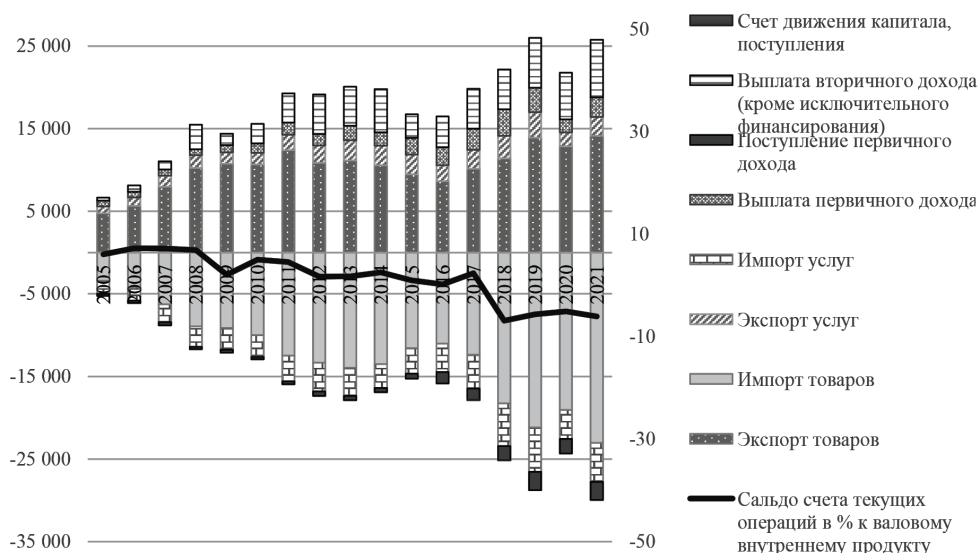

Рис. 4. Аналитическое представление счета текущих операций и счета движения капитала платежного баланса (левая шкала, в млн долл.) и отношение сальдо счета текущих операций к валовому продукту Узбекистана (правая шкала, %) за период с 2005 по 2021 год.

Источник: составлено автором на основе данных МВФ [24, 35].

Дефицит счета текущих операций был покрыт за счет увеличившихся финансовых потоков в Узбекистан, преимущественно в виде долговых обязательств (Рис. 5). В период после начала реформ внутри — прежде всего, государства и организаций, получивших государственную гарантию под обязательства перед иностранными агентами, против роста резервных активов за рубежом. При этом ежегодный чистый приток прямых иностранных инвестиций в течение 2017–2020 годов был небольшим — в среднем, на уровне 2,71% от ВВП, что сопоставимо с Казахстаном и Таджикистаном, у которых этот показатель был равен 2,31% и 2,29% соответственно. Для сравнения: за предыдущие четыре года (2013–2016 гг.) чистый приток ПИИ в Узбекистан в среднем составлял 1,27% от ВВП при 5,91% у Казахстана и 3,97% от ВВП у Таджикистана¹⁰.

¹⁰ Рассчитано автором на основе индикаторов Всемирного банка.

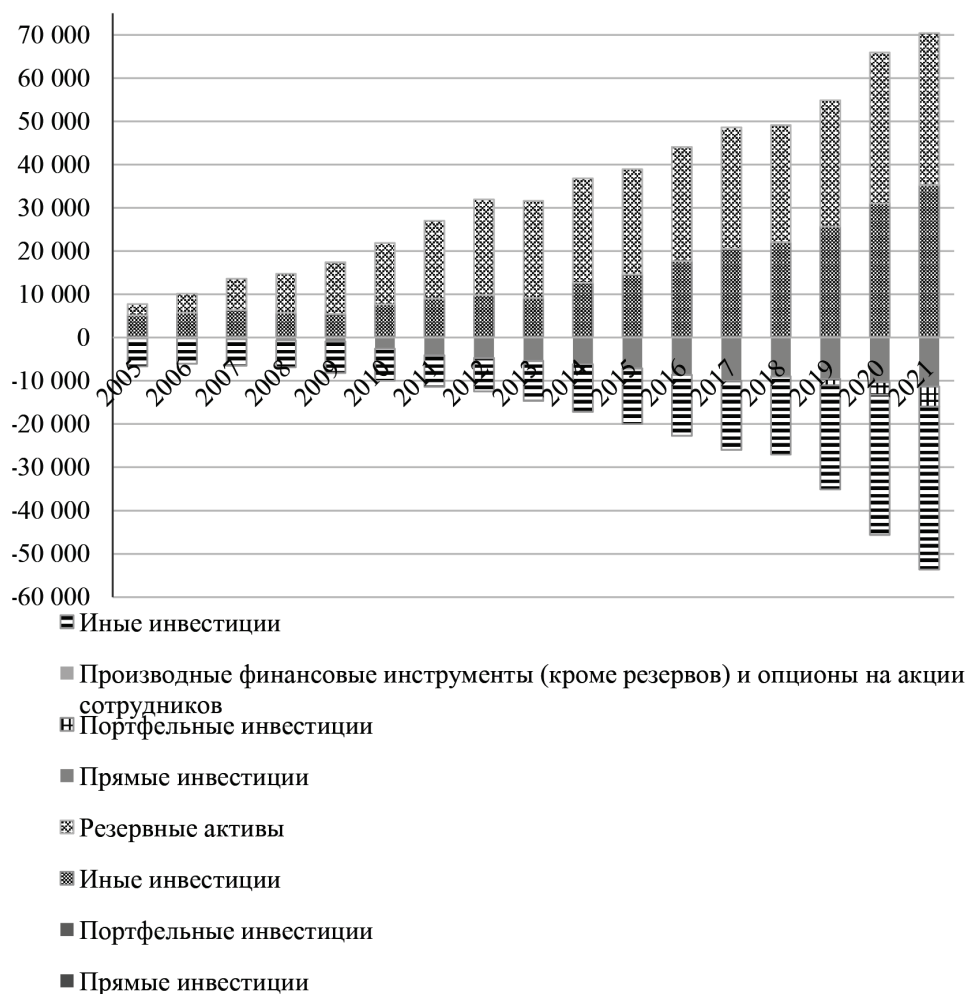

Рис. 5. Аналитическое представление международной инвестиционной позиции Узбекистана за период с 2005 по 2021 год (млн долл.).

Источник: составлено автором на основе данных МВФ [35].

В дальнейшем проведение реформ при поддержке международных финансовых организаций, включая МВФ, дало возможность привлечь в страну значительные объемы предоставленных на льготных условиях кредитов и грантов. За 6 лет с начала реформ общий объем внешней задолженности Узбекистана вырос более чем в два раза преимущественно за счет осуществления государственных заимствований на долгий срок у многосторонних институтов (табл. 2). В 2020 году на фоне пандемии COVID-19 МВФ впервые с 1996 года предоставил республике финансовую помощь в размере 275,6 млн СДР (50% от квоты, около 375 млн долларов США) для покрытия финансовых потребностей

страны и потребностей платежного баланса, а также с целью смягчения влияния внешнего шока на международные резервы страны [36].

Таблица 2

Структура внешнего долга Республики Узбекистан (млн долл.)

	2010 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.
Сводные данные о внешней задолженности в разбивке по типам должников							
Общий объем внешней задолженности	7 981	15 494	16 692	17 736	22 407	32 174	38 995
Использование кредита МВФ	405	353	374	365	363	775	1 493
Долгосрочный внешний долг	7 154	14 751	15 578	16 473	21 369	29 010	33 958
Государственный и гарантированный государством	3 423	6 603	7 544	9 412	12 790	17 064	20 148
Государственный сектор	3 419	6 603	7 544	9 412	12 790	17 064	20 148
Частному сектору, не гарантированный	3 730	8 149	8 035	7 061	8 579	11 946	13 810
Краткосрочная внешняя задолженность	423	389	740	897	674	2 389	3 544
Чистый финансовый приток							
Использование кредита МВФ	—	—	—	—	—	384	0
Долгосрочные	698	1 893	662	1 929	4 699	7 240	6 284
Официальные кредиторы	184	1 034	800	1 980	2 338	2 764	1 587
Многосторонние институты	110	361	460	1 580	1 616	2 134	886
из них Всемирный банк	5	196	101	1 013	820	978	618
Двусторонние кредиторы	74	673	340	400	722	630	701
Частные кредиторы	514	859	—138	—51	2 361	4 477	4 698
Держатели ценных бумаг	—	—	—	—	1 300	1 348	1 870
Банки и иные организации	514	859	—138	—51	1 061	3 129	2 828
Краткосрочные	—120	228	351	157	—232	1 714	1 152

Источник: составлено автором на основе данных справочника «Статистика международной задолженности» [37. Р. 167].

Согласно оценкам МВФ, несмотря на то что показатель соотношения государственного и гарантированного государством внешнего долга к ВВП страны достигнет пика в текущем году, составив 43% [38, Debt Sustainability Analysis], при немалых валютных резервах (на конец 2020 года они составляли 35 млрд

долл., что эквивалентно примерно 61% ВВП или 16 месяцам импорта товаров и услуг) [Ibid, PP. 45–46], экономика страны в целом останется устойчивой. При этом наметилась тенденция на рост объемов средств, привлеченных от частных кредиторов, при одновременном снижении сумм, предоставляемых официальными кредиторами, включая многосторонние институты. Она свидетельствует о том, что экономика Узбекистана становится все более привлекательной для частных инвесторов.

Благодаря установлению конструктивного диалога с Бреттон-Вудскими институтами, Узбекистан в последние годы стал крупнейшим на постсоветском пространстве получателем официальной помощи развитию. С 2018 по 2020 год в Узбекистан поступило 6,1 млрд долл. и еще 0,6 млрд долл. было вложено в регион в целом (Рис. 6). Более половины вложений сделали многосторонние институты, преимущественно Международная ассоциация развития и Азиатский банк развития.

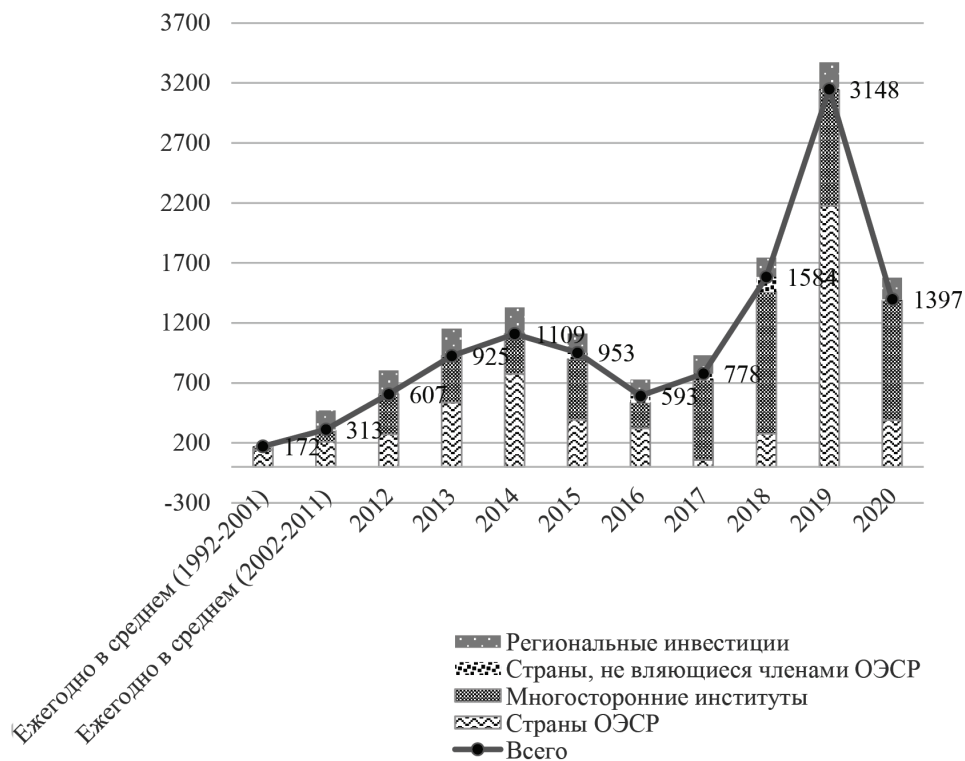

Рис. 6. Официальная помощи развитию Узбекистану (млн долл., в постоянных ценах 2000 г.).

Источник: составлено автором по данным ОЭСР [39].

Сегодня экспертами МВФ внешняя позиция Узбекистана оценивается как «в целом соответствующая экономическим основам и желательной политике»

[38. Р. 46], но, несмотря на ожидания экспертов, приток иностранных инвестиций в страну увеличился незначительно. До тех пор, пока в Узбекистане не будут реализованы структурные реформы, ожидать изменений в международной инвестиционной позиции страны не приходится. Как утверждают эксперты Всемирного банка, «процесс [реформ] все еще находится на ранней стадии» [40. Р. 6], и «корыстные интересы» могут помешать или замедлить процесс перехода к рынку [Ibid. Р. 32].

Известные экономисты XX века, такие как А.О. Хиршман [41], Д.А. Рондинелли [42], считали, что политика и проекты в области развития представляют собой политические эксперименты, в которых правительства обладают ограниченными знаниями и испытывают трудности с прогнозированием результатов своих действий. На примере Узбекистана было показано, что в условиях благоприятной конъюнктуры на мировых товарных рынках и наличия у страны возможности экспортировать сырьевые товары в период высоких цен и спроса на них, руководство страны может длительное время не проводить полную либерализацию финансовой сферы и открытие торговли. Однако такая политика приводит к нарастанию проблем в социальной сфере и дисбалансов в экономике.

Активизация сотрудничества Узбекистана с МВФ во многом стала необходимой мерой ввиду исчерпания прежней модели экономического развития, и вследствие этого, руководство страны сделало выбор в пользу увеличения финансовой и торговой открытости экономики. Следование рекомендациям Фонда в части реформирования экономики помогло республике получить финансовую поддержку международных кредиторов и иностранных доноров для проведения необходимых преобразований в экономике и нивелирования негативных социальных последствий. Хотя осуществляемые в экономике преобразования должны в долгосрочной перспективе положительно сказаться на макроэкономических показателях Узбекистана, на текущем этапе очевидно, что при правильно выбранном руководством страны и МВФ подходе к осуществлению реформ преобразования могут в среднесрочной перспективе не так болезненно сказаться на социально-экономической сфере государства, как это было в конце 1990-х годов в других постсоветских государствах.

Литература

1. Махмудов Р. Внешняя политика современного Узбекистана // Россия и новые государства Евразии. 2021. № 1. С. 121–134.
2. World Bank. The East Asian miracle: Economic growth and public policy. Main report. A World Bank Policy Research Report // Washington, D.C.: World Bank, 1993.
3. Republic of Uzbekistan: Recent Economic Developments. IMF Staff Country Report No. 98/116 // Washington, DC: International monetary Fund, 1998.

4. Press Release: IMF Approves STF Drawing for Uzbekistan. IMF official web-site. January 25, 1995. URL: <https://www.imf.org/en/News/Articles/2015/09/14/01/49/pr9507>.
5. Press Release: IMF Approves Stand-by Credit and Second STF Drawing for Republic of Uzbekistan. IMF official web-site. December 18, 1995. URL: <https://www.imf.org/en/News/Articles/2015/09/14/01/49/pr9567>.
6. Uzbekistan, Republic of: Transactions with the Fund from May 01, 1984 to June 30, 2022. IMF official web-site. URL: https://www.imf.org/external/np/fin/tad/extransl.aspx?memberKey1=1042&endDate=2099-12-31&finposition_flag=YES.
7. *Kiguel M.A., O'Connell St.A.* Parallel Exchange Rates in Developing Countries: Lessons from Eight Case Studies // Washington, D.C.: World Bank, 1994.
8. *Gunther T., Zettelmeyer J.* Output Decline and Recovery in Uzbekistan: Past Performance and Future Prospects. IMF Working Paper 98/132 // Washington: International Monetary Fund. 1998.
9. Uzbekistan's Reform Program: Illusion Or Reality? (Asia Report № 46) // Brussel: International Crisis Group, 2003.
10. *Gemayel E.R., Grigorian D.A.* How Tight Is Too Tight? A Look at Welfare Implications of Distortionary Policies in Uzbekistan. IMF Working Paper (WP/05/239) // Washington, DC: International monetary Fund, 2005.
11. *Zettelmeyer J.* The Uzbek Growth Puzzle. IMF Working Paper (98/133) // Washington, DC: International monetary Fund, 1998.
12. *Zettelmeyer J., Taube G.* Output Decline and Recovery in Uzbekistan: Past Performance and Future Prospects. IMF Working Paper (98/132) // Washington, DC: International monetary Fund, 1998.
13. Uzbekistan at Ten: Repression and Instability (Asia Report № 21) // Brussel: International Crisis Group, 2001.
14. Republic of Uzbekistan: Interim Poverty Reduction Strategy Paper – Joint Staff Advisory Note. (IMF Country Report No. 05/159) // Washington, DC: International monetary Fund, 2005.
15. *Zasada G.* Uzbekistan: The major source of instability in Central Asia? Centre for Eastern Studies №15. 2004. URL: https://www.files.ethz.ch/isn/125084/RU_17.pdf.
16. Press Release: The Republic of Uzbekistan Accepts Article VIII Obligations. IMF official web-site. November 11. 2003. URL: <https://www.imf.org/en/News/Articles/2015/09/14/01/49/pr03188> (дата обращения: 25.07.2022).
17. The Failure of Reform in Uzbekistan: Ways Forward for the International Community (Asia Report № 76) // Brussel: International Crisis Group, 2004.
18. Republic of Uzbekistan –Letter of Intent. IMF official web-site. July 29, 2002. URL: <https://www.imf.org/external/np/loi/2002/uzb/02/index.htm>.
19. Uzbekistan: The Andijon Uprising (Asia Report № 38) // Brussel: International Crisis Group. 2005.
20. *Lasslett K.* Corruption and reform in Uzbekistan: The elephant is still in the room. Foreign Policy Centre, 2020. URL: <https://fpc.org.uk/corruption-and-reform-in-uzbekistan-the-elephant-is-still-in-the-room/>.
21. Uzbekistan: Staff Visit, May 21–25, 2012-Aide Memoire. IMF official web-site. May 25, 2012. URL: <https://www.imf.org/en/News/Articles/2015/09/28/04/52/mcs052512>.
22. Press Release: Statement by the IMF Mission to Uzbekistan. IMF official web-site. December 27, 2008. URL: <https://www.imf.org/en/News/Articles/2015/09/14/01/49/pr08347>.
23. Press Release: Joint Statement by the Government and the Central Bank of the Republic of Uzbekistan and the International Monetary Fund. IMF official web-site. June 30, 2010. URL: <https://www.imf.org/en/News/Articles/2015/09/14/01/49/pr10272>.
24. World Economic Outlook Database. International Monetary Fund (April 2022 Edition). URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2022/April>.

25. *Galdini F.* The Post-Soviet Space and Uzbekistan in the International Division of Labour from Transition to Capital Accumulation. — A thesis submitted to The University of Manchester for the degree of Doctor of Philosophy in the Faculty of Humanities, 2021.
26. Toward a Prosperous and Inclusive Future: The Second Systematic Country Diagnostic for Uzbekistan // Washington, D.C.: World Bank, 2022.
27. *Ханна П.* Второй мир // Москва: Европа. 2010.
28. ADB Country Partnership Strategy. Uzbekistan, 2019–2023 — Supporting Economic Transformation. — Asian Development Bank, May 2019. URL: <https://www.adb.org/sites/default/files/institutional-document/510251/cps-uzb-2019-2023.pdf>
29. Republic of Uzbekistan. 2021 Article IV Consultation — Staff Report (IMF Country Report No. 21/85) // Washington, DC: International monetary Fund, 2021.
30. GDP per capita (current US\$) World Bank Open Data. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.CD>.
31. Press Release: IMF Staff Completes 2015 Article IV Mission to the Republic of Uzbekistan. IMF official web-site. May 13, 2015. [URL: <https://www.imf.org/en/News/Articles/2015/09/14/01/49/pr15216>].
32. Указ Президента Республики Узбекистан от 07.02.2017 № УП-4947 «О стратегии действий по дальнейшему развитию Республики Узбекистан». URL: <https://lex.uz/docs/3107042>.
33. Republic of Uzbekistan. 2018 Article IV Consultation — Staff Report (IMF Country Report No. 18/117) // Washington, DC: International monetary Fund, 2018.
34. Uzbekistan Implements the IMF's Enhanced General Data Dissemination System. IMF official web-site. May 3, 2018. URL: <https://www.imf.org/en/News/Articles/2018/05/03/pr18153-uzbekistan-implements-the-imf-enhanced-general-data-dissemination-system>.
35. External Sector Statistics of Uzbekistan. International Financial Statistics. URL: <https://data.imf.org/regular.aspx?key=61545851>.
36. IMF Executive Board Approves a US\$375 Million Disbursement to the Republic of Uzbekistan to Address the Impact of the COVID-19 Crisis. IMF official web-site. May 18, 2020. URL: <https://www.imf.org/en/News/Articles/2020/05/18/pr20220-uzbekistan-imf-executive-board-approves-us-375m-disbursement-address-impact-covid19>.
37. International Debt Statistics 2022 (Updated International Debt Statistics) / Washington, DC: International Bank for Reconstruction and Development // The World Bank, 2022.
38. Republic of Uzbekistan. 2022 Article IV Consultation — Staff Report (IMF Country Report No. 22/189) // Washington, DC: International monetary Fund. 2022.
39. Creditor Reporting System. OECD.Stat. URL: <https://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=CRS1#>.
40. Toward a Prosperous and Inclusive Future (The Second Systematic Country Diagnostic for Uzbekistan) // Washington, DC: World Bank Group. 2022.
41. *Hirschman A.O.* Development Projects Observed // Washington, DC: Brookings Institution Press, 1967.
42. *Rondinelli D.* Development Projects as Policy Experiments: An Adaptive Approach to Development Administration // Routledge. 1993.

Ekaterina Romanchuk (e-mail: kate.romanchuk@ya.ru

Postgraduate Student, Junior Researcher,

Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (RAS

(Moscow, Russia)

IMF ASSISTANCE TO UZBEKISTAN IN OVERCOMING THE PROBLEMS OF THE SOCIO-ECONOMIC MODEL OF DEVELOPMENT

For a long time, the leadership of Uzbekistan adhered to a socio-economic model with a focus on import-substituting industrialization and gradual liberalization of the financial sector. As a result of this approach, the country's interaction with the International Monetary Fund (IMF) and other international financial organizations was limited by a number of issues on which the vision of the Uzbek leaders coincided with the views of the experts of these institutions on the ways of developing the national economy of the republic. However, as soon as the Government of the Republic of Uzbekistan agreed to carry out the reforms recommended to it by the Bretton Woods institutions, opportunities for deepening integration into the world economy began to open up for the country.

Keywords: IMF, Uzbekistan, balance of payments, international investment position, reforms, financial sector liberalization, trade opening.

DOI: 10.31857/S020736760024669-4

© 2023

Сергей Михневич

доктор экономических наук, Институт экономики Национальной академии наук Беларуси (г. Минск, Республика Беларусь)
(e-mail: dr-siargei-mikhnevich@yandex.ru)

Элеонора Михневич

кандидат медицинских наук, Белорусский государственный медицинский университет (г. Минск, Республика Беларусь)
(e-mail: eleanora@inbox.ru)

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ГЛОБАЛЬНОГО РЫНКА Е-МЕДИЦИНЫ

В статье анализируются факторы, влияющие на становление цифрового здравоохранения на современном этапе, рассматривается экосистема е-медицины, основные её модули и их воздействие на эффективность взаимоотношений с пациентами. Исследуются некоторые проблемы, присутствующие процессу цифровизации медицинской отрасли.

Авторы отмечают, что отличительной чертой текущего этапа цифровизации является стремительное генерирование объемов полезных данных, касающихся диагностики заболеваний и их лечения.

Представлена динамика развития мирового рынка цифровой медицины в период с 2018 года, делается прогноз её развития до 2024 г., в том числе по сегментам рынка и регионам мира. Показано, что именно благодаря цифровизации отрасль здравоохранения переходит на качественно новый уровень своего развития.

Авторы анализируют причины изменений структуры мирового рынка электронной медицины, рассматривают некоторые аспекты инвестирования в данную отрасль.

Ключевые слова: цифровое здравоохранение, экосистема, цифровая терапия, структура рынка, тенденции развития, инвестиции.

DOI: 10.31857/S020736760024670-6

Цифровое здравоохранение (е-медицина) — это упорядоченная система организации и предоставления медицинских услуг на основе широкого использования информационно-коммуникационных технологий, что подразумевает не только внедрение технологических инноваций в процессы диагностики и лечения, но и предполагает культурно-психологические сдвиги в поведении врачей и пациентов, а также открывает возможности качественного лечения больных за пределами традиционных учреждений здравоохранения.

По мнению С.Бёрнела¹, е-медицина «включает в себя телемедицину, мобильное здравоохранение, медицинские устройства с самоконтролем, цифровую диагностику, цифровую терапию и модули поддержки принятия клинических

¹ Стив Бёрнел (Steve Burnell), доктор философии, руководитель отдела стратегии информационных решений для диагностики компании «Roche».

решений, а также передовые алгоритмы и системы искусственного интеллекта. По своей сути цифровое здравоохранение обеспечивает принятие более эффективных, более обоснованных решений в отношении здоровья и персонализированного ухода за пациентами» [1].

Процесс цифровизации здравоохранения, как в принципе и любой иной сферы социально-экономической деятельности, можно условно разделить на три этапа. Первый этап включал в себя внедрение информационных технологий для автоматизации бухгалтерского учета и начисления заработной платы работникам. В ходе второго этапа формировались локальные системы интеграции процессов производственной деятельности и управления персоналом, а также системы управления цепочками поставок для различных учреждений как внутри медицинской отрасли, так и за ее пределами.

Согласно исследованиям компании McKinsey, в рамках второго этапа цифровизации систем здравоохранения удалось, например, в Германии создать электронную карту здоровья населения, в США — принять Закон об информационных технологиях здравоохранения для экономического и клинического здравоохранения², а в Великобритании — внедрить Национальную программу информационных технологий в службе здравоохранения [2].

В настоящее время активно протекает третий этап цифровизации отрасли, который включает в себя процесс полной оцифровки учреждений здравоохранения, создание цифровых продуктов для нужд медицины, позволяющих на новом уровне анализировать большие базы данных, интегрировать новейшие ИТ-технологии в существующие бизнес-модели и создавать новые методы лечения для совершенствования качества оказываемых услуг.

Цифровые модели здравоохранения последовательно повышают эффективность всей системы, поскольку обладают высокой клинической полезностью, открывают широкие перспективы эффективного лечения — в том числе и посредством своевременной и более точной диагностики, профилактики заболеваний, реабилитации больных, обеспечения должного уровня конфиденциальности информации о пациентах.

Отличительной чертой третьего этапа цифровизации отрасли здравоохранения является стремительный рост объема обрабатываемой и полезной для медицины информации. Цифровые алгоритмы объединяют получаемые из различных лабораторных и клинических источников данные, которые затем анализируются в интересах совершенствования методов лечения, профилактики болезней, создания новых лекарственных препаратов.

По экспертным оценкам, в 2021 г. в сегменте охраны здоровья на одного человека приходилось около 950 взаимодействий с цифровыми устройствами, включающих клинические, инструментальные и лабораторные обследования, что непременно сопровождалось сбором и накоплением ценной информации.

² The Health Information Technology for Economic and Clinical Health Act.

Как утверждают аналитики компании RBC Capital Market, последние годы «примерно 30% мирового объема данных генерируется медицинской отраслью. К 2025 г. совокупный среднегодовой темп роста³ массива данных для здравоохранения достигнет 36%, что на 6% превышает аналогичный показатель в сфере производства, на 10% — в сфере финансовых услуг, и на 11% — в сегменте средств массовой информации» [3]. В табл. 1 представлена динамика накопления объема данных в медицинской отрасли в глобальном масштабе.

Таблица 1

Динамика рост объема данных в сфере здравоохранения

Год	2018	2019	2020	2021	2022	2023*	2024*
Зеттабайты**	1,5	2,0	2,7	3,6	4,8	6,3	8,3

Примечание:

* Прогноз.

** Единица измерения количества информации, равная 10^{21} байт.

Источник: составлено авторами на основе данных компании Roland Berger.

Растущие трансграничные потоки данных, поддерживаемые базовыми и дополнительными телекоммуникационными услугами — такими как обработка и хранение с использованием накопителей (облачное хранилище) — связывают все больше стран, компаний, пользователей [4].

Вместе с тем следует отметить, что процесс цифровизации отрасли сталкивается с определенными проблемами на уровне восприятия его (процесса) потенциальными потребителями услуг здравоохранения. Однако это решаемые проблемы. Алгоритм их решения кроется в повышении качества и снижении стоимости оказываемых медицинских услуг. Подтверждением сказанному могут служить результаты исследования, проведенного экспертами компании McKinsey, согласно которым более 75% участников опроса хотели бы пользоваться услугами е-медицины, если эти услуги отвечают их потребностям и обеспечивают ожидаемый уровень качества. В рамках исследования аналитики также пытались понять, чего на самом деле хотят потенциальные покупатели медицинских услуг, поскольку на основе этой информации можно создавать новые цифровые продукты.

Важным результатом опроса стал вывод о том, что пациенты в возрасте старше 50 лет нуждаются в цифровых медицинских услугах почти в такой же степени, как и более молодые пациенты. Однако предпочтения в использовании каналов информации существенно различаются у молодых и пожилых людей. Если молодежь главным образом предпочитает социальные сети, то пожилые люди пользуются специализированными веб-сайтами и электронной почтой.

³ Совокупный среднегодовой темп роста (английская аббревиатура CAGR) показывает, на сколько процентов за год прирастает изучаемый параметр.

Основными положительными характеристиками е-медицины участники исследования назвали её эффективность; удобный доступ к информации; понятную навигацию, позволяющую сориентироваться в сложной системе здравоохранения; интеграцию с другими каналами цифрового сообщества. Очевидно, что в рамках реализации планов совершенствования цифровой медицины будут проводиться инновационные мероприятия, позволяющие доводить качество предоставляемых услуг до уровня, запрашиваемого потенциальными потребителями.

Следует подчеркнуть, что экосистема современного здравоохранения является сложной инфраструктурой, которая включает в себя концепции и технологии, позволяющие трансформировать модель охраны здоровья граждан из ориентированной на организацию, в модель здравоохранения, ориентированную на пациента [5].

В общем виде экосистема е-медицины изображена на Рис. 1. Представленные модули экосистемы не являются статическими и исчерпывающими, поскольку информационные технологии, которые способны позитивно влиять на медицинскую отрасль, развиваются стремительно и весьма успешно, и по большей части связаны между собой и дополняют друг друга.

Модуль использования искусственного интеллекта⁴ позволяет осуществлять прогнозное моделирование и обеспечивать аналитическую работу, касающуюся лечения пациентов и функционирования системы здравоохранения. Искусственный интеллект кардинально меняет индустрию здравоохранения. Его применение в сфере цифровой медицины позволяет обрабатывать гигантские объемы данных и обеспечивать поддержку в принятии клинических решений, благодаря повышению точности медицинской диагностики и прогнозирования.

Модуль взаимосвязанные домены включает в себя социальные сети, интернет вещей⁵ (IoT), программное обеспечение как услугу⁶ (SaaS), данные как услугу⁷ (DaaS).

⁴ Искусственный интеллект – это набор технологий, которые позволяют компьютерам и подобным устройствам анализировать данные, реализовывать способность думать, видеть, понимать и переводить устную и письменную речь, формулировать рекомендации и т.п.

⁵ «Интернет вещей» (Internet of Things) – это совокупность информационно-коммуникационных устройств и технологий, связывающих между собой физические объекты с целью сбора, обработки и передачи данных.

⁶ «Программное обеспечение как услуга» (Software as a Service) – это модель продвижения информационных технологий потенциальным пользователям, в рамках которой поставщик услуги размещает программное обеспечение на своих вычислительных мощностях, обслуживает его и предоставляет клиентам интернет-доступ к данным технологиям (программе или приложению).

⁷ «Данные как услуга» (Data as a Service) модель работы с потоками данных, в рамках которой конечные пользователи данных поручают заниматься сбором, управлением и хранением информации специализированным компаниям.

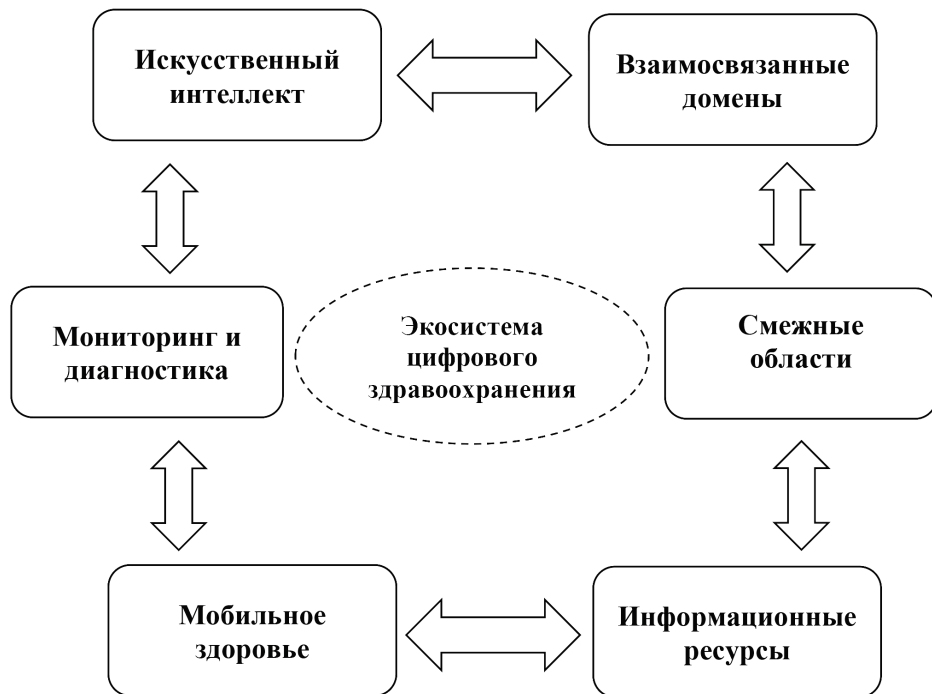

Рис. 1. Экосистема цифрового здравоохранения.

Источник: составлено авторами.

Модуль *мониторинг и диагностика* обеспечивает телемониторинг различных заболеваний, например, хронической обструктивной болезни легких, сахарного диабета и т.п., и позволяет проводить удаленные консультации пациентов и обучение персонала.

Не секрет, что в процессе длительного лечения многие пациенты с хроническими болезнями иной раз не следуют алгоритму приема назначенных им лекарств и не соблюдают режим рекомендуемого им поведения. До недавнего времени врачи не имели достаточных возможностей контролировать то, в какой степени пациенты добросовестны, т.е. выполняют врачебные рекомендации и соблюдают назначенное лечение. Эти проблемы во многом решаются с помощью алгоритмов цифрового здравоохранения.

Модуль *смежные области* позволяет использовать 3D-печать⁸ в медицинских целях, осуществлять геномное и прямое генетическое тестирование, задействовать прецизионную медицину.

⁸ 3D-печать – это аддитивная технология, которая позволяет изготавливать трехмерные объекты путем последовательного наращивания слоев как из одного, так и из разных видов сырья, таких как пластмассы, металлы, керамика. Данная технология, например, позволяет производить индивидуальные протезы конечностей, черепные или ортопедические имплантаты.

Модуль *мобильное здоровье* (mHealth) — это быстро развивающийся сегмент цифрового здравоохранения, обеспечивающий поддержку процессам диагностики и лечения с помощью мобильных и беспроводных устройств, способных передавать данные (смартфоны, планшеты и другие портативные устройства), дает возможность успешно контролировать имплантируемые или носимые пациентом устройства. В настоящее время смартфоны являются наиболее популярной платформой в технологии предоставления услуг мобильного здравоохранения.

Модуль *информационные ресурсы* системы здравоохранения является уникальным механизмом сбора данных, их обработки, составления отчетности и эффективного использования информации, необходимой для повышения качества услуг здравоохранения посредством улучшения управления на всех уровнях оказания медицинской помощи.

Этот модуль отвечает за администрирование пациентов, управление и передачу электронной медицинской карты, оперативное управление лечебным учреждением, функционирование механизмов электронной выписки рецептов и инструментов архивирования изображений, а также за лабораторно-исследовательские коммуникации.

В рамках данного модуля можно получать объективную информацию о наиболее эффективных поставщиках услуг или организациях здравоохранения, которые используют методы лечения, дающие наилучшие результаты. Таким образом, информационные ресурсы здравоохранения улучшают работу медицинских учреждений, снижают затраты на медицинское обслуживание, позволяют уменьшить количество врачебных ошибок, повышают эффективность и качество обслуживания пациентов и содействуют оптимизации расходов стационарных медицинских учреждений.

Пандемия COVID-19 способствовала динамичному развитию рынка цифрового здравоохранения, поскольку использование мобильных приложений, носимых устройств и телемедицины, позволяло сделать услуги здравоохранения более доступными для населения в условиях самоизоляции.

Важное инфраструктурное воздействие на развитие глобального рынка⁹ цифрового здравоохранения оказывают увеличение количества пользователей интернета, рост спроса на программное обеспечение, использование коммуникационных и информационных технологий, связанных с медициной, возрастающая тенденция удаленного мониторинга пациентов.

В таб. 2 представлена динамика мирового рынка цифровой медицины. Как можно видеть из таблицы, в 2018 г. мировой рынок цифрового здравоохранения оценивался в 134 млрд долл. США. Ожидается, что совокупный среднегодовой

⁹ Рынок цифрового здравоохранения включает:

- по компонентам: программное обеспечение, оборудование и услуги;
- по технологиям: телемедицина, мобильное здравоохранение (приложения и носимые устройства), цифровые системы здравоохранения (системы электронного назначения рецептов, электронные медицинские карты) и аналитика здоровья.

темпа роста в ближайшие три года составит 14,3%. По прогнозам, к 2024 г. объем глобального рынка цифровой медицины достигнет величины в 497 млрд долл. США.

Таблица 2

Динамика изменения мирового рынка цифровой медицины
(в млрд долл. США)

Год	2018	2019	2020	2021	2022	2023*	2024*
Млрд долл. США	134	176	216	271	333	408	497

Примечание:
* – прогноз.
Источник: составлено авторами на основе данных компании Precedence Research.

Считается, что одним из главных системных факторов, определяющих объемы мирового рынка цифровой медицины, является быстрый рост количества хронических заболеваний, таких как хронические обструктивные заболевания легких, бронхиальная астма, артериальная гипертензия, сахарный диабет, сердечно-сосудистые заболевания, особенно ишемическая болезнь сердца, онкология, респираторные инфекции.

В 2022 г.¹⁰ структура глобального рынка цифровой медицины по применяемым технологиям выглядела следующим образом (Рис.2).

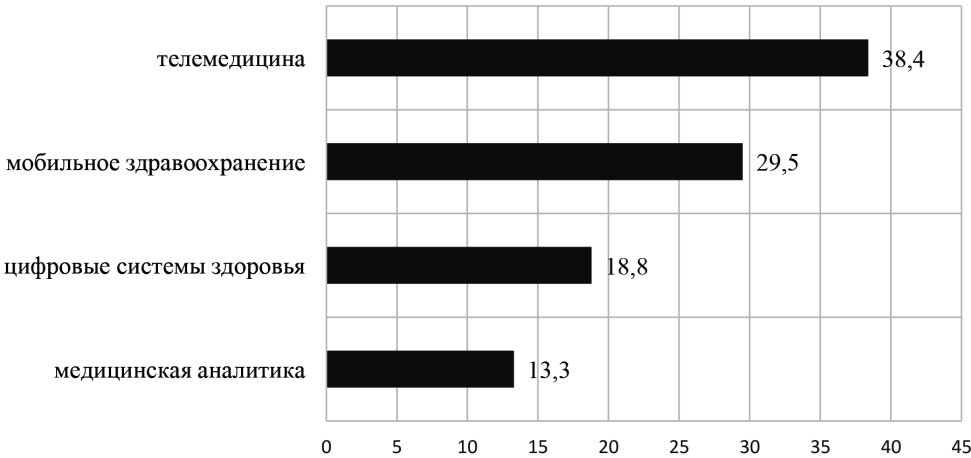

Рис. 2. Структура глобального рынка цифровой медицины в 2022 г.
(по видам технологий, в %)

Источник: составлено авторами на основе данных компании Grand View Research.

¹⁰ Предварительная оценка.

Как можно видеть из диаграммы, телемедицина занимала лидирующие позиции на рынке цифрового здравоохранения, что в стоимостном выражении составило 127,9 млрд долл. США.

Сегмент мобильного здравоохранения оценивался в 98,2 млрд долл. США, цифровых систем здоровья — в 62,6 млрд долл. США, медицинской аналитики — в 44,3 млрд долл. США.

Анализ глобального рынка цифровой медицины по компонентам показывает, что в 2020 г. сегмент услуг оценивался в 139,5 млрд долл. США, и предполагалось, что в период с 2021 по 2025 гг. совокупный среднегодовой темп роста составит 19,2%. В том же году сегмент аппаратных средств оценивался в 40,4 млрд долл. США, и его совокупный среднегодовой темп роста в период с 2021 по 2025 год прогнозировался на уровне 19,6%.

Сегмент программного обеспечения оценивался в 36,1 млрд долл. США и его совокупный среднегодовой темп роста в период с 2021 по 2025 год прогнозировался на уровне 20,1%.

Региональная структура мирового рынка цифровой медицины также неоднородна. В 2021 г. лидером в цифровом здравоохранении являлась Северная Америка, ввиду высокой покупательной способности граждан и наличия устойчивого спроса на товары информационных технологий. Доля этого региона составила 45,4% глобального рынка. По мнению экспертов компании Precedence Research, региональное лидерство Северной Америки также обусловлено стремительным увеличением доли пожилых людей в населении и высокой распространенностью хронических заболеваний.

На Европу приходилось 34,7% глобального рынка. Важными факторами роста в этом регионе являлись программы государственной поддержки исследований и разработок, относящихся к цифровому здравоохранению, а также наличие устойчивого спроса на услуги современной медицины. Совокупный среднегодовой темп роста рынка стран Европы в ближайшие два года составит, по прогнозам, 16,4%.

На Азиатско-Тихоокеанский регион приходилось 14,1% мирового рынка, на Латинскую Америку — 3,7%, на Африку и страны Ближнего Востока — 2,1%.

В Азиатско-Тихоокеанском регионе прогнозируется быстрый рост рынка цифровой медицины в течение ближайших трёх лет, что связано с увеличением расходов на инфраструктуру здравоохранения и программное обеспечение. Ожидается, что совокупный среднегодовой темп роста в период с 2023 по 2025 гг. составит 19,8%.

Растущее использование смартфонов, а также увеличение государственных расходов на модернизацию отрасли здравоохранения станут стимулом к расширению цифрового здравоохранения в Латинской Америке.

В ближайшие два года также прогнозируется рост (на 8–10% в год) объемов цифровой медицины в регионе Африки и стран Ближнего Востока. Этому

процессу будут способствовать расширение использования информационно-коммуникационных технологий и соответствующего оборудования.

Как отрасль здравоохранения, так и потребители рассматривают новые технологии в качестве важного инструмента оптимизации социальной составляющей развития общества. В этом контексте на рост глобального рынка цифровой медицины положительное влияние окажет активизация инвестиционной деятельности. Согласно экспертам компании Statista, самыми финансируемыми сегментами цифрового здравоохранения в 2021 г. были следующие:

- телемедицина, в объёме 4,3 млрд долл. США;
- аналитика данных, в объёме 1,9 млрд долл. США;
- mHealth apps (мобильные приложения для медицины), в объёме 1,5 млрд долл. США;
- поддержка принятия клинических решений, в объёме 1,2 млрд долл. США;
- системы принятия управленческих решений, в объёме 0,9 млрд долл. США;
- носимые датчики¹¹, в объёме 0,85 млрд долл. США;
- социальные сети для медицины, в объёме 0,55 млн долл. США.

В то же время, согласно недавним публикациям компании McKinsey, в 2021 г. существенные финансовые вливания были осуществлены в сегмент так называемой цифровой терапии, которая включает в себя дистанционный мониторинг общего состояния пациента, соблюдение им режима приема лекарств, индивидуальные рекомендации по лечению в режиме реального времени.

Объем финансирования сегмента цифровой терапии вырос в 2021 г. на 34% и составил 8,9 млрд долл. США [6].

Исследования показали, что цифровое отслеживание заболеваний может способствовать снижению на 45% основных неблагоприятных сердечно-сосудистых событий в трехмесячный период после инфаркта миокарда и на 50% — сокращению повторной (в течение 30 дней) госпитализации пациентов. Аналогичным образом, данный алгоритм помогает снизить уровень гемоглобина A1c (HbA1c) на один процентный пункт среди пациентов с сахарным диабетом второго типа [7].

На Рис. 3. представлена динамика капиталовложений в цифровое здравоохранение в период с 2016 г. по 2021 г.

Как видно из представленного графика, в 2021 г. объем инвестиций в цифровую медицину в глобальном масштабе достиг максимальной величины и составил 44,1 млрд долл. США.

По оценкам аналитиков Forbes, наиболее привлекательными для инвесторов в настоящее время являются такие направления разработок новых технологий, как искусственный интеллект, дополненная реальность, технологии блокчейн для медицины, виртуальные клинические испытания.

¹¹ Носимые датчики – это интегрированные аналитические устройства, которые сочетают в себе функции систем для оказания медицинской помощи и мобильную связь в автономно работающих устройствах.

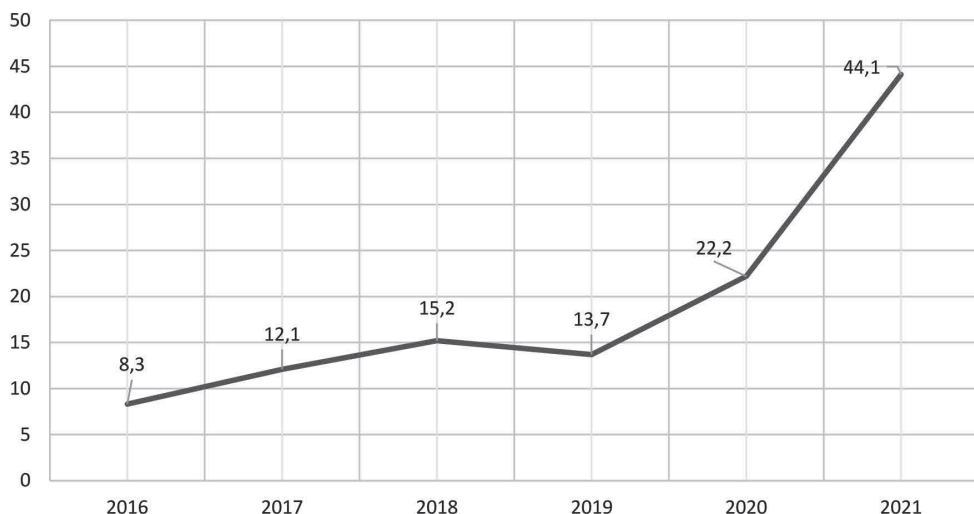

Рис. 3. Динамика инвестирования в цифровую медицину в период 2016–2021 гг. (млрд долл. США).

Источник: составлено авторами на основе данных компании StartUp Health Insights.

По предварительным оценкам экспертов компании Grand View Research, доходы рынка цифрового здравоохранения в 2022 г. достигли 145,8 млрд долл. США. Ожидается, что совокупный среднегодовой темп роста доходов в период с 2020 по 2025 гг. составит 11,2%.

Обобщая вышеизложенное, можно сделать следующие выводы:

1. Ориентированная на пациента экосистема цифрового здравоохранения обеспечивает не только лечение, но и профилактику заболеваний, уделяет особое внимание компонентам социального здоровья, таким как психическое и эмоциональное состояние, социальная интеграция. В современной экосистеме здравоохранения обеспечивается стабильное качество оказываемых медицинских услуг.

2. Важную роль в развитии инфраструктуры цифрового здравоохранения играют правительства. Их участие проявляется в создании благоприятных правовых условий, включая разработку национальных стратегий развития е-медицины, в содействии финансированию и формированию партнерских отношений с бизнес-сообществом.

3. В глобальном масштабе отрасль цифрового здравоохранения является динамично развивающейся, благодаря формированию новых экономических моделей, высокому спросу на медицинские услуги, распространению высокоскоростного интернета, динамичному развитию информационно-коммуникационных технологий.

Литература

1. Режим доступа: URL: <https://www.roche.com> (дата обращения 14 января 2023 г.)
2. Режим доступа: URL: <https://www.mckinsey.com/industries/healthcare/our-insights/healthcares-digital-future> (дата обращения 14 января 2023 г.)
3. Режим доступа: URL: https://www.rbccm.com/en/gib/healthcare/episode/the_healthcare_data_explosion (дата обращения 14 января 2023 г.)
4. Михневич С. О некоторых тенденциях развития мировой экономики в эпоху цифровой глобализации // Торговая политика. 1(17), 2019. 120–140.
5. Режим доступа: URL: <https://www.tigahealth.com/what-is-digital-healthcare-ecosystem/> (дата обращения 20 января 2023 г.)
6. Режим доступа: URL: <https://www.mckinsey.com/industries/life-sciences/our-insights/the-health-benefits-and-business-potential-of-digital-therapeutics> (дата обращения 20 января 2023 г.)
7. Marcy K. Abner et al. A novel intervention including individualized nutritional recommendations reduces hemoglobin A1c level, medication use, and weight in type 2 diabetes. JMIR Diabetes, 2017, Volume 2, Issue 1.

Sergey Mikhnevich (e-mail: dr-siargei-mikhnevich@yandex.ru)

Grand Ph.D. in Economics,

Institute of Economics of the Belarus' National Academy of Sciences

(Minsk, Republic of Belarus)

Eleonora Mikhnevich (e-mail: eleanora@inbox.ru)

Ph.D. of Medical Sciences, Belarusian State Medical University,

Medical Doctor of Geneva University

ON SOME ASPECTS OF THE DIGITALIZATION OF HEALTH AND THE DEVELOPMENT OF THE GLOBAL E-HEALTH MARKET

The article analyses the factors influencing the emergence of digital health at the present stage, examining the e-health ecosystem, its main modules and their impact on the effectiveness of patient relationships. Some of the challenges inherent in the process of digitalization of the healthcare industry are explored.

The authors point out that a distinctive feature of the current stage of digitalization is the rapid generation of volumes of useful data, related to the processes of disease diagnosis and treatment.

The dynamics of the development of the global digital medicine market in the period from 2018 is presented, a forecast is made for its development until 2024, including by market segments and regions of the world. It is shown that, thanks to digitalization, the healthcare industry is moving to a qualitatively new level of its development.

The authors analyse the reasons for changes in the structure of the global e-health market, and consider some aspects of investment in this industry.

Keywords: Digital healthcare, ecosystem, digital therapy, market structure, development trends, investments.

DOI: 10.31857/S020736760024670-6

© 2023

Базынан Бизенгин

доктор экономических наук, профессор
(e-mail: r3bizengin@mail.ru)

Эльдар Баккуев

доктор экономических наук, профессор
(e-mail: rbak-kuev@mail.ru)

Мадина Эннеева

доктор экономических наук, профессор
(e-mail: madis@mail.ru)

Мадина Газаева

кандидат экономических наук, доцент
(e-mail: mtramova@mail.ru)

(кафедра Управления Кабардино-Балкарского государственного аграрного университета им. В.М. Кокова) (г. Нальчик, Кабардино-Балкарская Республика, Россия)

СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЗЕРНОВОГО СЕКТОРА СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА КЫРГЫЗСТАНА

В настоящей статье делается попытка осмыслить результаты аграрной реформы в Кыргызстане. В советские годы в Киргизской ССР (ныне Республика Кыргызстан) был сформирован развитый полноценный агропромышленный комплекс со всеми секторами и единым воспроизводственным контуром. Он не только обеспечивал смежные отрасли республики необходимыми ресурсами, но также экспортировал свою продукцию (причем не только сельскохозяйственное сырье, но и продукты его переработки, а также машиностроительную продукцию) в другие республики СССР, государства СЭВ и в государства дальнего зарубежья. В 1990-е годы в Киргизской ССР, как и других республиках бывшего СССР, были проведены аграрные глубокие и последовательные реформы, имевшие своей целью перевод аграрного сектора на рыночные рельсы. С тех пор прошло более трети века, и теперь мы можем объективно оценить перемены. В статье на основе анализа статистических данных выявлены основные проблемы, с которыми столкнулось сельское хозяйство республики, сформулированы основные направления и предложены механизмы разрешения проблем. Исследование проведено на примере зернового сектора национального сельского хозяйства.

Ключевые слова: сельское хозяйство Кыргызстана, аграрная реформа, зерновой сектор, тенденции, проблемы, перспективы.

DOI: 10.31857/S020736760024671-7

Современное сельское хозяйство остается важнейшей отраслью национального хозяйства многих государств. Особую значимость оно представляет для государств, в экономике которых в силу географических, а также исторических причин слабое развитие получили сектор услуг, а также — ресурсно-сырьевой,

технологический, промышленный, сервисный и финансовый секторы. В таких государствах есть возможность за счет развития сельского хозяйства обеспечить достойный уровень и качество жизни, с сопутствующими им параметрами национального развития. Сельское хозяйство может стать не только локомотивом развития национального хозяйства, но и важным фактором, определяющим статус государства и страны на региональном и международном уровнях, формирующим его независимость и политический суверенитет. Но для этого необходимо, чтобы сельское хозяйство представляло собой не примитивный способ обеспечить занятость сельского населения, а было технологически передовым. Поэтому развитые страны уделяют огромное внимание развитию национального сельского хозяйства, осуществляют колоссальные вложения в него. К сожалению, даже при наличии необходимых ресурсов не каждому государству удастся создать у себя современное развитое сельское хозяйство. Причина, как правило, состоит в недооценке сельского хозяйства, с одной стороны, и в непонимании природы сельского хозяйства — с другой, и как следствие — в отсутствии собственной стратегии и модели развития национального сельского хозяйства.

В Кыргызстане в XX в. был создан и функционировал развитый агропромышленный комплекс, включавший в себя соответствующие секторы: аграрный, перерабатывающий, промышленный и др., функционировавшие в едином воспроизводственном контуре, прямо и косвенно связанные с сельским хозяйством. Данный комплекс не только обеспечивал народное хозяйство республики необходимым сельскохозяйственным сырьем и продуктами, но и поставлял их на внутрисоюзный и внешний рынки. Особо следует подчеркнуть наличие развитого промышленного подкомплекса, связанного с сельскохозяйственным машиностроением, где изготовлялось оборудование, машины и прочие технические средства, используемые в сельском хозяйстве. При этом заводы-производители функционировали в кооперации с заводами других республик СССР, а также с предприятиями государств, входивших в СЭВ. Сам машиностроительный подкомплекс АПК Киргизской ССР обеспечивал продукцией (машинами, техническими средствами) сельское хозяйство не только Киргизии, но также и союзных республик и зарубежных партнеров. Аграрный подкомплекс был многоотраслевым, технологически и технически развитым, способным обеспечить потребности в сельскохозяйственном сырье как животного, так и растительного происхождения. Функционировал также и перерабатывающий подкомплекс с развитыми мукомольной, масложировой, мясомолочной, шерстяной, плодоовощной и проч. подотраслями и производствами. Развивались подкомплексы, связанные с хранением, транспортом, торговлей (оптово-розничной). Главное, что это был сформировавшийся республиканский агропромышленный комплекс с полноценными воспроизводственными процессами, органически вписывавшийся в систему общесоюзного разделения

труда, т.е. несмотря на локальную (на уровне республики) целостность он был «заточен» под так называемый общесоюзный рынок, а через него имел выход также на рынок СЭВ и на мировой.

В конце 1980-х – начале 1990-х гг. в СССР начались экономические реформы, причем одной из важнейших стала аграрная, в ходе которой приватизировались земли сельскохозяйственного назначения. Характерно, что в процессе реформы земля изымалась у государственных предприятий (хозяйств) и приватизировалась безотносительно к тому, каким было хозяйство: эффективным, убыточным, передовым или же банкротом, социально необходимым или маргинальным. С учетом последнего обстоятельства, очевидно, что главной целью реформы было создание частного землевладения¹. Тот же процесс приватизации происходил и в коллективных хозяйствах (колхозах). Основу приватизации составляли паи, которые выделили не формально (номинально), а реально, т.е. землю делили на частные владения. В результате, в земледелии из целостных пашенных комплексов образовались ... наборы полей из полос земли; каждая полоса имела собственника, который мог использовать ее по своему усмотрению.

Поскольку в сельском хозяйстве и его отдельных подкомплексах и отраслях, как и во всякой системе, действует сила инерции, то даже после приватизации отрасль некоторое время демонстрировала положительную динамику. Но с истощением прежних ресурсов картина стала меняться.

Критерием эффективности реформы целесообразно считать способность новой организационной системы превосходить предыдущую не только по темпам роста, но и по качеству развития, т.е. обеспечивать прогресс. Если последнее условие не выполняется, то результат реформы следует признать отрицательным: с точки зрения системного анализа речь идет о переходе к менее развитой системе, т.е. о деградации. С позиций последнего аграрные реформы конца 80-х – начала 90-х, проведенные на территории бывшего СССР, в большинстве случаев показали низкие результаты, т.е. основные параметры развития сельского хозяйства 90-х годов оказались ниже, чем в советский период. Этот результат хорошо виден на примере сельского хозяйства Кыргызской Республики, и особенно – на примере одного из важнейших секторов: зернопроизводящего. Причина в том, что, в отличие от некоторых других республик бывшего СССР (например, России, Белоруссии, Узбекистана и др.), реформа аграрного сектора в Кыргызстане приняла наиболее последовательный и долгосрочный характер (продолжается 30 лет, тогда как в других республиках в разные периоды в нее вносились коррективы). Поэтому данный пример наиболее поучителен.

¹ Основу данного положения составляла догма, согласно которой частные предприятия работают более эффективно, чем государственные, коллективные и проч. Сама по себе данная догма имеет, мягко говоря, относительный характер, а ее абсолютизация пагубна для развития сельского хозяйства, имеющего исторические корни и тем более прошедшего социалистическую организацию.

Задачей настоящего исследования является поиск ответа на вопрос: что дала аграрная реформа сельскому хозяйству Кыргызстана? Ответ на поставленный вопрос мы пытаемся дать на основе анализа статистических данных, а также наблюдений.

Теоретическая и методологическая основа / база исследования. Настоящее исследование базируется на достаточно разработанной теоретической и методологической базе, которая была сформирована с XVII по XX вв. в трудах выдающихся социологов и экономистов: Петти, Кенэ, Тюрго, Мальтуса, Маркса, Энгельса, Туган-Барановского, Ленина, Лёша и др. Большой теоретический и методологический материал содержат материалы органов Советской власти, а также съездов КПСС, в которых изложена история аграрных реформ в СССР. Кроме того, важным теоретическим и методологическим материалом выступают решения Правительства и Парламента Кыргызской Республики, принятые в начале 90-х и в 2000-е гг.² Теоретическую базу дополняют работы кыргызстанских исследователей постсоветского периода³. К сожалению, объем их небольшой, а в теоретико-методологическом плане они носят компилятивный

² Закон Республики Кыргызстан «О крестьянском хозяйстве» (В редакции Закона РК от 19 апреля 1991 года N 434-XII), (Введен в действие постановлением Верховного Совета Республики Кыргызстан от 2 февраля 1991 года N 363-XII) // "Ведомости Верховного Совета Республики Кыргызстан" 1991 год N 3, ст.114. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/861> (дата обращения: 12.12.2022); Закон Республики Кыргызстан от 20 декабря 1991 года № 683-XII «Об общих началах разгосударствления, приватизации и предпринимательства в Республике Кыргызстан». URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=254 (дата обращения: 12.12.2022); Закон о развитии сельского хозяйства Кыргызской Республики 10 апреля 2009 года // Принят Жогорку Кенешем Кыргызской Республики 10 апреля 2009 года. URL: http://cawater-info.net/library/rus/kyrg_razv-agro_2009.pdf (дата обращения: 12.12.2022); Стратегия развития сельского хозяйства Кыргызской Республики до 2020 года // Бишкек. 2012.

³ Абдымаликов К. Экономика Кыргызстана (на переходном этапе) // Бишкек: «Бийиктик». 2010; Акматалиев Т.А. Производство экологически чистых продуктов – один из приоритетов экономики Кыргызстана // Наука, новые технологии и инновации Кыргызстана. 2016. № 6. С. 102–114; Акматалиев Т.А. Укрупнение фермерских хозяйств Кыргызстана. URL: <http://inec.kg/tema-ukrupnenie-fermerskih-hozyajstv-kyrgyzstana/> (дата обращения: 21.01.23); Аташова А., Орозонова А.А. Социально-экономическое развитие Кыргызской Республики в современных условиях // Экономика. 2017. № 3. С. 123–130; Джаманкулов Б.С. Первоочередные задачи экономической политики Кыргызстана // Российское предпринимательство. 2019. № 1. DOI: 10.18334/rp.20.1.39708; Джаманкулов Б.С. Рудименты прежних подходов в экономической политике Кыргызстана // Экономические отношения. 2018. № 4. С. 675–689. DOI: 10.18334/eo.8.4.39559; Джумакова А.А. Тенденции и проблемы развития сельскохозяйственного сектора Кыргызской Республики. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tendentsii-i-problemy-razvitiya-selskohozyaystvennogo-sektora-kyrgyzskoy-respubliki> (дата обращения: 21.01.23); Зиновьева З.И. Экономическая история Кыргызстана: Лекции / Отв. ред. проф. Н.Х. Кумскова // Бишкек: КРСУ, 2007. – 93 с.; Исманов А. Экономическая эффективность использования ресурсов в сельском хозяйстве // Бишкек, 1993; Касымбеков Б.К., Раимжанов Б.М., Касымбекова Л.Б. Эффективность развития сферы услуг в сельском хозяйстве Кыргызской Республики: статистический анализ // Вопросы статистики. 2016. № 12. С. 53–58. URL: <https://voprstat.elpub.ru/jour/article/viewFile/421/416> (дата обращения: 25.01.23); Койчуев Т., Койчуева М. Введение в теорию постсоветского экономического реформирования / учебное пособие // Бишкек, 2007. – 266 с.; Кудабаяев З.И. Становление свободной экономики в Кыргызской Республике // Бишкек. 2004; Кумскова Н.Х. Модель рыночной экономики в Кыргызстане / КРСУ // Бишкек, 2001. – 87 с.; Мусабеков О. и др. Реформы и социально-экономическое развитие села // Бишкек. 1999; Оконова А.О., Орозонова А.А. Перспективы развития экспорта органической продукции в условиях интеграции // Экономические отношения. 2018. № 2.

и эклектичный характер. Можно лишь сожалеть о том, что оригинальному опыту хозяйственного строительства Кыргызстана не было уделено должное внимание со стороны российских, казахстанских и др. исследователей.

Определимся относительно базовых понятий настоящего исследования.

Реформа — преобразования в различных сферах общественной жизни (общества), направленные на разрешение объективных противоречий, мешающих развитию и обеспечивающие развитие общества и сферы, в которой проведена реформа.

Мнимые реформы — процесс имитации преобразований, направленный на создание видимости устранения конфликтогенных факторов и условий, путем «запугивания» и «задаивания» участников конфликта; раздача синекур. Мнимые реформы не разрешают противоречия, а имитируют разрешение, для чего используется набор особых инструментов и механизмов. Мнимые реформы — преобразования в сфере восприятия, но не бытия. В их основе лежит обман, иллюзия разрешения.

Эмпирическая база формулировки проблем и проверки выдвинутых положений.

Основу настоящего исследования составляет ситуация с аграрными реформами в Кыргызской Республике — субъекте международного права, бывшей республике СССР, государстве СНГ и государстве-участнике ЕврАзЭС. Эмпирическую базу настоящего исследования составляют данные (с 1991 по 2021 г., данными 2022 г.) официального органа государственной власти Республики Кыргызстан — Национального статистического комитета, опубликованные в открытой печати в виде сборников, справочников и размещенные на официальном сайте данного института. URL: <http://www.stat.kg/ru/statistics/selskoe-hozyajstvo/>. В качестве объекта исследования выступает бывший зерновой подкомплекс АПК Киргизской ССР. Последний, на наш взгляд, более объективно представляет проблему, чем многие другие подкомплексы, сектора и сегменты национального сельского хозяйства Кыргызстана.

С. 261–270. DOI: 10.18334/eo.8.2.38987; Орозонова А.А., Акматалиев Т.А., Сеиткожиева М.У. Перспективы развития сельского хозяйства Кыргызской Республики // Экономические отношения. 2019. Том 9. № 2. С. 833–854; URL: https://www.researchgate.net/publication/334717014_Perspektivy_razvitiya_selskogo_hozyajstva_Kyrgyzskoj_Respubliki (дата обращения: 19.01.23); Орозонова А.А., Аташова А. Социально-экономическое развитие Кыргызской Республики в условиях цифровизации // Экономические отношения. 2019. № 1. DOI: 10.18334/eo.9.1.39746; Осмонбетова Д.К. Особенности развития сельского хозяйства в Кыргызской Республике // Вестник КРСУ. 2010. Том 10. № 12. С.29–31. URL: <https://arch.kyrlibnet.kg/uploads/Osmonbetova%20D.K.pdf> (дата обращения: 21.01.23); Саматова Э.Э. Основные проблемы модернизации экономики АПК Кыргызстана // Вестник КазНУ. 2012. URL: <https://articlekz.com/article/8563> (дата обращения: 21.01.23); Турдиев Т.И. Об эколого-экономических последствиях введения частной собственности на землю // Вестник Ошского государственного университета. 2009. Специальный выпуск. С. 244–247; Турдиев Т.И. Угрозы для продовольственной безопасности Кыргызстана: эколого-экономический аспект. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ugrozy-dlya-prodovolstvennoy-bezopasnosti-kyrgyzstana-ekologo-ekonomicheskij-aspekt> (дата обращения: 21.01.23); Убайдуллаев М. Проблемы использования земельных ресурсов Кыргызстана // Общество и экономика. 2011. № 11–12. С. 200–204; Укибаева Г.К., Кочербаева А.А. Анализ современного состояния и перспективы развития сельского хозяйства Кыргызстана. URL: <https://research-journal.org/archive/12-54-2016-december/analiz-sovremennogo-sostoyaniya-i-perspektivy-razvitiya-selskogo-hozyajstva-kyrgyzstana> (дата обращения: 11.01.23).

Все расчеты проведены с использованием программы Excel. Верификация и интерпретация полученных результатов осуществлялась с помощью общепринятых научных критериев.

Результаты и обсуждения. Теоретические суждения. В начале 1990-х годов в Кыргызстане, как и в других республиках бывшего СССР, была проведена аграрная реформа. Причем в Кыргызстане, в отличие от некоторых (в т.ч. России) республик СССР, эта реформа была проведена наиболее последовательно; ее основой стала приватизация земли и введение частной собственности на землю, причем создание частных предприятий произошло за счет государственных и кооперативных (бывших колхозов). Механизмом аграрной реформы стала приватизация земли на основе паев. В результате реформы уже в 1993 г. в системе сельского хозяйства республики стали функционировать следующие типы хозяйствующих субъектов: государственные хозяйства (ГХ), коллективные хозяйства (КХ, в т.ч. акционерные общества), коллективно-крестьянские хозяйства (ККХ), сельскохозяйственные кооперативы (СХК), подсобные хозяйства государственных и коллективных организаций и предприятий (ПХГиКОП), крестьянские (фермерские) хозяйства (КФХ), личные подсобные хозяйства (ЛПХ). Собственно, по сравнению с советским периодом, для которого было характерно существование трех взаимосвязанных субъектов: государственных (совхозы), коллективных (колхозы) и ЛПХ, добавились крестьянские-фермерские хозяйства (КФХ). Специфика новой институциональной системы — а она, на наш взгляд, является главной особенностью преобразований, в отличие от советской, где аграрные институты не конкурировали между собой на рынке конечной продукции, а дополняли друг друга (даже ЛПХ существовали в системе советского сельского хозяйства, если не исключительно, то преимущественно по соседству с колхозом, у которого прямо или косвенно получали ресурсы), заключается в том, что уклады (а они представлены субъектами хозяйствования) конкурируют друг с другом за все, т.е. и за ресурсы, и за финансы, и за логистику, и за продукты.

Система, в которой действует конкурентный принцип, ведет к нуклеации, т.е. укрупнению субъектов путем поглощения мелких структур. В результате рождаются крупные структуры, которые продолжают конкурировать, т.е. поглощать. Но при этом (в условиях, запрещающих прямое насилие), поглощение, во-первых, обычно сопровождается усовершенствованиями в области технологии, техники и т.д. — всего того, что приводит к формированию так называемого сравнительного преимущества: слабый не выдерживает конкуренции не потому что он слаб, а потому что не стал сильнее, т.е. не провел технической, технологической и проч. модернизации своего производства. Во-вторых, конкуренция имеет предел поглощения или объединения; сам по себе механизм конкуренции запрещает монополизм, подразумевающий стагнацию; предел конкуренции — наличие минимум двух субъектов.

Аграрная реформа, в т.ч. в Кыргызстане, предполагала именно создание конкурентного сельского хозяйства, существующего в условиях рынка.

Как работали приведенные теоретические положения в аграрной сфере Кыргызстана последние тридцать лет? На этот вопрос попытаемся ответить с помощью статистических данных.

Эмпирические тенденции аграрной реформы Кыргызстана. Сельское хозяйство Кыргызской Республики, по меркам государства, небольшое. Валовая продукция сельского хозяйства Кыргызской Республики в 2021 г. составила 316843,6 млн сомов, что в переводе на доллары США по курсу составляет 3736,8 млн долл.⁴ Его доля в ВВП республики составляет почти 44%. Таким образом, можно констатировать, что ВВП Кыргызстана агроёмкий. Что касается зернового подкомплекса Кыргызстана, то он представлен в табл. 1.

Таблица 1

Динамика некоторых параметров зернового сектора сельского хозяйства Кыргызстана 1992–2020 гг.

Параметры/года	1992	1995	2000	2005	2010	2015	2020	2020 к 1992 гг. (в %)
Валовой сбор зерна (тыс. т)	1516,5	913,3	1568,7	1667,4	1583,8	1723,1	1856,0	122,4
Пшеница	634,4	625,0	1039,1	950,1	813,3	704,6	629,1	99,2
Ячмень	582,0	158,9	150,2	213,5	231,5	370,1	510,2	87,7
Кукуруза	280,7	116,1	338,3	437,3	440,9	641,9	714,1	254,4
Посевная площадь под зерновыми культурами (включая зернобобовые, рис и гречиху) (тыс. га) В т.ч.	576513	559633	677577	633049	625773	641980	647210	112,3
Пшеница	248451	363917	505731	425849	376668	297289	247545	99,6
Ячмень	263459	150698	88012	102226	125374	173933	219191	83,2
Кукуруза на зерно	54710	34971	65506	72604	73354	102349	105241	192,4
Урожайность зерновых – всего (ц/га) В т.ч.	26,5	18,1	26,4	26,3	25,3	29,7	32,3	122
Пшеница (в весе после доработки)	25,7	18,3	23,4	22,4	21,7	23,7	25,5	99,2

⁴ Если брать в сравнении с сельским хозяйством России, то валовая продукция сельского хозяйства Кыргызстана, по данным на 2020 г., составляла всего около 3,3% от российского. Нужно сказать, что в России найдется немало регионов, ВПСХ которых будет выше, чем ВПСХ Кыргызской Республики. Например, ВПСХ Краснодарского края превышает аналогичный показатель Кыргызстана более чем в два раза, Татарстана и Воронежской области почти в 1,3 раза, Ростовской области в 1,6 раза, а Белгородской области в 1,4 раза.

Ячмень (в весе после доработки)	22,2	13,0	21,4	21,0	18,9	21,3	23,5	106
Кукуруза на зерно	51,7	37,4	55,8	59,4	59,3	61,6	67,1	130
Число субъектов сельского хозяйства; всего				315153	332170	401350	462129	
Государственные хозяйства				106	64	38	31	
Коллективные хозяйства				1448	509	518	517	
в т.ч. акционерные общества				48	42	43	31	
коллективно-крестьянские хозяйства				160	93	115	108	
сельскохозяйственные кооперативы				1240	374	360	378	
подсобные хозяйства государственных и коллективных организаций и предприятий				538	538	538		
крестьянские (фермерские) хозяйства				313061	331059	400794	349159	
индивидуальные предприниматели							112422	

Источник: таблица составлена на основании данных Национального статистического комитета Республики Кыргызстан: Кыргызстан цифраларда (Кыргызстан в цифрах) //Статистикалык жыйнак Статистический сборник. Сельское хозяйство // Национальный комитет статистики Кыргызской Республики и др. URL: <http://www.stat.kg/ru/statistics/selskoe-hozyajstvo/> за соответствующие годы.

Наблюдение за динамикой основных параметров зернового сектора сельского хозяйства Кыргызской Республики позволяет выделить ряд особенностей и тенденций.

Первая — низкий темп роста валовых сборов зерновых культур в целом и отдельных их видов. В 1990 г. в Советском Социалистическом Кыргызстане было произведено 1503,2 тыс. тонн зерна. В среднем за постсоветский период (1992—2021 гг.) валовой сбор зерна составил 1570 тыс. т., что оказалось выше, чем

в 1990 г. лишь почти на 5%. Причем прирост пшеницы составил 170%, ячменя только 47%, а кукурузы — 109%.

Вторая — изменение видовой структуры зерновых культур. Так если в 1990 г. соотношение между основными видами — пшеница, ячмень, кукуруза, — составляло, соответственно, 32, 39 и 27, то за постсоветский период она составила: 52, 18 и 28. Таким образом, происходит смещение в пользу производства пшеницы за счет ячменя.

Третья — падение урожайности зерновых культур. Если в 1990 г. средняя урожайность по зерну составляла почти 29 ц/га, в т.ч. пшеница — 25,5, ячмень — 23,2 и кукуруза 62,5 ц/га, то в постсоветский период, соответственно, 26,2, 22,4, 19,7 и 56,7 ц/га, т.е. если в целом по зерновым культурам урожайность снизилась почти на 10%, то урожайность пшеницы — на 12%, ячменя — на 15%, кукурузы — на 9%. Правда, следует указать на неравномерность динамики данного параметра за весь постсоветский период (1992–2021 гг.). Самые низкие показатели урожайности зерновых культур в республике наблюдались в 1994 и 1995 г., когда в целом она упала до 17,8–18,1 ц/га, в т.ч. по пшенице до 17,6–18,3 ц/га, по ячменю, соответственно, до 14,9–13,0 ц/га, а по кукурузе до 35,9–37,4 ц/га. Затем динамика улучшилась, хотя рост был неустойчивым. С 2015 г. наблюдался рост урожайности зерновых культур, который достиг своего пика в 2020 г., составив 32,3 ц/га (в т.ч. по пшенице — 25,5, по ячменю — 23,5, по кукурузе — 64,3). Между урожайностью и валовыми сборами в целом наблюдается высокая корреляция +0,912. Однако внутри зерновых культур она неоднородна: по пшенице +0,544, по ячменю +0,385, а по кукурузе +0,928. Таким образом, наибольшее влияние на среднюю урожайность зерновых культур оказывала кукуруза. Другая особенность урожайности — заметные вариации, во-первых, по укладам, во-вторых, по территориям республики. Что касается укладов, то наивысшая урожайность зерновых культур наблюдается в государственных хозяйствах (в среднем за период 2006–2022 гг. она составляла 26 ц/га), коллективных хозяйствах (24 ц/га), КФХ (30 ц/га), ЛПХ (свыше 36 ц/га). Среди территорий наивысшая урожайность зерновых культур была получена в Джалал-Абадской области (свыше 44 ц/га), Таласской (37 ц/га), Ошской (34 ц/га). Причина высокой урожайности заключается в структуре зерновых культур. В указанных областях высок удельный вес посевов кукурузы на зерно, тогда как в той же Иссык-Кульской (средняя урожайность 23 ц/га) кукурузы на зерно не высевалось.

Четвертая — изменение структуры посевных площадей. Доля посевных площадей пшеницы в общей посевной площади зерновых культур в 1990 г. составляла 36%, ячменя — 50%, кукурузы на зерно — 12%. В среднем же за период 1992–2020 гг. она представляла, соответственно: пшеница — 59%, ячмень — 23% и кукуруза на зерно — 12%. Таким образом, как и в случае со второй тенденцией — изменения в структуре посевных площадей произошли в пользу пшеницы за счет ячменя.

Динамика и структура посевных площадей за постсоветский период демонстрирует, во-первых, что с 1991 г. по 2021 г. посевная площадь зерновых культур изменилась: в среднем выросла на 116,6%, в т.ч. по пшенице — на 120,7%, по кукурузе — на 172,6%, а по ячменю снизилась до 81,9%. Впрочем, внутри периода имеет место значительная вариация. Во-вторых, доминирующими собственниками земли до 1993 г. выступают государственные и коллективные хозяйства, на долю которых приходится почти 90% всех посевных площадей зерновых культур, которые делят между собой примерно поровну общую площадь. Однако уже в 1995 г. доля государственных предприятий снижается до 25% в посевной площади зерновых культур, а уже в 2004 г. оказывается чуть более 1%. Годом ранее происходит снижение до 10% доли коллективных хозяйств. Соответственно, наблюдается рост КФХ; в 2000 г. они преодолевают 50%-й рубеж и далее начинается их «триумфальное шествие», достигнув в 2021 г. 91,4% общей посевной площади зерновых культур. Кстати, корреляция между валовыми сборами зерновых и посевной площадью за период 1992–2021 гг. составила +0,536 (в т.ч. по пшенице — 0,904, ячменю — 0,872, кукурузе — 0,996), а в государственных хозяйствах, соответственно, +0,981, коллективных, +0,949, КФХ +0,988.

Неравномерное распределение земельных ресурсов между различными укладами негативно сказывается как на валовых сборах, так и на урожайности зерновых культур. Для примера были взяты посевные площади между тремя укладами: госхозы, коллективные хозяйства (различного типа) и КФХ. Наибольший размер посевных площадей на одно хозяйство имеют госхозы. В 2006 г. на одно государственное хозяйство приходилось 63,6 га посевных площадей, а в 2021 г. — 106,1 га, т.е. прирост составил 167%. Следует учесть, что за этот период посевная площадь госхозов увеличилась на 103%, но число госхозов сократилось на $\frac{2}{3}$. Пик посевных площадей на один госхоз пришелся на 2007 и 2008 г., когда он составил 123,5 га на одно хозяйство. Посевная площадь, которой располагает один госхоз, за период 2006–2021 гг. в среднем превышает размер посевной площади, которой располагает один кооператив более чем в 3,0 раза, а аналогичный параметр КФХ — почти в 55 раз. И если в среднем на один госхоз приходится 88,9 га, а на коллективное хозяйство — 3,2 га, то на КФХ — только 1,6 га. КФХ, как наиболее распространенный вид хозяйств, располагает площадью в 1,6 га. Причем в 2006 г. эта площадь составляла 1,7 га, а в 2016 г. упала до 1,3 га. Последующий рост связан, как уже замечено, с сугубо статистической операцией — переводом почти 90 тыс. КФХ в ИП. Поэтому правильно будет принять размер посевной площади, приходящий на одно КФХ, в 1,3 га. Таким образом, по основному ресурсу — земле — преимущество имеют госхозы. Что же касается ресурса КФХ (в т.ч. ИП), то он оказывается почти в 55 раз ниже, чем у госхозов.

В дополнение к изменению структуры посевных площадей следует указать на пространственную особенность зернового сектора сельского хозяйства

Кыргызстана, для которого характерным является то, что доминирующей в валовых сборах зерна выступает Чуйская область (свыше 40%), затем идут Ошская (около 20%), Джалал-Абадская (более 15%), Иссык-Кульская (более 12%), Таласская и Нарынская (более 3%) и Баткенская (более 1%). Таким образом, основным поставщиком зерновых культур сегодня, как и исторически, выступает Чуйская область.

Пятая — изменения институциональной структуры сельского хозяйства. В отличие от советского периода, где основными субъектами хозяйствования в сельском хозяйстве Киргизской ССР выступали: государственные хозяйства (совхозы, на долю которых приходилось 55,3% посевных площадей под зерновыми культурами), коллективные хозяйства (колхозы с долей в общей посевной площади зерновых культур 42,8%) и личные подсобные хозяйства граждан (ЛПХ с долей в 2,0%), в постсоветский период меняется структура субъектов хозяйствования, среди которых: государственные хозяйства (ГХ), коллективные хозяйства (КХ) (в т.ч. акционерные общества АО), коллективно-крестьянские хозяйства (ККХ), сельскохозяйственные кооперативы (СК), подсобные хозяйства государственных и коллективных организаций и предприятий (ПХГиКОП), крестьянские (фермерские) хозяйства (КФХ) и индивидуальные предприниматели (ИП). Если в среднем за период 2005–2020 гг. число хозяйствующих субъектов в сельском хозяйстве Кыргызстана составляло 377,7 тыс. единиц, то госхозов — 60, коллективных хозяйств — 478 (в т.ч. акционерных обществ — 41), коллективно-крестьянских хозяйств — 119, сельских кооперативов — 588, подсобных хозяйств государственных и коллективных организаций и предприятий — 538, крестьянских (фермерских) хозяйств — 348,5 тыс. и индивидуальных предпринимателей — 112,4 тыс. единиц.

Институциональная структура, на наш взгляд, является важнейшим признаком современного сельского хозяйства Кыргызстана, а потому заслуживает того, чтобы остановиться на ней более подробно.

В советский период, а также до 1993 г., основная масса валового сбора зерна собиралась в государственных и коллективных хозяйствах (причем примерно поровну), но, начиная с 1994 г., доля государственных хозяйств резко (более чем в два раза) снижается, коллективные хозяйства еще выступают в роли основного производителя зерна, но уже заявили о себе крестьянские (фермерские) хозяйства, доля которых начинает расти; в 1996 г. КФХ в совокупности с ЛПХ превосходили государственные коллективные хозяйства. Следует заметить, что с 1996 г. доля государственных хозяйств снизилась до 6%, в 2003 г. упала до 1,3%, а в 2009 г. опустилась до 0,5%. Собственно, с начала 2000-х гг. можно говорить об отсутствии государственных хозяйств в зерновом подкомплексе республики. Зато наращивается участие КФХ и ЛПХ. В 2000 г. КФХ и ЛПХ суммарно превосходили государственные и коллективные хозяйства почти в три раза, а с 2005 г. на их долю приходится свыше 90% валового сбора зерна. Таким

образом, уже в конце 90-х годов произошла структурная перестройка зернового подкомплекса республики, в котором доминирующим укладом стали частные предприятия.

Количество и доля различных субъектов в общей численности меняется по годам. Так если в 2006 г. общая численность составляла 315153 единицы, из которых 313061 единица (или 99,3% от общей численности) приходилась на крестьянские (фермерские) хозяйства, то в 2020 г. общая численность субъектов хозяйствования в сельском хозяйстве выросла до 462129 единиц (или на 145,6%), число КФХ выросло на 111,5%, достигнув 354654 единиц, но при этом их доля в общей численности субъектов хозяйствования составила в 2020 г. только 75,8%, т.е. снизилась почти на четверть. Причина такого события, на наш взгляд, носит искусственный характер и возникла в 2017 г., когда в статистическом учете появились индивидуальные предприниматели (ИП). В 2017 г. резко снизилось число КФХ (по сравнению с 2016 г., общее число КФХ сократилось на 91674 единицы, а число ИП составило 105485 единиц. Полагаем, что ранее числившиеся КФХ были переведены в ИП, к которым добавились ЛПХ, т.к. число других субъектов в 2017 г. не претерпело значительных изменений. Таким образом, если элиминировать эту искусственную, с нашей точки зрения, операцию, то доля КФХ и в 2020 г. оставалась количественно доминирующей среди субъектов сельского хозяйства. Максимальное число КФХ функционировало в сельском хозяйстве Кыргызстана в 2016 г. — 414919 единиц. Их прирост по сравнению с 2006 г. составил свыше 132%, или почти 102 тыс. единиц. На втором месте находятся коллективные хозяйства, численность которых в 2020 г. составляла 517 единиц, или чуть более 0,1% от общего числа субъектов хозяйствования. Следует заметить, что в 2006 г. общее число коллективных хозяйств составляло почти 1,5 тыс. единиц, или около 0,5% от общей численности субъектов сельского хозяйства. За 15 лет их количество снизилось почти в три раза. Динамика 2006–2021 гг. указывает на то, что наиболее масштабное снижение числа коллективных хозяйств в сельском хозяйстве Кыргызстана произошло в 2010 г., когда оно составило чуть более 0,5 тыс. С 2010 по 2021 г. наблюдаются периодические колебания в количестве данных субъектов, но при этом рост и снижение не превышают 50 единиц. В числе коллективных хозяйств действуют акционерные общества, количество которых варьирует от 48 единиц (2006 г.) до 31 (2020 г.). Следующий по численности субъект — сельскохозяйственные кооперативы. Их число сократилось за период 2006–2020 гг. более чем на $\frac{2}{3}$ и составляет на 2020 г. 378 единиц, тогда как в 2006 г. их было 1240 единиц. Их динамика в основных чертах повторяет динамику коллективных хозяйств, т.е. те же маркеры снижения и роста, с одной разницей — более высокие амплитуды колебаний. Следующим по доле субъектом выступают подсобные хозяйства государственных и коллективных организаций и предприятий. Имеющиеся данные (2006–2016 гг.) указывают на то, что это самый стабильный по

своей численности субъект сельского хозяйства; до 2015 г. их число было стабильным и составляло 538 единиц. В 2016 г. оно снизилось на 24 единицы и составило 514 единиц. Интересный, но незначительный по численности субъект, — коллективно-крестьянские хозяйства, которые формируются из крестьянских хозяйств, кооперирующихся на разных основаниях (по территориальному, этническому, соседскому, родственному и др. принципам). В 2006 г. число таких хозяйств составляло 160 единиц, а в 2020 г. — 108 единиц, т.е. за 15 лет их число сократилось на 52 единицы. Однако с точки зрения устойчивости данного уклада в сельском хозяйстве Кыргызстана поспешный вывод будет обманчивым. Дело в том, что, во-первых, до 2010 г. наблюдалось сокращение числа субъектов данного типа (с 160 до 86, т.е. почти в два раза), а затем до 2015 г. происходит увеличение до 115 единиц. Но эта тенденция нарушается в 2016 г. и формируется новая — циклическая с более коротким циклом роста и снижения. Наконец, последний субъект — государственные хозяйства. Общее число государственных хозяйств в сельском хозяйстве Кыргызстана, как и других субъектов, было нестабильно. За период 2006–2021 гг. их число сократилось с 106 до 34 единиц, т.е. все на те же $\frac{2}{3}$. Но при этом в их динамике наблюдаются несколько иные, чем у других субъектов, тенденции. Во-первых, с 2006 по 2018 г. имела место тенденция снижения, т.е. число госхозяйств ежегодно сокращалось, хотя и с разными темпами, достигнув минимума — 26 единиц — в 2018 г. Во-вторых, с 2019 г. появилась новая тенденция: рост числа госхозяйств; в 2019 г. их число выросло на 5 единиц и оставалось стабильным также и в 2020 г., а в 2021 г. оно увеличилось еще на 3 единицы, и на 2021 г. составляет 34 единицы.

По-видимому, перечисленные выше тенденции в совокупности создали еще две тенденции. Первая — растущую динамику цен на зерно. Так если в 2017 г. цена одной тонны зерна составляла 19476 сомов, то 2021 г. она выросла до 30203 сомов. Но при этом следует иметь в виду, что индекс цен производителей на зерно сильно варьировался. Согласно данным НСК Кыргызстана, в 2017 г. его рост к предыдущему году составлял 102,4%; в 2018 г. к 2017 г. — уже 101,2%; в 2019 г. по сравнению с предыдущим вырос на 120,9%, но затем в 2020 г. снизился до 78,1%, после чего продемонстрировал рост до 135,5%. Более-менее равномерно цены росли в период между 2010–2016 гг., когда они выросли на 115%. При этом следует заметить, что цены на зерно росли самыми высокими темпами по сравнению с ценами на другую сельхозпродукцию; за пять последних лет (2017–2021 гг.) цена на зерно выросла на 155%. Можно сказать, что это был один из самых высоких приростов (180%, седьмой по значимости). Корреляция между валовым сбором зерна и ценами на зерно за последние пять лет составляла $-0,658$, тогда как в 2006–2010 гг. $+0,129$; 2011–2016 гг. — $0,436$. Таким образом, между ценами и валовыми сборами зерна наблюдается обратная связь. Но при этом в 2021 г. цена на зерно выросла по сравнению с 2010 г. почти в 2,6 раза.

Вторая тенденция: имеет место нетто-импорт зерна, среди которого доминирующим видом выступает пшеница. Причем, если в 1992 г. объем импорта

пшеницы составлял чуть более 16,5 млн сомов, то в 2021 г. — более 4,5 млрд сомов, т.е. за тридцать лет объем импорта пшеницы вырос в 276 раз, а кукурузы — в 16 раз. Правда, почти в 1,5 раза вырос импорт пшеничной муки. При этом и в динамике импорта зерна и муки наблюдается неравномерность. В 2000 г. впервые был преодолен 1,5-миллиардный рубеж, но затем до 2006 г. объем импорта пшеницы падал, и только в 2006 г. вновь было импортировано зерна на более чем 1,0 млрд сомов. В 2007–2008 гг. импорт пшеницы рос более чем на 1,0 млрд в год, после чего два года снижался, затем снова рос, и в 2014 г. достиг уровня почти 5,5 млрд сомов. Затем — снижение в 2015 г. и новый рост в 2016 г. Правда, несмотря на солидную сумму (более 5,0 млрд) объем импорта пшеницы не достигает уровня 2014 г., который был рекордным. Но при этом с 2016 г. по 2021 г. наблюдается тенденция снижения объема импорта пшеницы, прерванная в 2021 г. Что касается пшеничной муки, то ее импорт коррелирован с импортом пшеницы +0,774, т.е. достаточно сильно и положительно, причем темпы роста импорта муки были кратно выше темпов роста импорта пшеницы. Но что характерно: до 2000 г. между двумя кривыми наблюдается асинхронность (т.е. когда растет объем импорта пшеницы, тогда падает объем импорта муки), но после 2000 г. и до 2011 г. происходит синхронизация динамики импорта обоих продуктов (правда, у импорта муки амплитуда выше, порой — на порядок), а в период 2012–2015 гг. вновь заработала асинхронность, которая в период 2016–2020 гг. превращается в свою противоположность. Новая динамика начинает формироваться в 2021 г. — происходит рост импорта муки и снижение импорта пшеницы. Примечательно, что импорт пшеницы и импорт муки коррелировали с валовым сбором пшеницы и зерновых культур одинаково — 0,555, т.е. отрицательно, но заметно. Что касается корреляции импорта пшеницы и муки с ценами на пшеницу, то здесь корреляция на интервале 1992–2006 гг. оказалась положительной, но внутренние цены на пшеницу коррелировали с импортом пшеницы сильнее (+0,733), чем с мукой (+0,632).

Выводы. За 30 лет после начала аграрной реформы и, собственно, с момента перехода Кыргызстана на новую постсоветскую модель, валовая продукция сельского хозяйства (ВПСХ) выросла с 44,5 млн руб. (ВПСХ Кыргызской ССР в 1991 г.) до 249,5 млрд сомов (ВПСХ Кыргызстана в 2020 г.), т.е. в 5,6 тыс. раз.⁵ Примечательно, что, например, в России объем ВПСХ за этот же период вырос почти в 25 тыс. раз, т.е. темпы роста были почти в пять раз выше, чем в Кыргызстане.

Но вот что интересно: если в 1991 г. соотношение между ВПСХ Кыргызской ССР и РСФСР составляло 1 к 6, то в 2020 г. — 1 к 26. Из чего можно сделать вывод о том, что сельское хозяйство Кыргызстана отстает по темпам развития от сельского хозяйства России в 4 раза. Причина такой отсталости, на наш взгляд,

⁵ Курс национальной валюты Кыргызстана (сом), а также соотношение с национальными валютами других государств (в т.ч. России) рассчитан на основании данных Кыргызстан Цифраларда (Кыргызстан в цифрах) // Статистикалык жыйнак Статистический сборник. URL: <http://www.stat.kg/ru/statistics/selskoe-hozyajstvo/> за соответствующие годы.

кроется в моделях функционирования национального сельского хозяйства. Если в Кыргызстане на протяжении 30 лет действует модель мелкокрестьянских хозяйств (называемых крестьянско-фермерскими, КФХ), с небольшим вкраплением тоже небольших государственных хозяйств и сельскохозяйственных кооперативов при весьма скромном государственном участии, то Россия за двадцать лет отстроила модель на основе крупных агрохолдингов, с которыми интегрированы крупные и средние крестьянско-фермерские хозяйства, и все это – при мощной государственной поддержке и государственном регулировании⁶.

Еще не так давно аграрные реформы в Кыргызстане удостоивались похвал как образцовые, достойные подражания на всем постсоветском пространстве, и высоко оценивались международными организациями, в т.ч. такими авторитетными, как Всемирный банк (World Bank). И действительно, аграрная реформа была проведена в Кыргызстане по хорошо опробованным рецептам, выработанным для развивающихся стран на основе Вашингтонского консенсуса, включая приватизацию земельных угодий и др. меры⁷, но сейчас стало очевидным то, о чем раньше можно было только догадываться: выбор модели оказался ошибочным, и задуманного подъема сельского хозяйства в Кыргызстане не произошло. Несмотря на то что десятки и сотни тысячи селян получили землю, конкурентоспособность сельского хозяйства страны в настоящее время невысока и продолжает падать.

Что касается зернового сектора (мы намеренно говорим о секторе, а не о подкомплексе, т.к. видим между ними принципиальные различия, о чем сказано в ряде работ, в т.ч. авторских)⁸ сельского хозяйства, то в Кыргызстане производством зерна занимаются все те же мелкие крестьянские (фермерские) хозяйства, госхозы, сельскохозяйственные кооперативы и коллективные хозяйства крестьян.

⁶«В свое время казалось, – заметил В.В. Путин в Послании Президента РФ Федеральному Собранию от 2016 г., что проблемы в сельском хозяйстве будут существовать чуть ли не вечно. Мы знаем, как об этом говорили и как обижались на это наши сельхозпроизводители, когда говорили о сельском хозяйстве как о некой черной дыре, куда сколько денег ни давай, все равно результата никакого нет. Нет, оказывается, совсем можно все по-другому выстроить. Мы нашли выверенные решения, приняли госпрограмму, создали гибкую систему поддержки сельхозпроизводителей, и сегодня АПК – это успешная отрасль, которая кормит страну и завоевывает международные рынки». // Послание Президента Российской Федерации от 01.12.2016 г. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41550/page/3>

⁷ *Williamson J. What Washington Means by Policy Reform / Latin American Adjustment. How Much Has Happened? Ed. by Williamson J. Wash., 1990. (URL: <http://www.iie.com/publications/papers/print.cfm?researchid=486&doc=pub>); Williamson J. The Washington Consensus Revisited / Economic and Social Development in the XXI Century. Ed. by L. Emmerij // Wash., 1997. P. 50. Marangos John. The Evolution of the Term 'Washington Consensus' // Journal of Economic Surveys. 2009. V. 23. № 2; Marangos John. What Happened to the Washington Consensus? The evolution of international development policy // The Journal of Socio-Economics. 2009. V. 38. № 1.*

⁸ *Рахаев Х.М., Энеева М.Н. Перспективы нового воспроизводственного контура роста в сельском хозяйстве // Известия КБГАУ. 2018. №1 (19); Рахаев Х.М., Энеева М.Н. Состояние пространственного развития сельского хозяйства и формирование агропродовольственного кластера России (проблемы теории, практики и методологии) // Raleigh, North Carolina, USA: Open Science Publishing, 2018. – 232 с.; Алтухов А., Сергунина Е. Зерновая экспортная политика России // Международный сельскохозяйственный журнал. 2007. № 6. С. 19–21; Папцов А., Быков Г., Осипов А. Транснациональные компании в зерновом хозяйстве России // Экономика сельского хозяйства России. 2015. № 9. С. 39–44.*

За 30 лет с помощью этой модели производство зерна в Кыргызстане выросло лишь на 114,3%, а например, в России почти на 150%. Но при этом, если в 1991 г. соотношение в производстве зерна между Киргизской ССР и РСФСР составляло 1 к 64, а в 2000 г. упало до 1 к 44, то в 2020 г. уже составило 1 к 83. При этом в России можно насчитать с полдюжины регионов из так называемого «зернового клина», в которых зерна производится больше, чем в целом в Кыргызстане. Но главное даже не последнее, а то, что с 2000 г. российские регионы наращивали темпы производства зерна, тогда как сельское хозяйство Кыргызстана, по сути, топталось на месте. Заметим, что рост зернового производства в России достигался не благоприятными климатическими и погодными условиями (которые, безусловно, также имели место, как и в Кыргызстане), а внедрением новой модели развития зернового подкомплекса, основные черты которого описаны нами выше. Более того, в связи с климатическими и погодными условиями следует принять во внимание, что посевные площади зерновых культур Кыргызстана расположены в более благоприятных климатических условиях, чем, например, Белгородской, Курской или Орловской областей, которые находятся севернее. Что касается водных ресурсов, то у Кыргызстана они даже предпочтительнее, чем во многих регионах зернового клина России. Рельеф, ландшафт местности, например, у той же Кабардино-Балкарской Республики или Северной Осетии-Алании не менее сложный (гористый), чем у Кыргызстана, но у первых урожайность зерновых выросла с 2000 по 2020 г., соответственно, в 2 и 3 раза, а в Кыргызстане только в 1,2 раза. Следует также заметить, что средняя урожайность зерновых культур в Кыргызстане в 2020 г. была выше, чем в России: 32,3 ц/га, против 28,6 ц/га, т.е. почти на 113%. Впрочем, если в целом по России урожайность зерновых с 2000 по 2020 г. выросла с 15,5 до 28,6 ц/га, т.е. более чем в 1,8 раза, то в Кыргызстане, как отмечено выше, только в 1,2 раза.

В Кыргызстане урожайность зерновых культур носит явно выраженный циклический характер, который, на наш взгляд, указывает в первую очередь на низкий технологический (в т.ч. биологический) уровень зернового сектора и сильную зависимость от благоприятных погодных и иных факторов. В России цикличность также имеет место, но, во-первых, она не носит столь явно выраженного характера и, во-вторых, имеет меньшую временную протяженность.

В Кыргызстане наблюдается высокий и возрастающий объем импорта зерна и муки, что, на наш взгляд, указывает на неспособность национального зернового сектора обеспечивать в нужном объеме свой рынок (внутреннего потребителя) мучной продукцией и усиливает зависимость от внешних поставок. В среднем за период 2012–2020 гг. Кыргызстан импортировал более чем 500 тысяч тонн зерна (включая муку в пересчете на зерно); доля импорта зерна там составляет 76% к производству собственной пшеницы. Например, в 2019 г. объем импорта пшеницы и пшеничной муки в пересчете на зерно составил 1114,4 тыс. тонн, а собственное производство – только 601,2 тыс. тонн, т.е. импорт пшеницы превосходил ее производство в 1,85 раза. Основным контрагентом

Кыргызстана по данной группе товаров является Казахстан (без учета хлебопродуктов, которые импортирует из Белоруссии, Украины, России и др. государств).

Небольшие участки посевных площадей, которыми располагают основные субъекты хозяйствования – крестьянские (фермерские) хозяйства – составляют в среднем 1,6 га и не позволяют осуществлять своевременное и полное восстановление плодородия почв, что приводит к увеличению рисков и объемов эрозии почв и к общему снижению их плодородия. Малые размеры участков также не позволяют эффективно вести севооборот, выделять пары, своевременно вносить необходимые удобрения и проводить другие агробиологические мероприятия, способствующие повышению плодородия почв. Напротив, они ведут к ускоренному истощению почв, даже не по вине собственников, а в силу объективных хозяйственных и технологических особенностей.

Каков выход в этой ситуации? Среди множества вариантов укажем два. Один – дальнейшая стагнация зернового и смежных с ним секторов сельского хозяйства, которая будет сопровождаться растущей эрозией почвы, деградацией технологии, техники, рабочей силы и т.д. В таком состоянии зерновой сектор, возможно, просуществует еще четверть века (ориентировочно до 2050 г.). После чего будет реализован второй вариант – организация крупного капиталистического хозяйства. У второго варианта есть несколько направлений, или подвариантов, которые могут быть реализованы раньше. Одно связано с национализацией земли и формированием крупных национальных агрофирм; подтип тех, которые функционируют во всем мире и у нас в России. Конечно, дефицит средств у государства ограничивает возможности данного подварианта (впрочем, средства для этой цели могут быть изъяты в той же добывающей отрасли). Другой подвариант связан с формированием все тех же крупных агрофирм, но уже путем свободного рыночного поглощения мелких – более крупными и, в результате, созданием нескольких крупных зерновых агрофирм в каждой области; при этом следовало бы сохранить и существующие КФХ, СК, КК, ИП и др. субъекты, тем более что для крупных агрофирм последние необходимы. То есть на практике воплотить модель, в которой органически сосуществуют (и конкурируют) крупные агрофирмы, мелкие и средние крестьянские хозяйства (от КФХ, КК до ИП) и государство, осуществляющие регулирование и поддержку. Именно это было сделано в России.

Значит, необходимо срочно и радикально менять земельные отношения – переходить от мелких подворий к крупным сельскохозяйственным предприятиям, располагающим большими земельными угодьями, и поддерживать организации всех типов собственности. На эту основу можно и нужно столь же срочно наращивать технические и технологические новшества. Готовить соответствующую рабочую силу, при необходимости дополняя ее привозной (мигрантами).

Таким образом, единственный путь развития – это переход к государственному капитализму (приведенные выводы разделяет ряд кыргызстанских авторов: К. Абдымаликова, Т. Акматалиева, А. Аташовой, А. Орозоновой, Б. Джаманкулова, А. Джумаковой, Б. Касымбекова, Б. Раимжанова, Л. Касымбековой, Т. Койчуева, М. Койчуевой, А. Орозоновой, Т. Акматалиева, М. Сеиткожиевой, Д. Осмонбетовой, М. Убайдуллаева, Г. Укибаевой, А. Кочербаевой и др., работы которых указаны ниже в списке литературы).

* * *

Как мы видели на примере Кыргызстана, справедливыми остаются следующие положения:

– наличие земли и рабочих рук – необходимое, но отнюдь не достаточное условие для развитого конкурентного сельского хозяйства;

– частные предприниматели в виде КФХ, ИП, а также сельскохозяйственные кооперативы могут лишь обеспечить занятость местного населения в пределах сельских территорий, но обеспечить продовольственную безопасность страны и создать самодостаточное конкурентное сельское хозяйство они не в состоянии;

– значение сельского хозяйства страны определяется не столько его долей в ВВП и др. макроэкономических параметрах, сколько его взаимосвязью с другими отраслями и степенью его интеграции в национальную экономику;

– основная проблема сельского хозяйства, в котором доминируют мелкие частные крестьянские хозяйства – невозможность перевода примитивного сельскохозяйственного производства на индустриальный инновационный путь развития, без которого невозможно функционирование конкурентоспособного сельского хозяйства;

– в стране, где доминируют мелкие частные сельхозпроизводители, возможен единственный путь к созданию конкурентного сельского хозяйства: создание крупных современных вертикально-интегрированных организаций (агрохолдингов), либо за счет принудительной национализации земли мелких собственников и образования на этой основе крупных государственных или частнокапиталистических хозяйств при активном участии в последних государства, либо разорение и поглощение мелких хозяйств через рынок и конкуренцию крупными (национальными или транснациональными) агрохолдингами;

– в настоящее время важнейшим условием формирования конкурентоспособного национального сельского хозяйства является государственная поддержка и государственное регулирование; государство прямо (предоставляя материально-техническую и технологическую помощь, осуществляя вливание инвестиций, создавая совместные предприятия, торговые интервенции и т.п.) и косвенно (регулируя налоговые и кредитные ставки, таможенные тарифы,

формируя логистические и коммуникационные сети, разрабатывая нормативно-правовую базу) должно участвовать в функционировании национального сельского хозяйства.

Литература

1. *Marangos J.* What Happened to the Washington Consensus? The evolution of international development policy // *The Journal of Socio-Economics*. 2009. V. 38. № 1.
2. *Marangos J.* The Evolution of the Term 'Washington Consensus' // *Journal of Economic Surveys*. 2009. V. 23. № 2.
3. *Williamson J.* The Washington Consensus Revisited // *Economic and Social Development in the XXI Century*. Ed. by L. Emmerij. Wash., 1997. P. 50.
4. *Williamson J.* What Washington Means by Policy Reform / *Latin American Adjustment. How Much Has Happened?* Ed. by Williamson J. Wash., 1990. (URL: <http://www.iie.com/publications/papers/print.cfm?researchid=486&doc=pub>).
5. *Абдымаликов К.* Экономика Кыргызстана (на переходном этапе) // Бишкек: «Бийиктик». 2010.
6. *Акматалиев Т.А.* Производство экологически чистых продуктов — один из приоритетов экономики Кыргызстана // *Наука, новые технологии и инновации Кыргызстана*. 2016. № 6. С. 102–114.
7. *Акматалиев Т.А.* Укрупнение фермерских хозяйств Кыргызстана. URL: <http://inec.kg/tema-ukрупnenie-fermerskih-hozyajstv-kyrgyzstana/> (дата обращения: 21.01.23).
8. *Алтухов А., Сергунина Е.* Зерновая экспортная политика России // *Международный сельскохозяйственный журнал*. 2007. № 6. С. 19–21.
9. *Аташова А., Орозонова А.А.* Социально-экономическое развитие Кыргызской Республики в современных условиях // *Экономика*. 2017. № 3. С. 123–130.
10. *Джаманкулов Б.С.* Первоочередные задачи экономической политики Кыргызстана // *Российское предпринимательство*. 2019. № 1. DOI: 10.18334/гр.20.1.39708.
11. *Джаманкулов Б.С.* Рудименты прежних подходов в экономической политике Кыргызстана // *Экономические отношения*. 2018. № 4. С. 675–689. DOI: 10.18334/ео.8.4.39559.
12. *Джумакова А.А.* Тенденции и проблемы развития сельскохозяйственного сектора Кыргызской Республики. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tendentsii-i-problemy-razvitiya-selskohozyaystvennogo-sektora-kyrgyzskoy-respubliki> (дата обращения: 21.01.23).
13. *Зиновьева З.И.* Экономическая история Кыргызстана: Лекции / Отв. ред. проф. Н.Х. Кумскова // Бишкек: КРСУ. 2007. — 93 с.
14. *Исманов А.* Экономическая эффективность использования ресурсов в сельском хозяйстве // Бишкек. 1993.
15. *Касымбеков Б.К., Раимжанов Б.М., Касымбекова Л.Б.* Эффективность развития сферы услуг в сельском хозяйстве Киргизской Республики: статистический анализ // *Вопросы статистики*. 2016. №12. С.53–58. URL: <https://voprstat.elpub.ru/jour/article/viewFile/421/416> (дата обращения: 25.01.23).
16. *Койчугев Т., Койчуева М.* Введение в теорию постсоветского экономического реформирования / учебное пособие // Бишкек. 2007. — 266 с.
17. *Кудабаяев З.И.* Становление свободной экономики в Кыргызской Республике // Бишкек. 2004.
18. *Кумскова Н.Х.* Модель рыночной экономики в Кыргызстане / КРСУ // Бишкек. 2001. — 87 с.
19. *Мусабеков О. и др.* Реформы и социально-экономическое развитие села // Бишкек. 1999.

20. *Окенова А.О., Орозонова А.А.* Перспективы развития экспорта органической продукции в условиях интеграции // *Экономические отношения*. 2018. № 2. С.261–270. DOI: 10.18334/eo.8.2.38987.
21. *Орозонова А.А., Акматалиев Т.А., Сеиткожиева М.У.* Перспективы развития сельского хозяйства Кыргызской Республики // *Экономические отношения*. 2019. Том 9. № 2. С.833–854. URL: https://www.researchgate.net/publication/334717014_Perspektivy_razvitiya_selskogo_hozajstva_Kyrgyzskoj_Respubliki (дата обращения: 19.01.23).
22. *Орозонова А.А., Аташова А.* Социально-экономическое развитие Кыргызской Республики в условиях цифровизации // *Экономические отношения*. 2019. № 1. DOI: 10.18334/eo.9.1.39746.
23. *Осмонбетова Д.К.* Особенности развития сельского хозяйства в Кыргызской Республике // *Вестник КРСУ*. 2010. Том 10. № 12. С. 29–31. URL: <https://arch.kyrlibnet.kg/uploads/Osmonbetova%20D.K..pdf> (дата обращения: 21.01.23).
24. *Папцов А., Быков Г., Осипов А.* Транснациональные компании в зерновом хозяйстве России // *Экономика сельского хозяйства России*. 2015. № 9. С. 39–44.
25. *Рахеев Х.М., Энеева М.Н.* Перспективы нового воспроизводственного контура роста в сельском хозяйстве // *Известия КБГАУ*. 2018. № 1 (19).
26. *Рахеев Х.М., Энеева М.Н.* Состояние пространственного развития сельского хозяйства и формирование агропродовольственного кластера России (проблемы теории, практики и методологии) // Raleigh, North Carolina, USA: Open Science Publishing. 2018. – 232 с.
27. *Саматова Э.Э.* Основные проблемы модернизации экономики АПК Кыргызстана // *Вестник КазНУ*. 2012. URL: <https://articlekz.com/article/8563> (дата обращения: 21.01.23).
28. *Турдиев Т.И.* Об эколого-экономических последствиях введения частной собственности на землю // *Вестник Ошского государственного университета*. 2009. Специальный выпуск. С. 244–247.
29. *Турдиев Т.И.* Угрозы для продовольственной безопасности Кыргызстана: эколого-экономический аспект. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ugrozy-dlya-prodovolstvennoy-bezopasnosti-kyrgyzstana-ekologo-ekonomicheskij-aspekt> (дата обращения: 21.01.23).
30. *Убайдуллаев М.* Проблемы использования земельных ресурсов Кыргызстана // *Общество и экономика*. 2011. № 11–12. С. 200–204.
31. *Укибаева Г.К., Кочербаева А.А.* Анализ современного состояния и перспективы развития сельского хозяйства Кыргызстана. URL: <https://research-journal.org/archive/12-54-2016-december/analiz-sovremennogo-sostoyaniya-i-perspektivy-razvitiya-selskogo-hozyajstva-kyrgyzstana> (дата обращения: 11.01.23).

Bazynan Bizengin (e-mail: r3bizengin@mail.ru)

Grand Ph.D. in Economics, Professor

Eldar Bakkuev (e-mail: bak-kuev@mail.ru)

Grand Ph.D. in Economics, Professor

Madina Eneeva (e-mail: madis@mail.ru)

Grand Ph.D. in Economics, Associate Professor

Madina Gazeeva (e-mail: mtramova@mail.ru)

PhD, Associate Professor

(Department of management of the Kabardino-Balkarian State Agrarian University the name of the V.M. Kokov) (Nalchik, Kabardino-Balkarian Republic, Russia)

THE PRESENT-DAY STATE, PROBLEMS AND PROSPECTS OF THE GRAIN SECTOR OF AGRICULTURE IN KYRGYZSTAN

This article summarizes the results of the agrarian reform in Kyrgyzstan. In the Soviet years, a developed agro-industrial complex was formed in the Kyrgyz SSR (now the Republic of Kyrgyzstan) comprising all sectors with a shared reproductive contour. It provided the related industries of the republic with the needed resources (agricultural raw materials, processed products and agricultural machinery) and exported its products to other republics of the USSR, the CMEA states and to far away countries. In the 1990s, the Kyrgyz SSR, like other republics of the former USSR, started deep and consistent agrarian reforms within the framework of conversion to a market economy. 30 years later we can objectively assess the changes.

Based on the analysis of statistical data, the article identifies the main problems faced by the agriculture of the republic, formulates the main directions and proposes mechanisms for resolving problems. The study was conducted on the example of the grain sector of national agriculture.

Keywords: agriculture in Kyrgyzstan, agrarian reform, grain sector, trends, problems, prospects.

DOI: 10.31857/S020736760024671-7

Требования к рукописям, представляемым для публикации в журнале «Общество и экономика»

Содержание статьи должно соответствовать тематическим направлениям журнала, обладать научной новизной и представлять интерес для специалистов по соответствующей проблематике.

Объем рукописи не должен превышать 1,5 авторского листа (60 тыс. знаков).

Текст статьи представляется в формате Microsoft Word в соответствии со следующими параметрами: шрифт Times New Roman, размер шрифта – 14 кегль, межстрочный интервал – 1,5. Иллюстративный материал должен быть представлен в форматах **tiff, eps**. Отсканированные изображения должны быть с разрешением не менее 300 dpi для тоновых изображений и не менее 600 dpi для штриховых изображений (графики, таблицы, детали, выполненные чертежными инструментами).

Список литературы приводится в конце статьи в соответствии с принятыми стандартами библиографического описания.

Статью должны сопровождать аннотация (5–10 строк) и ключевые слова на русском и английском языках.

К статье должны прилагаться **сведения об авторе** (авторах) с указанием Ф.И.О. (полностью), ученой степени, ученого звания, места работы, должности, сл. и дом. телефонов, электронного адреса.

Рукописи подлежат рецензированию.

Плата за публикацию с аспирантов не взимается.

Рукописи следует присылать по адресу: socpol@mail.ru

Приглашаем авторов для быстрой и удобной подачи статей в журналы РАН воспользоваться редакционно-издательским порталом RAS.JES.SU:

Приглашаем авторов для быстрой и удобной подачи статей в журналы РАН воспользоваться редакционно-издательским порталом RAS.JES.SU:

1) пройти процедуру регистрации (указать Ф.И.О., e-mail и задать пароль);
2) в меню «**Мои публикации**» станет активной кнопка «**Добавление Публикации**», нажав на которую, Вы автоматически попадете на страницу, где будет предложено внести всю необходимую информацию о статье;

3) можно оставить краткий комментарий в поле «**Комментарии для редактора**». Статья будет отправлена в редакцию сразу же после нажатия кнопки «**Сохранить и отправить**».

Подробная инструкция размещена по ссылке: <https://ras.jes.su/submit-paper-ru.html>

Оформить подписку на журнал «Общество и экономика» можно следующими способами:

1. на печатную версию журнала можно подписаться на сайте ГАУГН-Пресс во вкладке Журналы РАН <https://press.gaugn.ru/journals-ras/oie/>;
2. на электронную pdf-версию журнала оформить подписку можно на сайте журнала <https://oie.jes.su/> или на редакционно-издательском портале Журналы РАН <https://ras.jes.su/oie/>;
3. через подписной каталог Почты России.

Подписано к печати 14.03.2023 г.

Дата выхода в свет: 30.03.2023 г.

Тираж 150 экз. Зак. 13/За. Цена свободная

70*100¹/₁₆. Уч.-изд. л. 17.5

Учредители: Российская академия наук,
Международная ассоциация академий наук

Адрес редакции: 117218, г. Москва, Нахимовский проспект, д. 32, офис 1027.

Тел. (499)-128-79-16

E-mail: socpol@mail.ru

16+

Издатель: Российская академия наук

20 экз. распространяется бесплатно

Исполнитель по контракту № 4У-ЭА-131-22

ООО «Интеграция: Образование и Наука»

105082, г. Москва, Рубцовская наб., д. 3, стр. 1, пом. 1314

Отпечатано в ООО «Институт Информационных технологий»

Свидетельство о регистрации СМИ в Государственном комитете Российской Федерации

по печати № 0110199 от 05.05.1999

Адрес типографии: 170021, Тверская область, г. Тверь, Дачная улица, дом 33, офис 1